И 251/23

М. Виновергъ
Очерки объ Адвокатурѣ

Дружинин
Москва
1928

И 251/23 ед

М. ВИНАВЕРЪ

ОЧЕРКИ

ОБЪ

АДВОКАТУРѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 лин., 28
1902

3143.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В.И. ЛЕНИНА

22061-41

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Владиміру Даниловичу

СПАСОВИЧУ.

Собранные здѣсь очерки печатались уже ранѣе. Но они разсѣяны въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ; тѣ же изъ нихъ, которые были пущены въ отдѣльную продажу, распроданы. Намъ казалось потому умѣстнымъ теперь, когда законодательный проектъ о реформѣ адвокатуры вступилъ въ Государственный Совѣтъ, собрать ихъ во-едино и издать вновь.

Основные принципы.

I.

«Сословіе столь древнее, какъ магистратура, столь возвышенное, какъ добродѣтель, столь необходимое, какъ справедливость»,—такъ писалъ объ адвокатурѣ столпъ абсолютитской монархіи Людовика XIV, канцлеръ Дагессо.

«Только въ этой профессіи сохранилось мужество истины; только она была школою гражданскихъ добродѣтелей, гдѣ таланты и доблесть научались выступать въ защиту интересовъ народа передъ законодателемъ»,—такъ говорилъ объ адвокатурѣ сокрушитель монархій, Робеспьеръ.

«Они мятежники, виновники преступленій и измѣнъ; я желалъ бы урѣзать языкъ всякому изъ нихъ, кто употребитъ его противъ правительства»,—говорилъ объ адвокатахъ Наполеонъ I.

Откуда столь высокая аттестація съ одной стороны и такая ярая ненависть съ другой? Почему

профессіи судебныхъ «болтуновъ», призванныхъ защищать передъ судомъ частныя судебныя дѣла, суждено было стать школою гражданскихъ добродѣтелей? Отчего, наконецъ, она вызывала въ разныя эпохи преклоненіе и ненависть двухъ представителей одного и того же монархическаго принципа?

Адвокатура Франціи — прототипъ адвокатуры всего континента Европы—окрѣпла и расцвѣла благодаря особымъ историческимъ условіямъ, и только въ освѣщеніи этихъ условій можно уяснить современный строй и истинную роль адвокатуры вообще. Появленіе адвокатуры на историческомъ поприщѣ совпадаетъ съ возникновеніемъ борьбы между средневѣковымъ укладомъ жизни и новою централистическою государственною идеею. Мѣстные провинціализмы обречены были на гибель; на мѣсто многоголоваго феодальнаго организма становился монархъ; исчезалъ членъ сословія, корпораціи, и на смѣну ему шелъ гражданинъ государства; на мѣсто партикулярныхъ правъ становилось единое, всеобщее право. Среди всего запаса культурныхъ средствъ, которыми обладало въ то время человѣчество, не было ни одного болѣе пригоднаго для осуществленія этой великой миссіи, чѣмъ римское право. Оно было воплощеніемъ античнаго генія и потому окружено ореоломъ особаго величія; оно было универсальнымъ правомъ универсальной монархіи; оно было такъ стройно и полно, что, казалось, стоило только въ него углубиться, и от-

вѣтъ на всѣ сомнѣнія пытливаго ума, на всѣ запросы совѣсти будетъ найденъ. Оно стало предметомъ религіознаго культа,—оно представлялось воплощеніемъ чистой идеи справедливости.

Проводники, насадители юридическихъ началъ—ученые легисты, адвокаты—не просто мастера опредѣленнаго ремесла, они священнослужители ордена. Сознавая святость своей миссіи, они сплачиваются въ союзъ, но союзъ этотъ выдвигается изъ ряда прочихъ даже своимъ названіемъ: онъ не цехъ, не корпорація—это слишкомъ низменно,—онъ именуется «сословіемъ», ordre, съ такимъ же правомъ, съ какимъ именовалось такъ рыцарство. Повседневная въ обычныхъ условіяхъ работа юриста—проведеніе въ жизнь правовыхъ началъ—окружается особымъ нимбомъ, потому что эта работа есть лозунгъ эпохи, потому что она не въ абстрактномъ только построеніи, а конкретно, въ приложеніи къ живой общественной группѣ, выступаетъ какъ сила творческая, глядящая въ будущее, созидающая идейное основаніе грядущему государству. Этой силѣ покровительствовали короли, передъ нею трепетали феодалы; ее-то государственный канцлеръ считалъ «возвышенною, какъ добродѣтель, необходимою, какъ справедливость».

Но времена перемѣнились. Сплотившаяся воедино монархія почувствовала свою крѣпость; принципы права лишились въ глазахъ ея своей обаятельной силы; государство провозгласило само себя

источникомъ права. Нѣтъ права какъ силы самодовлѣющей, выше государства стоящей,—а если нѣтъ культа, то не нужно и священнослужителей. Государство само можетъ справиться со всѣми функціями.

Потому-то офранцуженный король Пруссіи, представитель просвѣщеннаго абсолютизма, одѣваетъ своихъ адвокатовъ въ прусскіе мундиры; потому Наполеонъ I желаетъ урѣзать языкъ всякому, который употребитъ его въ защиту права противъ правительства.

Сами священнослужители не теряли, однако, представленія о святости своей миссіи: они претерпѣли всѣ бури, являясь оплотомъ права среди смѣняющихся политическихъ теченій, и донесли свой палладіумъ до лучшихъ дней—до нашихъ дней.

Современное государство чуждо сознанія своего всевластія. Оно не только признаетъ самодѣятельность общественныхъ группъ, связанныхъ единствомъ опредѣленныхъ цѣлей: оно признаетъ прежде и главнѣе всего совершенную обособленность, независимость—я бы сказалъ, особую святость—той функціи, которая состоитъ въ примѣненіи права. Судъ, независимый отъ административныхъ вліяній, судья несмѣняемый,—государственная власть, какъ сторона въ процессѣ, подчиненная другому, высшему началу,—все это вѣхи, вбитыя въ современный строй идеей правового государства.

Рядомъ съ независимымъ судомъ, — направ-

ляясь къ однѣмъ съ нимъ цѣлямъ, но нѣсколько иными путями,—становится независимая адвокатура. Усложненныя житейскія отношенія дѣлаютъ ее необходимой для суда; безъ нея, какъ выражается одна старая записка временъ реформы, «совсѣмъ невозможно точное и полное объясненіе дѣлъ». Содѣйствуя этому объясненію дѣлъ, т.-е. подведенію дѣйствительности подъ общія правовыя нормы, адвокатура исполняетъ часть судебной функціи,—она осуществляетъ право.

Только по волѣ случайныхъ историческихъ судебъ эта основная функція ея превращалась до сихъ поръ въ орудіе политической борьбы: адвокатура объявлялась то школою гражданскихъ добродѣтелей, то гнѣздомъ измѣны. Истинная ея, самостоятельная, не случайная роль забывалась. Вслѣдствіе этого съ одной стороны въ средѣ самой адвокатуры зарождалось невѣрное, преувеличенное представленіе объ ея задачахъ, съ другой—и это особенно печально отразилось на ея судьбахъ — адвокатура стала служить пугаломъ для всѣхъ яркихъ представителей государственнаго начала. Императоръ Николай I, когда ему намекнули на необходимость введенія адвокатуры у насъ, воскликнулъ: «Адвокаты погубили Францію. Кто были Мирабо, Маратъ, Робеспьеръ и другіе? Нѣтъ, пока я буду царствовать, Россіи не нужны адвокаты; проживемъ и безъ нихъ». Между тѣмъ уже одно то, что адвокатура служила въ разныя эпохи то опо-

рою, то противовѣсомъ одной и той же политической системы, доказываетъ, что въ ней не было ничего политическаго въ истинномъ смыслѣ слова, что она руководилась своими особыми началами, и что отношеніе ея къ власти и взаимное отношеніе власти къ ней зависѣли не отъ той или иной политической системы самой по себѣ, а отъ отношенія этихъ системъ къ защищаемому ею правовому принципу.

Только эмансипація правовыхъ функцій въ современномъ государствѣ ясно ставитъ на очередь вопросъ объ истинной задачѣ адвокатуры,—задачѣ гораздо болѣе обширной, чѣмъ та, которая ей навязывалась временными политическими теченіями. Уясненіе этой задачи имѣетъ существенную важность—не для устраненія страха передъ адвокатурою, въ виду возможныхъ политическихъ ея тенденцій, а для того, чтобы сгущеніемъ самосознанія въ самой адвокатурѣ придать ей внутреннюю крѣпость,—чтобы одухотворить ея дѣятельность идейнымъ началомъ, не случайно выдвинутымъ, а соотвѣтствующимъ существу реальной ея дѣятельности; чтобы заново наполнить завѣщанный ей стариною драгоцѣнный, но какъ будто пустѣющій отъ времени сосудъ такъ называемыхъ сословныхъ традицій.

II.

«Они—грабители имуществъ, извратители законовъ, коршуны въ тогахъ, выгоняемые собаками съ публичныхъ площадей; они опутываютъ ловкими рѣчами честныхъ судей; продажные рты, они поражаютъ истину и обращаютъ суды въ тайные капканы»,—такъ характеризовали адвокатуру бытописатели и сатирики древняго Рима; такъ характеризуютъ ее бытописатели и сатирики нашихъ дней.

Въ этомъ приговорѣ, неизмѣнно проходящемъ въ теченіе ряда вѣковъ надъ цѣлою группою людей, есть нѣчто трагическое. Они упорно провозглашаютъ себя служителями общества, насадителями началъ, которыми держится и укрѣпляется общественный строй, а общество отъ нихъ отворачивается: они-де извращаютъ законы, опутываютъ умъ, поражаютъ истину...

Когда адвокатура вводилась у насъ, составители судебныхъ уставовъ писали: «Если бы законы могли быть настолько ясны и просты, чтобы каждый былъ въ состояніи примѣнять оные; если бы всѣ возникающіе въ дѣлахъ вопросы могли быть заранѣе предвидѣны и съ полною точностью означены въ законахъ, то, конечно, не было бы надобности въ установленіи особыхъ присяжныхъ повѣренныхъ; но такого совершенства законовъ нельзя найти, почему и учрежденіе повѣренныхъ

считается основнымъ началомъ образованія судебной защиты».

Адвокатъ, значитъ, призывается къ правотворческой дѣятельности.

Онъ—представитель кліента. Кліенту этому дорогъ только конечный результатъ: осуществленіе его личнаго интереса; правовая сфера для него—только орудіе для достиженія этой цѣли. Адвокатъ преображаетъ конкретный фактъ и переводитъ его въ правовую сферу, — сферу своеобразную, управляемую особыми законами, недопускающую никакихъ инородныхъ элементовъ. Только проникая въ эту сферу, воспринимая ее какъ цѣлое, онъ можетъ рѣшить задачу, возлагаемую на него его профессіею, т.-е. связать конкретный фактъ съ опредѣленною юридическою нормою. Этотъ моментъ есть живой нервъ дѣятельности адвоката—онъ является рѣшающимъ для его отношенія къ правовой сферѣ,—онъ и создаетъ огромное различіе между его отношеніемъ къ правовой сферѣ и отношеніемъ его кліента.

Стоя ближе всѣхъ къ конкретному факту, связывая его съ юридическою нормою, адвокатъ расширяетъ и суживаетъ самый законъ. Онъ творитъ право. Ни у кого такъ мысль не напряжена въ сторону извлеченія изъ даннаго живого матеріала юридической нормы, какъ у него.

«Онъ испытуетъ, углубляется, взрываетъ,—говоритъ Пикаръ,—и гдѣ только возникаетъ сомнѣ-

ніе, онъ выводитъ его наружу. Каждый мигъ въ судебныхъ преніяхъ приноситъ нѣчто новое. Оно зарождается, растетъ и зрѣетъ у адвокатской каѳедры, въ пылу взаимныхъ защитъ, сѣмена коихъ всходятъ въ судебномъ рѣшеніи. И если иногда приходится защищать безъ надежды на успѣхъ, вопреки общепринятымъ взглядамъ, только во имя идеи права, то зато нѣтъ для насъ выше тріумфа какъ видѣть судъ покидающимъ установленные пути толкованія».

И такъ, адвокатъ, въ силу условій своей дѣятельности, необходимо является и служителемъ и творцомъ права. Эта единственная характерная особенность неизмѣнно присуща дѣятельности адвоката во всѣ времена. Передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ страны въ страну, она укрѣпляетъ вѣру въ силу правового начала и сознаніе общественной миссіи адвокатуры.

Но самое сознаніе права, какъ высшей силы, независимой отъ государства, выросло не сразу, да и теперь еще не вполнѣ укрѣпилось. Въ указанной выше борьбѣ стараго строя съ новымъ,— борьбѣ, доходящей до нашихъ дней, — слишкомъ выдвигалось отстаиваніе права самого по себѣ, какъ независимаго отъ государства начала, — для того, чтобы могло быть обращено достаточное вниманіе на его особенныя, не политическія задачи. Сознаніе важности этихъ особенныхъ задачъ все еще чуждо нашему обществу. Ему чуждо юридическое мышле-

ніе вообще. Цѣпи юридическаго построенія съ его своеобразными путями, выработанными на протяженіи вѣковъ и гарантирующими наиболѣе полное и наиболѣе цѣлесообразное осуществленіе справедливости, общество противопоставляетъ свое смѣшанное, непровѣренное *ощущеніе* справедливости, именуемое непосредственнымъ убѣжденіемъ,—ощущеніе, которое можетъ служить отправнымъ пунктомъ, но отнюдь не конечнымъ моментомъ юридическаго процесса. Обществу враждебенъ не только адвокатъ. *Juristen* sind böse Christen. Оно хлещетъ своею сатирою и муміеобразнаго судью, и многотомные своды законовъ, и книжника-толкователя...

Отъ этой отчужденности къ юридическому мышленію вообще остается одинъ только шагъ къ особой враждебности по отношенію къ адвокатурѣ. Когда адвокатура—вслѣдствіе особенныхъ историческихъ условій — выступала какъ политическая сила, холодность ея юридической функціи скрадывалась. Теперь существо ея обнажилось. Благодаря этому выступило съ особенною рѣзкостью въ глазахъ общества и то, что составляетъ лишь грубое, поверхностное, но тѣмъ болѣе бросающееся въ глаза, отличіе ея отъ смежныхъ областей судебнаго творчества: адвокатъ является носителемъ личнаго интереса. Когда судья произнесетъ рѣшеніе, претящее такъ называемому общественному убѣжденію и основанное на довѣріи къ тѣмъ особымъ путямъ, которыми достигается истина на судѣ, —

его сочтутъ сухимъ педантомъ, не болѣе; когда то же сдѣлаетъ адвокатъ, его назовутъ торгашемъ правосудія, продавцомъ истины: его интересъ такъ ясенъ и простъ...

Хуже всего однако то, что мы — адвокаты, юристы вообще—сами часть того же общества: въ силу тѣхъ же историческихъ условій мы сами до сихъ поръ доброю половиною торчимъ внѣ той сферы, которой призваны служить всѣмъ своимъ существомъ. Потому недовѣріе къ нашему признанію пускаетъ корни среди судебной магистратуры; потому — и это страшнѣе всего — оно заносится въ среду адвокатуры, колеблетъ собственное ея представленіе объ ея задачахъ, сѣетъ скептицизмъ по отношенію къ идейному содержанію ея общественной службы. А отсюда одинъ только шагъ къ дѣйствительному оскверненію святыни, къ пораженію истины — для этого не нужно даже остраго личнаго интереса: достачно одной безпринципности.

Укоренить въ обществѣ и въ средѣ самой адвокатуры представленіе объ истинныхъ и особенныхъ ея задачахъ можетъ только организація, содѣйствующая общему подъему самосознанія адвокатуры, какъ цѣлаго. Только сословная организація адвокатуры можетъ уяснить и на дѣлѣ доказать и обществу и самимъ адвокатамъ, что принципы адвокатской дѣятельности достаточно высоки, чтобы ихъ не нужно было прикрывать ни инород-

ными, случайно къ ней прилипшими возвеличеніями, ни раболѣпнымъ трепетомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, покоющимся на отрицаніи существа всего правового строя.

III.

Императоръ Николай I видѣлъ въ адвокатахъ враговъ государственнаго строя. Императрица Екатерина II называла ихъ людьми, способными одинаково «поддерживать то ложь, то справедливость, то несправедливость».

Оба застарѣлые предразсудка—и призракъ «Робеспьера», и призракъ «продажнаго поразителя истины» — шли, такимъ образомъ, впереди нашей присяжной адвокатуры.

Подъ лучами освободительной эпохи растаяли многіе старые предразсудки; но въ числѣ ихъ были такіе, которые только притаились, выжидая удобнаго момента, чтобы выйти изъ своихъ норъ. Ранѣе прочихъ выглянули тѣ, которые касаются адвокатуры. Они появились въ обществѣ, на столбцахъ печати, а затѣмъ и въ правительственныхъ законопроектахъ.

Творцы судебныхъ уставовъ не дали себя ослѣпить ни временными политическими соображеніями, ни ходячими воззрѣніями на адвокатскую мораль. Передъ ними рѣялъ чистый идеалъ суда, творца

и насадителя права; для достиженія этого идеала они призвали себѣ въ помощь силу, безъ которой—какъ они выражались—«рѣшительно невозможно раскрытіе истины и предоставленіе тяжущимся и обвиняемымъ полной защиты передъ судомъ».

Творцы судебныхъ уставовъ не закрывали глазъ на опасности, такъ сказать, врожденныя адвокатурѣ, но противъ этихъ опасностей пытались создать оплотъ,—оплотъ, испытанный на примѣрѣ другихъ странъ и наиболѣе приноровленный къ своеобразнымъ особенностямъ ограждаемаго института. Для того, чтобы это сословіе—писали тогда—представляло вѣрныя ручательства нравственности, знанія и честности убѣжденій, должно, съ самаго его учрежденія, держаться строгаго выбора лицъ на должность повѣренныхъ и установить за ними такой надзоръ, который, не лишая ихъ необходимой для защиты ихъ довѣрителей самостоятельности, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, способствовалъ бы скорому и дѣйствительному огражденію частныхъ лицъ отъ стѣсненій повѣренныхъ, а съ другой—служилъ бы средствомъ къ водворенію и поддержанію между ними самими чувства правды, чести и сознанія нравственной отвѣтственности передъ правительствомъ и передъ обществомъ».

Такую широкую, ясную и глубоко обдуманную постановку вопроса объ адвокатурѣ вы едва ли найдете гдѣ-либо во всей законодательной литера-

турѣ. Центръ тяжести не въ усиленіи внѣшняго контроля, совершенно здѣсь непригоднаго, и не въ установленіи связи съ государственнымъ интересомъ, какъ таковымъ, а въ томъ, чтобы укрѣпить сознаніе общественной задачи адвокатуры и вытекающую изъ этого отвѣтственность передъ обществомъ; чтобы рядомъ съ этимъ предоставить адвокатурѣ ту независимость, которая, по мѣткому старинному опредѣленію, «не ставитъ обладателя ея выше закона, но даетъ ему возможность требовать исполненія закона».

Двѣ эти основныя цѣли достигались, съ одной стороны, установленіемъ самой широкой автономіи сословія, съ другой—прегражденіемъ доступа въ него лицамъ, прикосновеннымъ къ администраціи. И то и другое признавалось настолько тѣсно связанными съ самою задачею правильно организованной адвокатуры, что по этому поводу не возникало никакихъ разногласій въ средѣ составителей судебныхъ уставовъ. Вопросъ о контролѣ надъ сословіемъ съ точки зрѣнія государственной не ставился вовсе. Ранѣе, во время близкое къ Николаевской эпохѣ, говорилось и у насъ объ облаченіи адвокатовъ въ чиновничьи мундиры. Въ запискѣ, представленной Государственному Совѣту, указывалось уже, правда, что «безъ образованія сословія благонадежныхъ и какъ бы освященныхъ ручательствомъ правительства повѣренныхъ едва ли есть возможность привести въ надлежащее

исполненіе постановленія о судопроизводствѣ гражданскомъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ приводился устрашительный примѣръ Франціи, гдѣ адвокаты «достигли политическаго значенія, несогласнаго съ дѣйствительнымъ ихъ призваніемъ», и потому предлагалось «присяжныхъ повѣренныхъ или стряпчихъ назначать отъ правительства изъ лицъ, имѣющихъ нужныя для того способности, свѣдѣнія и нравственныя качества, съ тѣмъ, чтобы предсѣдатели судовъ имѣли право подвергать ихъ нѣкоторымъ побудительнымъ мѣрамъ и денежнымъ за поступки, противные уставу гражданскаго судопроизводства, взысканіямъ».

Въ средѣ составителей уставовъ эти предположенія не нашли однако никакого отклика. Организація адвокатуры какъ сословія была краеугольнымъ камнемъ новаго построенія; вопросъ о ней былъ окончательно разрѣшенъ еще въ «Основныхъ положеніяхъ судоустройства». Второй вопросъ—о преграждении доступа къ адвокатурѣ лицамъ административныхъ вѣдомствъ—былъ выдвинутъ впослѣдствіи, при детальной разработкѣ правилъ объ учрежденіяхъ; онъ былъ сразу рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, и это рѣшеніе, проходя затѣмъ черезъ разныя ступени законодательныхъ инстанцій, не возбудило, насколько намъ извѣстно, никакихъ сомнѣній и не вызвало ни съ чьей стороны возраженій.

Предпринятая нынѣ реформа адвокатуры на

видъ оставляетъ нерушимыми оба устоя. Во вступительной рѣчи своей, произнесенной при открытіи засѣданій коммиссіи, предсѣдатель ея охарактеризовалъ адвокатуру какъ «дѣятельность судебно-общественную», указалъ на сословную автономію, какъ на единственный возможный видъ ея организаціи, назвалъ адвокатуру «неотъемлемою принадлежностью новаго судебнаго строя», отмѣтилъ, что предпринятая реформа остается «вѣрною основнымъ началамъ и взглядамъ, которые усвоены нашимъ законодательствомъ со времени судебной реформы». И тѣмъ не менѣе, когда читаешь отдѣльныя постановленія новаго закона, испытываешь ощущеніе, точно изъ него исчезъ прежній духъ, точно вновь смотритъ на васъ изъ-за угла призракъ Робеспьера или гонимый съ форума продажный «поразитель истины». Это замѣтно въ цѣломъ рядѣ постановленій часто мелкихъ, отражающихъ на себѣ однако общее, не вполнѣ довѣрчивое отношеніе закона къ самостоятельности реформируемаго сословія. Я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Судебные уставы ввѣрили дисциплинарный судъ совѣту, а избраніе совѣта—всему сословію. Этотъ принципъ сохраненъ въ нынѣшнемъ законопроектѣ, но къ нему пристроено нѣчто новое; установлена особая дисциплинарная отвѣтственность членовъ совѣта передъ особымъ присутствіемъ судебной палаты, съ тѣмъ, что присутствію предоставлена

власть даже отрѣшать члена совѣта отъ должности. Постановленіе это явно ограничиваетъ права самоуправляющагося сословія, и съ этой именно точки зрѣнія раздавались противъ него голоса въ коммиссіи, избранной юридическимъ обществомъ въ Петербургѣ для обсужденія законопроекта. Указывалось на то, что, довѣряя совѣту сужденіе о всякихъ предосудительныхъ поступкахъ присяжныхъ повѣренныхъ, законъ могъ бы довѣрить ему судъ и надъ поступками присяжныхъ повѣренныхъ, какъ членовъ совѣта; что введеніе проектированнаго правила фактически стѣснитъ предоставленную сословію свободу выбора членовъ совѣта и повліяетъ такимъ образомъ на качественный составъ совѣта; наконецъ, что опытъ истекшаго со времени введенія адвокатуры тридцатилѣтія не оправдываетъ необходимости этого ограниченія съ какой бы то ни было точки зрѣнія.

Возраженія эти не оставили слѣда въ напечатанныхъ трудахъ коммиссіи, ибо по усвоенной коммиссіей системѣ въ журналъ включалось только мнѣніе большинства. Большинство же и вслѣдъ за нимъ общее собраніе общества отнеслись съ опасеніемъ къ мысли объ устраненіи одного изъ видовъ отвѣтственности адвокатуры,—опасеніемъ, внушеннымъ заботами объ интересахъ самой адвокатуры: *ей*-молъ не слѣдуетъ избѣгать какого бы то ни было изъ предлагаемыхъ ей видовъ контроля. Нужно ли доказывать, что эта осторожность только рѣзче оттѣ-

няетъ характеръ самаго ограниченія? Отчего именно адвокатура должна не избѣгать того, чего можно и должно избѣгать, послѣдовательно проводя принципъ, всѣми раздѣляемый и правильный въ существѣ? Да оттого, что она въ подозрѣніи...

Такъ или иначе, но коммиссія рѣшила не уходить въ глубь вопроса, взять за исходную точку разсужденія самого проекта о необходимости дисциплинарнаго контроля за членами совѣта на одинаковыхъ основаніяхъ съ членами окружныхъ судовъ и соотвѣтственно съ этимъ отмѣтить лишь допущенную проектомъ непослѣдовательность. Дисциплинарная отвѣтственность членовъ суда, изъ которой исходитъ проектъ, ограничивается, по учрежд. суд. уст., проступками, за которые слѣдуетъ предостереженіе. Между тѣмъ для членовъ совѣта предполагаются дисциплинарныя кары вплоть до устраненія отъ должности. Усматривая въ этомъ отсутствіе обѣщаннаго равенства членовъ совѣта съ членами окружныхъ судовъ, коммиссія ограничилась указаніемъ на необходимость оставленія для членовъ совѣта дисциплинарной отвѣтственности лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она установлена для членовъ окружныхъ судовъ.

Нельзя было отнестись съ тѣмъ же спокойствіемъ къ другому нововведенію, окрашенному тою же тенденціею: къ предоставленію прокуратурѣ болѣе широкаго участія въ рѣшеніи вопроса о допущеніи тѣхъ или иныхъ лицъ въ сословіе.

Здѣсь компромиссъ казался невозможнымъ. Если установленіе дисциплинарной отвѣтственности членовъ совѣта могло повлечь за собою—и то лишь косвеннымъ образомъ—качественное измѣненіе состава совѣта, то расширеніе правъ прокуратуры въ вопросѣ о принятіи въ сословіе обозначало бы измѣненіе качественнаго состава самого сословія, и что еще важнѣе—упраздненіе основной функціи выборнаго сословнаго органа.

Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ по закону предоставлено право принимать или отказывать просителямъ по соображеніямъ неформальнаго свойства, не подлежащимъ критикѣ и провѣркѣ съ чьей бы то ни было стороны. Новый законъ оставляетъ совѣту своеобразное право—отказывать, но не даетъ ему права безконтрольно принимать въ сословіе. Эта функція передается въ руки высшей инстанціи, гораздо менѣе чѣмъ совѣтъ приспособленной къ ея исполненію, и тѣмъ менѣе приспособленной къ критикѣ того, что̀ уже исполнено совѣтомъ

Уже при начертаніи правилъ о присяжныхъ повѣренныхъ въ 1861 г. Государственный Совѣтъ указывалъ, что члены высшей, контролирующей совѣтъ инстанціи «не имѣютъ никакихъ данныхъ, по которымъ бы они могли знать представляемаго въ присяжные повѣренные кандидата лучше, чѣмъ совѣтъ самихъ повѣренныхъ, которому, безъ сомнѣнія, ближе всего извѣстны и нравственныя качества, и познанія избраннаго ими лица». Такія же

соображенія высказывались и нынѣ въ II отдѣлѣ и въ общемъ собраніи Высочайше учрежденной коммиссіи по пересмотру судебной части, — но это были соображенія меньшинства.

Съ этими соображеніями меньшинства согласились и коммиссія и общее собраніе юридическаго общества. Юридическое общество отмѣтило при этомъ полное несоотвѣтствіе предлагаемаго правила съ мотивами, приводимыми въ его оправданіе. Мотивы указываютъ, что хотя совѣтъ имѣетъ право рѣшать вопросъ о нравственныхъ качествахъ просителя по внутреннему убѣжденію, безконтрольному, а слѣдовательно безапелляціонному, — однако онъ «можетъ впасть въ ошибку при оцѣнкѣ формальныхъ правъ лица, желающаго поступить въ сословіе, и ошибка эта можетъ обратиться во вредъ «интересамъ общегосударственнымъ». Но очевидно, что если дѣло касается формальныхъ основаній для отказа, то достаточно было допустить протестъ прокурора въ случаѣ нарушенія постановленіями совѣта именно формальныхъ требованій закона — противъ предоставленія такого права прокурору никто и не возражалъ: имъ не колеблются основы самоуправленія. Вся острота вопроса въ томъ и состоитъ, что прокурору предоставлено право протестовать противъ постановленій о принятіи вообще, по всякимъ соображеніямъ—не только формальнымъ. Не стоитъ ли за этимъ правиломъ тѣнь Робеспьера?

Не допуская въ сословіе лицъ, которыхъ совѣтъ, по соображеніямъ о нравственномъ ихъ достоинствѣ, счелъ возможнымъ принять, проектъ, съ другой стороны, вводитъ въ сословіе цѣлую категорію такихъ лицъ, которыя до сихъ поръ не были въ немъ терпимы. Это—чины административныхъ вѣдомствъ, «обязанности коихъ,—какъ гласитъ проектъ, — состоятъ въ веденіи и защитѣ въ судахъ дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами означенныхъ вѣдомствъ». Мотивы оправдываютъ это нововведеніе тѣмъ, что «служебная дѣятельность ихъ (чиновъ административныхъ вѣдомствъ) весьма близко подходитъ къ дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ и въ достаточной степени можетъ ознакомить ихъ съ судебною практикою». Но эти мотивы, очевидно — такъ же, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, — не отвѣчаютъ вовсе на поставленный вопросъ.

Не въ огражденіе сословія отъ лицъ, незнакомыхъ съ судебною практикою, лицамъ административныхъ вѣдомствъ закрывался доступъ въ адвокатуру, а въ интересахъ охраненія адвокатской дѣятельности отъ вліянія чуждыхъ ей, какъ и вообще всей судебной сферѣ, административныхъ воззрѣній и вліяній. Если признать возможнымъ ввести въ составъ адвокатуры административнаго чиновника только потому, что онъ знакомъ съ судебною практикою, то съ неменьшимъ правомъ можно ввести въ составъ судей весьма опытнаго въ

судебныхъ дѣлахъ прокурора. Меньшинство II отдѣла и общаго собранія коммиссіи указывало на то, что отъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, какъ подчиненныхъ различнымъ начальствамъ, нельзя ждать той независимости, которая признается необходимою для присяжнаго повѣреннаго»; но въ сужденіяхъ большинства никакого отвѣта на это основное возраженіе не содержится. О независимости адвокатуры въ проектѣ вообще не говорится.

Юридическое общество присоединилось къ мнѣнію меньшинства II отдѣла; въ соображеніяхъ коммиссіи общества указывается какъ на грозящій институту присяжныхъ повѣренныхъ подрывъ его независимости, такъ и на отсутствіе какихъ-либо иныхъ основаній для введенія предлагаемой мѣры.

Расколъ въ коммиссіи — такъ же какъ и въ обѣихъ правительственныхъ коллегіяхъ—вызванъ былъ вопросомъ частнымъ, не имѣющимъ особаго значенія съ точки зрѣнія общихъ проблемъ адвокатуры,—вопросомъ о томъ: допускать ли къ занятію адвокатурою профессоровъ-юристовъ. Профессоръ состоитъ на службѣ, онъ также чиновникъ административнаго вѣдомства, и если запрещается поступленіе въ адвокатуру чиновникамъ вообще, то послѣдовательно надлежало бы закрыть въ него доступъ и профессорамъ. Но при всей послѣдовательности этого разсужденія, вы неохотно ему под-

чиняетесь: чувствуется, что тутъ, при полнотѣ внѣшней аналогіи, есть, однако, разница въ существѣ. Наука не есть установленіе государственное, а профессоръ есть прежде всего слуга науки и лишь немногимъ болѣе всякаго свободнаго гражданина Имперіи — слуга государства. Россія никогда не имѣла офиціальныхъ штатсъ-философовъ и штатсъ-гелертеровъ, а если были у насъ суррогаты этой породы, то они набирались чаще всего изъ добровольцевъ и не стояли ни въ какой обязательной связи съ профессорской каѳедрой, съ «службою по учебному вѣдомству»: офиціальное причисленіе къ вѣдомству никогда не налагало на русскихъ ученыхъ клейма внутренней зависимости отъ видовъ начальства. Съ другой стороны, польза отъ введенія научнаго элемента въ ряды нашей адвокатуры, страдающей вообще слабымъ развитіемъ теоретическихъ знаній, несомнѣнна. Можно ли при такихъ условіяхъ преграждать доступъ въ сословіе профессору только потому, что онъ получаетъ жалованье изъ государственнаго казначейства?

Вопросъ о вліяніи профессорскаго элемента на адвокатуру возбуждался—по нѣсколько иному поводу — и при составленіи судебныхъ уставовъ. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести по этому поводу нѣсколько строкъ, которыми заканчивается горячая филиппика, составленная большинствомъ коммиссіи 1861 года въ защиту науч-

наго элемента въ судебномъ творчествѣ вообще и въ творчествѣ адвокатуры въ особенности. «Этотъ элементъ — писали тогда — нуженъ для сословія, чтобы навсегда оживить его и облагородить связью съ наукою и ея представителями; чтобы новый процессъ не принялъ рутиннаго, механическаго направленія, но былъ постоянно освящаемъ свѣтомъ науки; чтобъ теорія и практика шли и развивались рука объ руку; чтобъ ни въ той, ни въ другой не было ни одностороннихъ заблужденій, ни фальшивыхъ увлеченій; чтобъ создалась наконецъ дѣйствительно правильная юридическая жизнь, достойная великаго государства».

Кромѣ реформъ, о которыхъ рѣчь шла до сихъ поръ, предполагались еще двѣ реформы, въ томъ же направленіи: одна имѣла въ виду недопущеніе въ сословіе лицъ, состоящихъ подъ гласнымъ полицейскимъ надзоромъ, другая была направлена къ изъятію одной отрасли дисциплинарныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія совѣта. Оба эти предложенія отклонены большинствомъ голосовъ въ обѣихъ правительственныхъ коллегіяхъ, но на одномъ изъ нихъ — на послѣднемъ — я желалъ бы тѣмъ не менѣе остановиться. Группу дѣлъ, которую предположено было изъять изъ вѣдѣнія совѣта, принято называть на техническомъ языкѣ délits d'audience—нарушеніе благопристойности, допущенное адвокатомъ во время судебнаго засѣданія. Эта группа выдѣлилась изъ общаго дисциплинарнаго

кодекса во Франціи, въ самыя тяжелыя для французской адвокатуры времена, когда разгромъ революціи смѣнился эпохою наполеоновскихъ укротительныхъ законовъ. Тогда-то всплылъ вопросъ о цѣлесообразности предоставленія суда надъ адвокатомъ, совершившимъ проступокъ въ судебномъ засѣданіи, той самой коллегіи, по отношенію къ которой проступокъ совершенъ. Рѣчь шла не объ общей дискреціонной власти предсѣдателя суда, которая, конечно, распространяется и на адвоката, и не объ общей уголовной отвѣтственности, если адвокатомъ допущена грубая вина; нѣтъ, рѣчь шла именно о правѣ дисциплинарнаго суда, — о предоставленіи мстительному чувству оскорбленной коллегіи права произнести тотъ приговоръ, который въ обычныхъ условіяхъ входитъ въ сферу компетенціи совѣта. Необходимость установленія такого порядка поддерживалась у насъ въ нѣсколько смягченномъ видѣ: сужденіе о поступкѣ присяжнаго повѣреннаго, совершенномъ во время засѣданія, желали предоставить не той коллегіи, въ присутствіи которой проступокъ совершенъ, а особому судебному органу—присутствію судебной палаты. Какъ на главное для этого основаніе, указывалось на то, что при нынѣшнемъ порядкѣ вещей судебныя коллегіи вынуждены въ большинствѣ случаевъ оставлять совершенно безнаказанными самыя рѣзкія нарушенія благопристойности со стороны присяжныхъ повѣренныхъ: онѣ предпочитаютъ этотъ

исходъ передачѣ дѣла на разсмотрѣніе совѣта, которому онѣ, судебныя коллегіи, не вполнѣ довѣряютъ. «Допуская даже — говорилось въ замѣчаніяхъ, представленныхъ по этому поводу — что совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ будетъ состоять изъ лицъ, желающихъ быть безпристрастными, все-таки нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что постановленія даже такого совѣта были бы вполнѣ правильны, ибо совѣтъ не вправѣ входить въ критическую оцѣнку дѣятельности самой судебной коллегіи или ея предсѣдателя, а между тѣмъ онъ нерѣдко бываетъ вынужденъ прибѣгнуть къ этому для правильной оцѣнки дѣйствій привлеченнаго къ отвѣтственности».

Говоря кратко, это значитъ: совѣту не можетъ быть оказано довѣріе въ тѣхъ случаяхъ, когда для выясненія вопроса о винѣ присяжнаго повѣреннаго, совѣту пришлось бы входить въ критическую оцѣнку дѣйствій чиновъ судебнаго вѣдомства. Между тѣмъ критическая оцѣнка дѣйствій лицъ разныхъ вѣдомствъ требуется не разъ при обсужденіи совѣтомъ дѣйствій присяжныхъ повѣренныхъ, и лишить совѣтъ права входить въ такую оцѣнку, значило бы лишить его вовсе возможности отправлять дисциплинарную функцію. Мало того: оцѣнка дѣйствій лицъ судебнаго вѣдомства со стороны совѣта требуется и въ другихъ случаяхъ — въ случаяхъ столкновеній присяжныхъ повѣренныхъ съ чинами судебнаго вѣдомства внѣ

судебнаго засѣданія. А для этихъ случаевъ совѣтъ безспорно остается компетентнымъ учрежденіемъ. Для чего же, спрашивается, окружать особымъ попеченіемъ членовъ судебнаго вѣдомства въ одномъ случаѣ, когда они не ограждаются въ другихъ?

Отдѣленный отъ права самой судебной коллегіи вымѣщать свой гнѣвъ на провинившемся адвокатѣ, вопросъ о délits d'audience лишается всякаго, даже психологическаго обоснованія. Во всякомъ случаѣ — въ томъ ли видѣ какъ предполагалось у насъ, или въ томъ видѣ какъ оно существуетъ во Франціи, — правило о délits d'audience направлено къ урѣзанію автономіи сословнаго суда. По этому одному уже слѣдуетъ признать, что каковы бы ни были частныя выгоды отъ предлагаемаго рѣшенія,—онѣ не могутъ имѣть рѣшающаго значенія.

Есть принципы, одно колебаніе которыхъ приноситъ вредъ,—хотя бы вредъ этотъ и не поддавался заранѣе правильному математическому учету.

IV.

Проектъ содержитъ много детальныхъ постановленій объ адвокатскомъ гонорарѣ. Тутъ и такса, нѣсколько уменьшенная противъ нынѣшней, и обязательный письменный договоръ о гонорарѣ, и

право совѣта измѣнять условія о гонорарѣ сообразно съ талантомъ и знаніями адвоката. Вся эта нормировка не представляетъ въ общемъ сколько-нибудь значительнаго интереса, но есть въ ней одна частность, заслуживающая вниманія: она какъ бы разомъ озаряетъ весь пройденный нами путь.

Проектъ принимаетъ, какъ общее правило, что гонораръ адвоката можетъ быть поставленъ въ зависимость отъ успѣха его ходатайства; изъ этого правила сдѣлано одно исключеніе—для дѣлъ уголовныхъ. Вотъ какъ проектъ объясняетъ это изъятіе:

«Подобныя условія (о вознагражденіи въ зависимости отъ успѣха), не заключая въ себѣ ничего предосудительнаго въ примѣненіи къ дѣламъ гражданскимъ, совершенно неумѣстны относительно дѣлъ уголовныхъ, по коимъ задача защитника заключается не въ обѣленіи преступника или въ перенесеніи отвѣтственности съ дѣйствительнаго виновника на лицо неповинное, но въ содѣйствіи суду въ раскрытіи истины. Очевидно, что допускать въ сихъ послѣднихъ дѣлахъ соглашенія, ставящія размѣръ вознагражденія въ зависимость отъ того или иного исхода дѣла,—значитъ допускать недостойный торгъ правосудіемъ».

Когда вы, пробѣгая страницы проекта, — рядомъ съ общимъ, такъ сказать теоретическимъ, признаніемъ адвокатуры, наталкиваетесь на цѣлый

рядъ мелкихъ ограничительныхъ постановленій, то не можете отдѣлаться отъ досаднаго чувства какой-то неясности, непониманія, въ чемъ тутъ дѣло: чѣмъ погрѣшила наша адвокатура? за что ее донимаютъ этими мелкими уколами?

Въ вводной рѣчи предсѣдателя коммиссіи – въ ней одной только имѣются общія соображенія о задачахъ адвокатуры—говорится глухо, что «при столкновеніяхъ съ практическою дѣятельностью выяснились слабыя и больныя мѣста учрежденія, и нельзя не признать, что въ судьбахъ его многое не оправдало надеждъ и ожиданій законодателя». Указанный тутъ же рядъ мѣръ, принятыхъ по отношенію къ адвокатурѣ за 30 лѣтъ ея существованія, также не способствуетъ нисколько выясненію вопроса. Этихъ мѣръ всего было три: учрежденіе временнаго института частныхъ повѣренныхъ, ограниченіе доступа въ адвокатуру евреямъ и пріостановленіе открытія совѣтовъ. Но первая мѣра указываетъ не на какой-либо дефектъ самой адвокатуры, а на недостаточную ея численность для удовлетворенія всѣхъ нуждъ; вопросъ объ евреяхъ въ адвокатурѣ есть вопросъ объ евреяхъ, а не объ адвокатурѣ; третья мѣра доказываетъ только отрицательное къ адвокатурѣ отношеніе, но не раскрываетъ его причинъ.

Первый и единственный лучъ въ эту темную область падаетъ отъ процитированнаго мною мѣста по поводу адвокатскаго гонорара.

Въ гражданскихъ дѣлахъ дозволено обусловливать гонораръ успѣхомъ, въ уголовныхъ не дозволено,—потому что здѣсь, въ уголовныхъ дѣлахъ, задача адвоката не заключается въ обѣленіи виновнаго и въ очерненіи невиннаго. Слѣдуетъ ли отсюда, что въ дѣлахъ гражданскихъ *въ этомъ* именно состоитъ задача защитника? Не дозволено, говорится далѣе, потому что въ дѣлахъ уголовныхъ задача защитника—содѣйствіе суду въ раскрытіи истины. Какой истины? Не той, которая достигается путемъ противопоставленія защиты и нападенія, которая объективируется только въ процессѣ судейскаго сужденія, которой объективно до того вовсе не существовало, — а какой-то иной истины, напередъ данной,—напередъ ему, именно ему, защитнику, по непосредственному его ощущенію, доступной...

Когда творцы судебныхъ уставовъ говорили объ адвокатахъ, какъ о пособникахъ суда въ раскрытіи истины, то они не представляли себѣ, что это будутъ лазутчики, подслушивающіе голосъ совѣсти своего подсудимаго, доводящіе о немъ до свѣдѣнія суда и этимъ путемъ «раскрывающіе истину»; они и не полагали, что это будутъ посторонніе совѣстные зрители, нѣчто вродѣ четвертыхъ-пятыхъ судей, произносящіе въ помощь суду свое безстрастное сужденіе о выслушанномъ дѣлѣ. Ихъ не интересовалъ даже вопросъ о томъ, что истина вообще достигается лучше путемъ борьбы двухъ другъ на

друга наступающихъ интересовъ: для осуществленія *этой* задачи не нужно образованныхъ юристовъ—достаточны два умныхъ и опытныхъ въ словесныхъ состязаніяхъ человѣка. Творцы судебныхъ уставовъ интересовались инымъ. Они полагали, что устрояютъ юридическій бытъ страны, что когда существуютъ въ обществѣ законныя нормы, сдерживающія и охраняющія его, то необходимо, чтобы онѣ проявляли свою силу въ каждомъ конкретномъ отношеніи. Раскрытіе истины—въ гражданскомъ ли процессѣ или уголовномъ—только для того и требуется, чтобы факты могли быть освѣщаемы со стороны ихъ связи съ юридическими нормами. Только потому оно становится дѣломъ суда, адвокатовъ; иначе—повторяю—для чего тутъ были бы образованные юристы?

Противопоставляя роль адвокатовъ въ гражданскомъ и въ уголовномъ судѣ, проектъ какъ будто бы освобождаетъ ихъ отъ всякой отвѣтственности за обѣленіе виновныхъ въ дѣлахъ гражданскихъ. Центръ тяжести однако, очевидно, не въ этомъ противопоставленіи, а въ томъ, что въ уголовныхъ дѣлахъ они дѣйствительно «обѣляютъ» виновныхъ,—и притомъ обѣляютъ за деньги, учиняютъ «торгъ правосудіемъ». Они есть именно тѣ самые люди, о которыхъ говорила Екатерина Великая: они могутъ «поддерживать то ложь, то справедливость, то несправедливость»,—«продажные рты, поражающіе истину».

Когда наша адвокатура выступала на обществен-

ное поприще, — ее привѣтствовалъ восторженно судъ, привѣтствовало еще болѣе восторженно общество.

Въ введеніи судебныхъ уставовъ, и особенно въ реформѣ уголовнаго процесса, видѣли первый шагъ къ освобожденію личности отъ гнета полицейскаго государства. Государственная власть ставилась стороною; ея споръ съ подсудимымъ долженъ былъ рѣшить судъ. Подсудимаго представляетъ защитникъ. Онъ и явился въ глазахъ общества, и еще болѣе въ своихъ собственныхъ глазахъ, присяжнымъ носителемъ того великаго начала, которымъ проникнуты уставы. Эта его роль особенно подчеркивалась тѣмъ, что и судъ, и прокуратура — въ сущности также, какъ и онъ, призванные ограждать личность, какъ таковую, и управомоченные касаться ея лишь въ предѣлахъ нарушеннаго права — не сразу сжились съ новымъ порядкомъ вещей и часто возвращали мысль къ прежнимъ временамъ безпредѣльнаго властвованія государства надъ личностью подсудимаго. Къ этому присоединились частые политическіе процессы; адвокаты въ нихъ исполняли только свою адвокатскую роль, но общество — въ извинительномъ заблужденіи юношескаго порыва — желало въ нихъ видѣть нѣчто иное.

Жизнь затѣмъ вошла въ будничную колею. Рядомъ съ величественными преступниками явились ничтожные: мелкія мошенничества, четвертыя и пятыя кражи, — защитнику приходилоть выгора-

живать уже не всю личность подсудимаго, а частицу его: неправильное примѣненіе наказанія, нагроможденіе на виновнаго излишней вины. Явились, наконецъ, случаи, гдѣ общество кричало: воръ, преступникъ,—а адвокатъ все-таки защищалъ. Словомъ, явилась та сѣрая, повседневная работа, идущая вдали отъ большой дороги общественныхъ или политическихъ теченій,—ограждающая право, гдѣ бы оно ни было нарушено, въ маломъ и великомъ, посредствомъ незамѣтнаго и упорнаго труда,—вырывающая жертву столько же изъ рукъ прокурора, сколько изъ рукъ ослѣпленнаго страстью общества,—работа, руководимая однимъ только сознаніемъ святости права. И обществу показалось, что адвокаты перестали исполнять свою миссію. Сатира стала бичевать. Даже величайшій изъ сатириковъ понялъ только истинныя причины разлада, но не могъ указать цѣлительнаго средства: не уразумѣлъ истиннаго, общественнаго значенія адвокатуры. Онъ корилъ общество за преувеличенныя надежды, корилъ адвокатовъ за самообманъ, за то, что они, не понявъ ограниченности своей функціи, сочли себя солью земли, безкорыстными—болѣе безкорыстными, чѣмъ другіе — ратоборцами истины и свѣта, общественными дѣятелями въ томъ широкомъ смыслѣ, который, по условіямъ нашей жизни, примѣнялся до сихъ поръ только къ представителямъ литературы и печати. «Адвокатура наша—писалъ Салтыковъ—по началу довольно го-

рячо заявила о своей солидарности съ вопросами жизни, и потому весьма естественно встрѣтила со стороны либеральной прессы самое горячее сочувствіе. Но, симпатизируя защитнику вдовы и сироты, литература, какъ старшая сестра въ либерализмѣ, до того простерла свое усердіе, что, подвергая дѣйствія адвокатовъ неусыпному контролю, заявила претензію держать это сословіе въ постоянной опекѣ. Начались обличенія, взысканія, выговоры, почти угрозы. Такое отношеніе литературы едва ли можетъ быть названо правильнымъ. Франція — классическая страна адвокатуры, представители которой со времени первой революціи играли въ ея исторіи очень значительную политическую роль, но и тамъ объ адвокатахъ, какъ объ адвокатахъ, въ литературѣ нѣтъ и рѣчи. Едва ли можно указать на примѣръ, чтобы въ послѣднее время въ какомъ бы то ни было французскомъ органѣ печати было заявлено кому-либо изъ адвокатовъ, что онъ поступаетъ недостойно, защищая французскихъ Овсянниковыхъ и Мясниковыхъ. У насъ ремесленное значеніе адвокатуры, по настоящему, должно бы высказаться еще рѣзче, потому что наши адвокаты уже окончательно не имѣютъ никакого отношенія къ политической жизни государства. Почему никому не приходило въ голову обвинять въ недостоинствѣ башмачника, который шьетъ матери Митрофаніи башмаки, или портного, который одѣваетъ Овсянникова»?

Другіе были болѣе поверхностны, они врѣзались остріемъ своей критики въ самую функцію, ихъ поражалъ кажущійся индиферентизмъ ея къ вопросамъ морали: обѣленіе того, что̀ имъ, по ихъ нравственному чутью, казалось чернымъ, очерненіе того, что̀ имъ казалось бѣлымъ. Они объявили ее дѣятельностью, подкапывающеюся подъ самыя основы общественнаго строя. Какъ бы мстя за свое незрѣлое увлеченіе мнимыми героями, общество изливало свое злобное чувство въ потокахъ жестокихъ и незаслуженныхъ укоризнъ: «веденіе неправыхъ дѣлъ», «прелюбодѣи мысли», «софисты нашего вѣка»...

Прибавьте къ этому, что во всякомъ искусствѣ таланты вознаграждаются неравномѣрно. Иной живописецъ беретъ за картину десятки тысячъ, другой пишетъ вывѣски и получаетъ плату по количеству аршинъ. Адвокатура есть тоже вольнонаемное искусство. Среди многочисленныхъ его служителей громадное большинство, правда, еле пробивается и, потрудившись весь вѣкъ, умираетъ почти-что въ нищетѣ. Но и здѣсь, какъ вездѣ, видно только то, что̀ на поверхности: общество, падкое на сильныя выраженія, заговорило объ «адвокатскихъ кушахъ» и—что всего страшнѣе—о «торгѣ правосудіемъ».

Случилось, такимъ образомъ, нѣчто совершенно необыкновенное. Общество вознесло адвокатуру на пьедесталъ и затѣмъ низринуло ее въ пропасть.

А теперь самой адвокатурѣ ставится въ счетъ и то, что она стояла на бутафорскомъ пьедесталѣ, и тотъ мнимый грѣхъ, за который она разочарованнымъ обществомъ повергнута въ пропасть.

Позади, въ полутуманѣ—Робеспьеръ, впереди—продавцы истины. Мы вернулись не только къ Николаю I, но и къ Екатеринѣ II.

Такъ-то связываются разсужденія о гонорарномъ вопросѣ съ вопросами объ автономіи и независимости адвокатуры.

V.

Когда такъ много сказано о «сословіи» адвокатовъ, то надо, наконецъ, опредѣлить, что́ значитъ здѣсь сословіе? Наслѣдственная ли это каста, средневѣковый цехъ, или замкнутый кругъ опредѣленнаго числа безсмертныхъ? Ни то, ни другое, ни третье. Оно не связываетъ никого на всю жизнь, какъ каста, оно не захватываетъ всего человѣка, какъ средневѣковый цехъ, оно открываетъ доступъ всякому, кто соотвѣтствуетъ установленнымъ, заранѣе опредѣленнымъ условіямъ. Оно—свободный, неограниченный относительно числа,—союзъ лицъ, связанныхъ одною общею цѣлью,—союзъ, направленный къ тому, чтобы лучше обезпечить достиженіе этой цѣли,—ставящій себя, именно какъ носителя этой цѣли, подъ общественный контроль.

Средневѣковый человѣкъ не существовалъ внѣ союза; примыкая къ нему извѣстною функціею, онъ, однако, весь уходилъ подъ его власть, черезъ него только былъ связанъ съ остальнымъ обществомъ. Адвокаты связаны между собою только въ качествѣ адвокатовъ.

Доступъ въ сословіе, какъ сказано, открытъ всѣмъ. Ни одна адвокатура, организованная на истинно-сословныхъ началахъ, въ томъ числѣ и наша, не домогалась никогда монополизированія профессіи въ пользу опредѣленнаго числа избранниковъ. Такія вожделѣнія, окрещенныя техническимъ названіемъ «numerus clausus», высказывались, насколько намъ извѣстно, одною лишь адвокатурою Германіи, сильно еще отдающей традиціями эпохи Фридриха Великаго.

У насъ—да и вездѣ—рѣчь шла да и идетъ не о монополіи замкнутаго круга лицъ, а о монополіи профессіи, — монополіи такой, какъ монополія лекаря или фармацевта, т.-е. объ обязанности лицъ, занимающихся данной профессіей, удовлетворять извѣстнымъ законнымъ требованіямъ.

У насъ пока еще эта обязанность, по отношенію къ судебнымъ повѣреннымъ, не абсолютна. Законодатель справедливо считался и считается съ недостаточностью наличнаго числа присяжныхъ повѣренныхъ для удовлетворенія всѣхъ нуждъ населенія. Пока это число не будетъ признано достаточнымъ, пока не будетъ «комплекта», какъ у насъ

принято выражаться, до тѣхъ поръ, по предложенію судебныхъ уставовъ, тяжущимся должна быть предоставлена полнѣйшая свобода выбора повѣреннаго. Законъ 1874 г. о частныхъ повѣренныхъ стѣснилъ эту свободу, обязывая выбирать повѣреннаго именно изъ состава создаваемой имъ новой категоріи субъ-адвокатовъ, но обязательной присяжной адвокатуры и онъ не ввелъ.

Обязательной присяжной адвокатуры не вводитъ и нынѣшній проектъ, и вопросъ о комплектѣ въ этомъ смыслѣ никакихъ сомнѣній не возбуждаетъ. Проектъ дѣлаетъ только попытку установить норму самой «достаточности» присяжныхъ повѣренныхъ, но эту попытку нельзя признать удачной. Единаго для всѣхъ округовъ Имперіи мѣрила достаточности изобрѣсти вообще невозможно, и во всякомъ случаѣ этимъ мѣриломъ не можетъ быть удвоенное число судей, какъ то предполагаетъ сдѣлать проектъ. Для каждаго отдѣльнаго округа, по истребованіи соотвѣтственныхъ свѣдѣній отъ мѣстныхъ судебныхъ палатъ, необходимо особо установить достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ, сообразуясь съ численностью населенія, съ его состоятельностью и привычками, съ разстояніемъ мѣстности и прочими условіями, распредѣляющимися по разнымъ округамъ крайне неравномѣрно.

Гораздо болѣе спорнымъ представлялся другой вопросъ—тоже объ обязательности, но не того или

иного вида адвокатуры, а объ обязательности судебнаго представительства вообще, о такъ назыв. Advocatenzwang'ѣ,—о томъ, слѣдуетъ ли предоставить самимъ тяжущимся по дѣламъ гражданскимъ право вести лично свои дѣла. Вопросъ этотъ, казалось бы, представляется для нашихъ условій нѣсколько теоретичнымъ: ибо гдѣ нѣтъ достаточнаго числа патентованныхъ повѣренныхъ, не можетъ быть рѣчи о немедленномъ введеніи обязательной адвокатуры. Но законы пишутся не на часъ, и потому вполнѣ понятно, что этотъ вопросъ выдвигается на очередь при всякой кодификаціи законовъ о повѣренныхъ, тѣмъ болѣе, что онъ разрѣшается, именно въ смыслѣ обязательности адвокатуры, законами тѣхъ странъ, откуда организація адвокатуры въ значительной степени заимствована. Составители судебныхъ уставовъ долго дебатировали этотъ вопросъ и въ концѣ концовъ отвергли обязательность адвокатуры; составители нашего законопроекта вовсе не дебатировали его и тоже отвергли обязательность. Въ коммиссіи юридическаго общества вопросъ объ обязательности адвокатуры былъ поднятъ, — поднятъ, считаю нужнымъ добавить, представителемъ судебной магистратуры,—и хотя въ окончательномъ выводѣ по большинству голосовъ рѣшенъ тоже отрицательно, однако результатомъ его обсужденія явилась поправка, заслуживающая серьезнаго вниманія.

Въ защиту обязательной адвокатуры приво-

дится указаніе на положенное въ основу гражданскаго процесса состязательное начало, согласно которому судъ не вправѣ самъ опекать сторону во время процесса,—и на невѣжество нашихъ тяжущихся, которымъ не подъ силу лично выдерживать борьбу съ патентованными противниками. Дѣйствительно судебная практика обнаруживаетъ прискорбные случаи, когда судъ, связанный состязательнымъ началомъ, вынужденъ безстрастно взирать на утрату тяжущимся самыхъ безспорныхъ правъ, только по винѣ его собственнаго невѣжества. Для такихъ случаевъ слѣдовало бы, не ломая общаго строя учрежденія, сосредоточить все свое вниманіе только на устраненіи особенныхъ условій, вызывающихъ исключительные случаи. Для этого достаточно предоставить предсѣдателю суда право, когда обнаружится крайне неумѣлая со стороны тяжущагося защита его интересовъ, обратить на это его вниманіе,—предоставить ему возможность замѣстить себя повѣреннымъ, отложивъ для этого разборъ дѣла. Ущербъ принципу состязательности будетъ здѣсь настолько невеликъ, что серьезно о немъ и говорить невозможно.

VI.

Имѣется въ новомъ законопроектѣ особый уголокъ, посвященный юнымъ представителямъ сословія — уголокъ самый дѣвственный, вовсе не-

тронутый еще прикосновеніемъ жизни. Я обойду всѣ детали спора между защитниками такъ называемаго личнаго патроната, т.-е. «помощничества» въ строгомъ смыслѣ, и патроната сословнаго, т.-е. системы, при которой для кандидатовъ въ адвокатуру организуются самимъ сословіемъ практическія занятія, освобождающія ихъ отъ отыскиванія себѣ патрона и отъ служенія ему въ качествѣ подмастерьевъ. Споръ этотъ разсматривается мною подробно въ слѣдующихъ очеркахъ. Здѣсь мнѣ хотѣлось бы освѣтить вопросъ только въ самыхъ общихъ чертахъ и притомъ съ одной только точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія пережитаго нами тридцатилѣтняго опыта. Иные толкователи находятъ, что организуемое проектомъ «помощничество» есть только повтореніе стараго, испытаннаго, — и по одному тому уже заслуживаетъ предпочтенія передъ нашими новшествами. Мы думаемъ, что въ этомъ кроется глубокое недоразумѣніе.

Помощники присяжныхъ повѣренныхъ выросли у насъ сами собою. Потребность въ адвокатахъ, переполненіе судебнаго вѣдомства, привлекательность самой профессіи—все это тянуло толпы юношества въ сословіе. Они шли туда прямо съ университетской скамьи – шли не для того, чтобы «помогать», а чтобы добиться доступа въ профессію тѣмъ единственнымъ способомъ, который всѣмъ доступенъ. Да и какъ помогать, когда некому, когда нѣтъ нуждающихся въ помощи? Эта моло-

дежь охотно направилась бы и на судебную службу, отбывать тамъ свой новиціатъ, но тамъ переполнено; и безъ того каждое субъ-секретарское мѣсто осаждается роемъ кандидатовъ, отбывающихъ свой стажъ. Она и примостилась формально къ 354 ст. учр. уст. суд., которая гласитъ, что въ присяжные повѣренные принимаются лица, занимавшіяся въ теченіе пяти лѣтъ практикою у присяжнаго повѣреннаго.

Примѣнялась ли эта статья на дѣлѣ? Наши противники ссылаются именно на нее, какъ на доказательство того, что система у насъ испытана.

Послушаемъ, что̀ говоритъ объ этомъ достовѣрнѣйшій свидѣтель — тотъ, кому не только наиболѣе знакома, но, пожалуй, наиболѣе дорога судьба русской адвокатуры.

«Состояніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ—пишетъ В. Д. Спасовичъ—есть въ сущности институтъ не частнаго права, а публичнаго; ему можетъ быть приданъ обманчивый видъ личнаго патроната, но оно только и можетъ существовать при подложеніи подъ него идеи новиціата, въ смыслѣ настоящаго его основанія. Идея новиціата—хотя и не выражается въ судебныхъ уставахъ—до того вошла, однако, въ плоть и кровь адвокатуры, въ наши адвокатскіе нравы, что совѣты, сами того не замѣчая, ей только слѣдуютъ, хотя и пытаются порою идти назадъ и прикрѣплять институтъ къ его первоисточнику, т.-е. къ 354 статьѣ учрежденія судебныхъ установленій».

Совѣты, значитъ, не руководствовались 354 ст. Имъ приходилось самимъ, на собственный рискъ и страхъ, созидать «разсадникъ» адвокатуры. Столичный нашъ совѣтъ,—да и другіе, кажется,—пошелъ по этому пути и самъ организировалъ стажъ: онъ вмѣнилъ помощникамъ въ обязанность посѣщать конференціи, докладывать въ нихъ рефераты по практическимъ вопросамъ права, отбывать въ теченіе стажа обязательное число уголовныхъ защитъ. Предлагались и другія мѣры,—проектъ ихъ подробно разработанъ К. К. Арсеньевымъ въ «Замѣткахъ объ адвокатурѣ». Но все это дѣлалось, а чаще всего проектировалось, спорадически, не съ равною энергіею въ разныя эпохи, въ зависимости отъ большей или меньшей приверженности даннаго состава совѣта къ той или иной системѣ: ибо по закону—и въ этомъ источникъ всей болѣзни—совѣтъ не былъ вовсе обязанъ и въ сущности не былъ даже вправѣ налагать на помощниковъ какія-либо обязанности: ему подчинялись только потому, что въ роковой часъ онъ властенъ былъ отказать непокорному въ пріемѣ въ сословіе. Власть совѣта по отношенію къ помощникамъ систематически отвергалась высшею судебною инстанціею и держалась только силою этого страха передъ будущимъ.

Какъ бы то ни было, но значительное большинство нынѣшнихъ присяжныхъ повѣренныхъ проходили именно эту школу и никакой другой;

только установленныя совѣтомъ обязанности реально исполнялись, и только ихъ исполненіе въ дѣйствительности требовалось для поступленія въ сословіе. Все остальное всегда было и осталось донынѣ комедіею. Помощничество существуетъ у насъ, какъ и вездѣ, поскольку есть потребность въ помощи, — такъ оно, вѣроятно, будетъ существовать и впредь. Но *обязательнаго* помощничества,— помощничества, какъ единственной обязательной системы подготовки, у насъ никогда не было. А въ этомъ весь вопросъ. Говорить, что система личнаго патроната у насъ испытана на дѣлѣ, значитъ смѣшивать бумажное предписаніе закона съ живою дѣйствительностью.

Помощники наши должны быть введены въ ряды сословія и подчинены надзору совѣта. На совѣты должна быть возложена *обязанность* организовать для помощниковъ систему подготовки. Это несомнѣнно. Но никакихъ дальнѣйшихъ предуказаній не требуется, ибо всѣ эти указанія могутъ пока имѣть только доктринерскій характеръ. Системы могутъ и должны пока варіировать, сообразно мѣстнымъ условіямъ, ибо ни одна изъ нихъ въ цѣломъ не была еще нигдѣ испытана. Во всякомъ случаѣ закрѣплять въ форму закона ту систему, которая явно не выдержала напора жизни, значитъ ломать жизнь неизвѣстно во имя чего.

Какая бы впрочемъ ни была принята форма, важно уже то, что вопросъ объ адвокатской школѣ

поставленъ на очередь. Вопросъ этотъ выдвинутъ впервые проектомъ, и въ этомъ несомнѣнная его заслуга. Школа, правильно организованная—такое же орудіе для возрожденія адвокатуры, какъ и сословная автономія.

«Во времена оны,—повѣствуетъ одінъ лѣтописецъ французской адвокатуры,—вся молодежь, наилучше образованная и изъ самыхъ почтенныхъ домовъ, стремилась стать адвокатами и проявлять свои таланты на этомъ поприщѣ, для того, чтобы добиваться затѣмъ должностей совѣтниковъ». У насъ адвокатура никогда въ такомъ авантажѣ не была; а все же памятны случаи, когда сановные посты покидались ради адвокатскаго значка и наоборотъ. Но то была юность, адвокатура была еще привлекательною и, главное, добродѣтельною дѣвою,—законный бракъ съ нею былъ почетенъ. Затѣмъ ее объявили блудною дщерью юстиціи—и вся, весьма добродѣтельная, судебная знать стала отъ нея чинно сторониться. Если адвокатъ изрѣдка назначается на судебный постъ, то не какъ адвокатъ, а какъ «бывшій титулярный совѣтникъ». Судья идетъ въ адвокатуру съ отчаянія, въ горестномъ сознаніи, что онъ жертвуетъ своею невинностью ради бреннаго металла.

Между тѣмъ, вы видите, все это была сплетня,—пустая житейская сплетня: для нашего разрыва съ судебною магистратурою нѣтъ и не было никогда

реальныхъ основаній. Мы сбились съ пути и никакъ встрѣтиться не можемъ,—и все это потому, что всѣ мы—вся судебная семья—слишкомъ мало считаемся съ одною истиною, выраженною съ большою простотою въ слѣдующихъ словахъ того же лѣтописца: «Какъ ни одно государство не можетъ существовать безъ справедливости, такъ справедливость не можетъ быть достигнута безъ участія ея служителей; а адвокатъ есть служитель справедливости».

Адвокатская школа.

I.

Исторія европейской адвокатуры сосредоточивается въ двухъ главныхъ фокусахъ: въ Англіи, совершенно обособленной, съ адвокатурою организованною своеобразно, въ тѣсной связи съ національнымъ судебнымъ строемъ, — и во Франціи, унаслѣдовавшей традиціи древняго Рима, переработавшей ихъ и оказавшей вліяніе на сосѣднія страны: Испанію и Нидерланды. Во всей остальной Европѣ адвокатура есть растеніе, насажденное извнѣ, не далѣе какъ въ послѣднія десятилѣтія нынѣшняго вѣка. Кое-гдѣ это насажденіе совершилось волею закона — въ другихъ мѣстахъ оно прививалось помимо закона, внѣдряясь постепенно въ судебный обычай; однако и здѣсь, и тамъ живо еще чувствуется свѣжесть прививки, замѣтны трещины, сквозь которыя въ складывающееся учрежденіе пробиваются чуждыя ему тенденціи,—порожденіе той чиновничьей среды, въ которую адвокатура

врѣзалась, какъ чужое тѣло, съ свободнымъ автономнымъ укладомъ, съ ярко выраженною индивидуализаціей труда и заслугъ—вольное казачество, пристегнутое кое-какъ къ бюрократической машинѣ. Неудивительно, что эта машина подчасъ давитъ его всѣмъ своимъ строемъ: молодому учрежденію вольно или невольно навязываются чуждыя ему воззрѣнія, тормозящія свободное его развитіе.

Эта характерная черта европейской адвокатуры отражается особенно замѣтно на вопросѣ объ адвокатской подготовкѣ, или такъ называемомъ «стажѣ». Въ Англіи «стажъ» создался—худо ли, хорошо ли—внѣ всякой зависимости отъ чиновничьей и частной службы: адвокаты тамъ готовятся въ рядахъ самого сословія, въ учрежденіяхъ, которыя не есть ни университетъ, ни практическая школа, но которыя совмѣщаютъ то и другое, и, пожалуй, еще нѣчто сверхъ того. Учрежденія эти («Inns of Court», судебныя коллегіи) возникли еще въ XIII вѣкѣ въ качествѣ университетовъ обычнаго права и не перестаютъ быть университетами и донынѣ, но эти университеты не только готовятъ исключительно адвокатовъ: они сами по себѣ есть то, что мы на континентѣ называемъ адвокатскою корпораціею во всемъ ея объемѣ. Обученіе не есть нѣчто предшествующее адвокатской дѣятельности, проходящее вдали отъ нея, — оно только первая ступень самой адвокатской жизни, въ самомъ сословіи, въ сообществѣ товарищей, подъ непосред-

ственнымъ наблюденіемъ старшихъ. Вступающій въ «Inn» не перестаетъ быть по окончаніи ученія членомъ ея; наоборотъ, переходъ въ адвокатуру есть лишь переходъ въ болѣе дѣйствительные члены той же коллегіи, къ которой адептъ принадлежалъ уже съ первыхъ шаговъ. Англійская адвокатура, вся сосредоточенная въ Лондонѣ, разбивается на четыре совершенно самостоятельныя ячейки. Такими ячейками и являются «Inn'ы». До недавняго времени между ними не было никакой внѣшней связи, если не считать общаго для всѣхъ ихъ «attorney general», какъ бы министра или верховнаго арбитра адвокатуры. Попытки къ объединенію, пока еще весьма слабыя, принадлежатъ лишь самому послѣднему времени. Каждая изъ судебныхъ коллегій является, такимъ образомъ, какъ бы самостоятельнымъ сословіемъ: она управляется по своему усмотрѣнію, принимаетъ членовъ по своему усмотрѣнію и судитъ ихъ по своему усмотрѣнію. Коллегіи имѣютъ свои общежитія, свои общественные обѣды, на которыхъ обязательно должны присутствовать молодые, обучающіеся въ «Inn'ахъ» члены извѣстное число разъ; въ помѣщеніи коллегіи всѣ принадлежащіе къ ней адвокаты имѣютъ свои кабинеты для пріема кліентовъ. Молодой кандидатъ, для того, чтобы быть принятымъ въ адвокаты, обязанъ пробыть въ «Inn'ѣ» три года, или двѣнадцать триместровъ; въ теченіе этого времени онъ слушаетъ курсы юридическихъ наукъ, въ са-

мое преподаваніе коихъ вносится уже практическій элементъ, примѣнительно къ цѣлямъ, которымъ призваны служить коллегіи. «Мы безусловно предпочитаемъ систему, состоящую въ изложеніи и анализѣ отдѣльныхъ дѣлъ,—говорилъ объ англійской системѣ обученія M-r Crackenthorpe на международномъ конгрессѣ адвокатовъ,—всякимъ разсужденіямъ объ абстрактныхъ юридическихъ проблемахъ» [1]).

«Будущіе юристы—такъ характеризовалъ англійскую систему профессіональнаго обученія докладчикъ конгресса Hanssens [2])—начинаютъ свое обученіе съ профессіональной практики, изъ которой рождается юриспруденція, и вмѣстѣ съ нею источникъ юридической науки, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи перейти къ теоретическимъ занятіямъ».

По истеченіи трехгодичнаго срока кандидатъ подвергается экзамену по римскому и англійскому праву, и затѣмъ, по особому старинному церемоніалу, при участіи двухъ «крестныхъ отцовъ», принимается въ сословіе, т.-е. коллегію, совѣтомъ старѣйшинъ (Benchers), сосредоточивающимъ въ своихъ рукахъ всѣ административныя и дисциплинарныя функціи.

Такія условія жизни создаютъ стажъ безъ особой законодательной его регламентаціи. Обѣ за-

---

[1]) Premier Congrès International. Compte rendu. Bruxelles. 1897, p. 102.

[2]) Ibidem, p. 78.

дачи, которымъ онъ призванъ удовлетворять—усвоеніе нравственныхъ принциповъ профессіи и внесеніе практическаго элемента въ познанія стажьера—исполняются одновременно уже въ эпоху прохожденія того, что̀ мы на континентѣ называемъ университетскимъ курсомъ. Стажъ является созданіемъ самого сословія, результаты его не ставятся въ зависимость отъ случайнаго подбора умѣлаго и добросовѣстнаго патрона: само сословіе принимаетъ питомца подъ свое покровительство, учитъ и наставляетъ его.

Всякому предоставляется пріобрѣтать навыкъ въ дѣлахъ и путемъ занятій у болѣе опытнаго адвоката, но это—дѣло личнаго усмотрѣнія и свободнаго выбора. Обычай заниматься у болѣе опытныхъ адвокатовъ имѣетъ даже значительное распространеніе, но дурныя его стороны отсутствуютъ не тольно потому, что онъ не обязателенъ и вслѣдствіе этого не преграждаетъ доступа въ сословіе тѣмъ, кто не въ состояніи обрѣсти себѣ покровителя, но и потому, что внутренній недостатокъ личной связи ученика съ покровителемъ—односторонность усвояемыхъ пріемовъ и воззрѣній—парализуется сословною атмосферою, всецѣло окутывающею юнаго питомца съ первыхъ его шаговъ въ сословіи.

Такимъ же, какъ и въ Англіи, порожденіемъ сословной жизни является организація профессіональной подготовки во Франціи. Къ сожалѣнію, объ

истинномъ достоинствѣ этой организаціи нельзя судить по современному ея состоянію: вѣкъ застоя, воцарившійся во французской адвокатурѣ со времени великой революціи, отразился на всѣхъ сторонахъ ея корпоративной жизни и между прочимъ на организаціи стажа. Идея о сословномъ стажѣ завѣщана была французской адвокатурѣ прежними вѣками—начала его восходятъ еще къ XIV столѣтію,—но окончательную форму онъ пріобрѣтаетъ лишь въ 1751 году, незадолго до рокового для адвокатуры катаклизма. Потому судить о результатахъ этого опыта довольно трудно; важно только отмѣтить, что вѣками развивавшаяся сословная жизнь создала сословную форму стажа, и что расцвѣтъ адвокатуры совпалъ съ расцвѣтомъ этой именно формы [1]).

Отдѣльныя мѣры, направленныя къ усовершенствованію адвокатской подготовки, состояли прежде всего въ организаціи особой профессіональной школы: конференцій или бесѣдъ стажьеровъ по вопросамъ права и процесса подъ руководствомъ старшихъ товарищей. На стажьеровъ возлагалась обязанность присутствовать въ бюро безплатныхъ консультацій. Самая профессіональная ихъ дѣятельность—веденіе судебныхъ дѣлъ—ставилась подъ контроль спеціально для того назначенныхъ совѣтомъ руководителей. Занесеніе въ списокъ адвока-

---

[1]) Ср. Cresson, Usages et règles de la profession d'avocat, p. 29 sq.

товъ, по окончаніи стажа, производилось на основаніи удостовѣренія шести адвокатовъ-руководителей объ успѣшномъ выполненіи киндидатомъ установленныхъ обязанностей. Общія очертанія этой организаціи сохранились и донынѣ.

Ярко расцвѣлъ, и сравнительно рано, сословный патронатъ въ Испаніи. Enquête, собранная международнымъ конгрессомъ адвокатовъ, открыла въ глухомъ углу Европы никому невѣдомую, существующую уже въ теченіе слишкомъ полтораста лѣтъ, академію адвокатуры. Оффиціальное ея названіе: «Королевская академія юриспруденціи и законодательства», но она учреждена (въ 1730 году) одними адвокатами и посвящена спеціально адвокатской профессіи. Въ программу ея входитъ, между прочимъ, «обсужденіе—словесное и письменное—юридическихъ вопросовъ въ конференціяхъ и практическое занятіе дѣлами въ различныхъ отрасляхъ права». Испанскіе адвокаты удостовѣряютъ, что «это учрежденіе приноситъ громадную пользу молодымъ адвокатамъ, которые подъ управленіемъ и руководствомъ старшихъ пріобрѣтаютъ практическія познанія, принимая участіе въ трудахъ академіи». Академія пользуется чрезвычайнымъ почетомъ въ странѣ; во главѣ ея стоятъ люди съ наиболѣе извѣстными именами.

Но наиболѣе полнаго развитія достигъ сословный патронатъ въ Бельгіи.

Въ основѣ его лежатъ приблизительно тѣ же

обязанности, которыя были указаны французскимъ декретомъ 1751 года; значительное различіе замѣчается, однако, какъ въ способахъ исполненія, такъ и въ достигаемыхъ результатахъ. Занятія въ конференціяхъ составляютъ заботу не оффиціальнаго представителя сословія, а свободной ассоціаціи, созданной именно въ видахъ правильной организаціи стажа и исполняющей успѣшно эту задачу уже въ теченіе слишкомъ полувѣка. Заботы направлены на развитіе въ будущихъ адвокатахъ дара слова, на усвоеніе ими правильныхъ методовъ анализа практическихъ случаевъ, на поощреніе ихъ къ серьезнымъ юридическимъ трудамъ, на ознакомленіе съ правилами профессіи. Установлены на своеобразныхъ началахъ такъ наз. симулятивныя судебныя и парламентскія засѣданія, издается особый журналъ адвокатуры, читается курсъ профессіональныхъ правилъ. Защита дѣлъ бѣдныхъ, ввѣренная по закону стажьерамъ, поставлена подъ бдительный присмотръ совѣта и особыхъ руководителей изъ среды старѣйшихъ адвокатовъ, обязанныхъ шагъ за шагомъ слѣдить за движеніемъ процесса и дѣйствіями стажьеровъ. Истинными «помощниками» являются тутъ, какъ оно и должно быть, не стажьеры, а установленные совѣтомъ патроны [1]).

---

[1]) Подробности объ организаціи бельгійскаго стажа см. Réformes professionelles. Rapport de la Commission du Conseil de l'ordre. Bru-

Вся эта система не можетъ быть признана еще вполнѣ завершенной во всѣхъ деталяхъ: жизнь движется, и каждый день выплываютъ новыя попытки къ посильному разрѣшенію сравнительно новой задачи. Особенно много вниманія удѣлено стажу послѣднимъ, такъ наз. реформистскимъ, движеніемъ начала девятидесятыхъ годовъ. Необходимость сословнаго патроната ставится внѣ спора, но вопросъ о видахъ его признается не настолько еще разработаннымъ, чтобы принять форму закона. Потому проектъ реформы требуетъ, чтобы въ законъ включена была общая фраза объ обязанности совѣтовъ организовать стажъ, съ предоставленіемъ имъ свободы въ дальнѣйшемъ выборѣ той или иной конкретной формы, сообразно съ указаніями опыта и съ условіями мѣста и времени. Общій принципъ сословнаго патроната освященъ наконецъ и постановленіемъ международнаго брюссельскаго конгресса, — постановленіемъ, отразившимъ на себѣ въ значительной мѣрѣ воззрѣнія бельгійской адвокатуры. Резюме оффиціальнаго отчета по вопросу о стажѣ гласитъ: «Слѣдуетъ распространять конференціи, руководимыя старшими товарищами, и собранія «молодой адвокатуры»; слѣдуетъ содѣйствовать образованію научныхъ ассоціацій» [1]).

xelles. 1894. L'enseignement du droit et le stage. Rapport du Conseil de l'ordre. Bruxelles. 1895.

[1]) Premier Congrès International des Avocats. Compte rendu. Bruxelles. 1897, p. 134.

Такова полоса распространенія сословнаго патроната: она вмѣстѣ съ тѣмъ и полоса стародавней адвокатуры, организованной на самобытныхъ началахъ. Сословный духъ, сознаніе особой миссіи адвокатуры создали его; условія судебной жизни дали ему мощную поддержку. Въ самомъ дѣлѣ, устный процессъ и отдѣленіе функцій avocat отъ avoué, отдаляя дѣятельность адвоката отъ канцеляріи и выдвигая на первый планъ элементы индивидуальнаго творчества, рѣзко подчеркивали различіе между канцелярскою службою и адвокатскою профессіею; съ другой стороны, тѣ же причины, въ предѣлахъ самаго сословія, ослабляли значеніе подражательной ремесленной выучки и личнаго подчиненія подмастерья одному опредѣленному мастеру.

Какъ отраженіе средневѣкового типа обученія въ мастерской съ хозяиномъ и подмастерьемъ, и въ адвокатуру проникалъ личный патронатъ; но онъ остался вольнымъ обычаемъ, никому не вмѣняемымъ въ обязанность, внутренно не связаннымъ со всѣмъ сословнымъ строемъ профессіональной подготовки, покоящейся на представленіи объ адвокатурѣ, какъ искусствѣ, и на сознаніи долга всего сословія, какъ цѣлаго, передъ лицомъ его питомцевъ.

Этотъ личный патронатъ и судебно-канцелярскій стажъ процвѣтаютъ зато тамъ, гдѣ сословной организаціи вовсе нѣтъ; они процвѣтаютъ и въ Германіи, и въ Австріи, странахъ съ адвока-

турою безъ прошлаго, выросшею вчера еще на развалинахъ адвокатскаго чиновничества, дѣйствующею при сложномъ письменномъ производствѣ и при смѣшеніи въ одномъ лицѣ функцій адвоката, avoué и нотаріуса. Кабинетъ патрона есть только одна изъ степеней канцеляріи,—всѣ ихъ надо пройти, адвокатскую даже въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ всѣ прочія.

Ремесленно-чиновничья адвокатура нуждается и въ ремесленной подготовкѣ. Она къ тому же и проще, и легче всякой другой. Порукою въ пригодности служитъ традиціонное примѣненіе ея во всѣхъ областяхъ промышленнаго труда. Внѣшній навыкъ пріобрѣтается этимъ путемъ въ совершенствѣ; а если гибнетъ самое юридическое творчество—печали мало. Къ тому же сословный патронатъ въ одной своей формѣ (англійской) совсѣмъ не поддается пересадкѣ; другія (французская, бельгійская, испанская) сравнительно мало испытаны. Со старымъ покойнѣе...

Потому, если исключить изъ счета Голландію, Швецію, Норвегію, Турцію, Болгарію и большинство швейцарскихъ кантоновъ, какъ страны, въ которыхъ стажъ вовсе не существуетъ, то всѣ остальныя представятъ лишь разнообразную комбинацію судебной и частно-адвокатской службы. Комбинація эта принимаетъ троякую форму: 1) судебная служба обязательно чередуется съ личнымъ патронатомъ (какъ въ Австріи, Германіи); 2) стажьеру

предоставляется на выборъ либо судебный, либо личный патронатъ (Данія, Венгрія, Греція, Сербія); 3) обязателенъ одинъ личный патронатъ (Италія, Португалія, 5 кантоновъ Швейцаріи). Сроки службы чрезвычайно разнообразны: отъ 1/2 года до 7 лѣтъ. Неодинаковы и условія перехода изъ стажьеровъ въ разряды полноправныхъ адвокатовъ. Исполненіе въ теченіе опредѣленнаго срока установленныхъ обязанностей—таково основное требованіе. Къ нему присоединяется, однако, въ нѣкоторыхъ странахъ еще требованіе особаго переходнаго экзамена. Самая идея о такомъ экзаменѣ, очевидно, плохо мирится съ отсутствіемъ профессіональной школы, которая давала бы всѣмъ одинаковую возможность учиться, и съ прикрѣпленіемъ стажьера къ личности отдѣльнаго адвоката, который можетъ и не обладать педагогическимъ талантомъ и не располагать нужнымъ для практическаго обученія матеріаломъ. Потому понятно, если о введеніи экзамена говорятъ въ Бельгіи, но непонятно, почему онъ съ особенною строгостью требуется въ Германіи и Австріи, и почему онъ вводится нынѣ у насъ проектомъ, поставившимъ себѣ задачею установить какъ единственную форму адвокатской подготовки—личный патронатъ.

Таковы детали, въ которыхъ законодательство второй группы разнятся другъ отъ друга; во всемъ остальномъ они поразительно схожи, какъ только могутъ быть схожи двѣ канцеляріи.

За всѣми разнообразіями и сходствами въ формахъ возстаетъ, однако, самый интересный вопросъ: удовлетворяетъ ли лично-служебный патронатъ, въ любой изъ наличныхъ формъ, предъявляемымъ къ нему требованіямъ? На этотъ вопросъ, обращенный международнымъ конгрессомъ къ адвокатамъ всѣхъ странъ, получился всего одинъ утвердительный отвѣтъ—изъ Сербіи: одни сербы безусловно довольны личнымъ патронатомъ. Другіе или молчатъ, или даютъ отвѣтъ отрицательный. Датчане, имѣющіе три разряда адвокатовъ и въ соотвѣтствіи съ нимъ три степени лично-служебнаго стажа, съ троекратной адвокатско-судебною службою—въ теченіе трехъ лѣтъ каждая—жалуются однако, что «этотъ стажъ неудовлетворителенъ»; жалуются на свой стажъ португальцы и даже нѣмцы. Датскіе адвокаты сопровождаютъ свою жалобу слѣдующимъ, весьма наивнымъ восклицаніемъ: «А между тѣмъ законъ съ чрезвычайною ясностью установилъ, что стажъ долженъ быть серьезенъ, что стажьеръ долженъ стоять въ качествѣ дѣйствительнаго помощника (fondé de pouvoirs) при патронѣ и вмѣстѣ съ нимъ реально и серьезно работать надъ судебными дѣлами [1])». Одними предписаніями, повидимому, дѣла не наладишь.

На основаніи сдѣланнаго обзора, я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ.

[1]) Réponses au Questionnaire. Bruxelles. 1897. Danemark. p. 6.

Адвокатура въ тѣхъ странахъ, гдѣ ей предоставлена была полная свобода развитія, гдѣ она была свободна отъ вліянія канцелярско-чиновничьяго и ремесленно-цехового режима, создала и должна была создать свой особливый типъ профессіональной подготовки. Этотъ типъ можетъ воплощаться въ различныхъ конкретныхъ формахъ; относительныя достоинства этихъ формъ еще мало испытаны, частью по случайнымъ причинамъ, частью вслѣдствіе особенностей тѣхъ странъ, въ которыхъ онъ развился. Во всякомъ случаѣ, правильность основнаго принципа нигдѣ не поколеблена.

Далѣе, этотъ типъ подготовки не усвоенъ, по недоразумѣнію или сознательно, странами, имѣющими явно или скрыто организованное адвокатское чиновничество, но не имѣющими адвокатуры въ качествѣ свободной корпораціи. Въ нихъ господствуетъ, какъ основа профессіональной подготовки, обязательная служба въ канцеляріи или ремесленная выучка по типу мастерской. Построенная на такомъ базисѣ адвокатура, даже тамъ, гдѣ она введена внѣшнимъ образомъ, лишена основныхъ условій для самостоятельнаго развитія.

Даже съ точки зрѣнія тѣхъ ограниченныхъ требованій будничной канцелярской опытности, которыя предъявляются въ странахъ второго типа къ профессіональной адвокатской школѣ, личный патронатъ никого не удовлетворяетъ.

Личный же патронатъ, не обязательный, а основанный на свободномъ выборѣ, терпимъ постольку, поскольку рядомъ съ нимъ существуетъ правильно организованная сословная профессіональная школа.

Таковы выводы изъ анализа западно-европейскихъ порядковъ; нашъ собственный опытъ въ состояніи кое-что къ нимъ прибавить.

II.

Наши судебные уставы не создали стажа ни въ видѣ личнаго, ни въ видѣ сословнаго патроната; типомъ профессіональной подготовки, по мысли творцовъ уставовъ, была судебная служба. То бѣглое указаніе въ законѣ (ст. 354 Учр. суд. уст.), изъ котораго выросло все такъ называемое сословіе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, вовсе не шло, по мысли авторовъ, такъ далеко, какъ желали его впослѣдствіи понимать толкователи. Судебные уставы не создавали въ лонѣ сословія питомника,—и не для людей, сотнями идущихъ въ сословіе, притомъ прямо съ университетской скамьи, писалась 354-я статья. Она имѣла въ виду лицъ, дѣйствительно помогающихъ адвокату въ его—какъ сказано въ мотивахъ—«практическихъ», то-есть канцелярскихъ занятіяхъ и дѣлающихъ изъ этой службы въ канцеляріи адвоката свою карьеру. Въ составъ этихъ лицъ, какъ видно изъ мотивовъ, могли входить, съ одной стороны, люди безъ университетскаго образованія; съ другой—обладаю-

щіе всѣми данными для того, чтобы самимъ стать присяжными повѣренными, но предпочитающіе помогать другимъ. Помощничество было хлѣбнымъ занятіемъ, а не школою. Предполагалось, что эти помощники—окончили они университетскій курсъ или нѣтъ—будутъ люди опытные въ дѣлопроизводствѣ, сами уже прослужившіе; въ видѣ исключенія допускалось, что будутъ между ними и люди съ университетскими дипломами, «но нигдѣ не служившіе». Этимъ «но нигдѣ не служившимъ» людямъ и разрѣшался, въ видѣ исключенія, доступъ въ сословіе—вѣроятно, изъ опасенія недостаточности числа присяжныхъ повѣренныхъ,—изъ того же опасенія, которое 10 лѣтъ спустя вызвало къ жизни законъ о частныхъ повѣренныхъ. Эти настоящіе помощники не должны были стоять, по предположенію составителей уставовъ, ни въ какой связи, посредственной или непосредственной, съ сословіемъ. Отъ мысли о предоставленіи имъ права, въ виду ожидавшейся малочисленности адвокатуры, вести дѣла, хотя бы съ особаго разрѣшенія совѣтовъ, творцы уставовъ рѣшительно отшатнулись и чрезвычайно характерно мотивировали такое свое рѣшеніе. «Для того, чтобы быть присяжнымъ повѣреннымъ, требуется какъ юридическое образованіе, такъ и служба въ продолженіе извѣстнаго времени по судебному вѣдомству. Если помощникъ присяжнаго повѣреннаго удовлетворяетъ обоимъ этимъ условіямъ, то онъ самъ можетъ приписаться

въ число присяжныхъ повѣренныхъ; когда же онъ не совмѣщаетъ какого-либо изъ сихъ условій, то не можетъ замѣнить присяжнаго повѣреннаго, слѣдовательно и разрѣшеніе на ходатайство по дѣламъ наравнѣ съ присяжными повѣренными ему дано быть не можетъ». До мысли о стажѣ, о «разсадникѣ», какъ принято теперь выражаться даже оффиціально, здѣсь очень далеко. Между тѣмъ, послѣ тридцати лѣтъ оказалось, что разсадникъ выросъ,—но только выросъ дикій; и когда теперь въ этомъ убѣждаются, то всю вину неудачи относятъ не къ тому, что культуру посадили не настоящую или, вѣрнѣе, что не сажали ея вовсе, а къ тому, что охрана была недостаточна. И рѣшили усилить эту охрану. Стажъ, говорятъ, у насъ былъ созданъ, но онъ не развился, потому что былъ мало регламентированъ. Нужно только ту же 354-ю статью развить въ деталяхъ, обставить надлежащими санкціями — и стажъ пышно расцвѣтетъ.

Такими надеждами исполненъ нашъ новый проектъ организаціи адвокатуры, когда онъ, съ нетронутою никакимъ сомнѣніемъ увѣренностью въ непреложности основного принципа, приступаетъ къ тщательной и весьма детальной постройкѣ института профессіональной подготовки.

Неправильно истолкованная статья закона легла въ основу этой постройки, но весьма сильную, пожалуй даже исключительную опору новая эта кон-

струкція встрѣтила въ опытѣ присяжныхъ экспертовъ изъ числа адвокатовъ, приглашенныхъ къ занятіямъ въ правительственной коммиссіи. Съ этимъ опытомъ нельзя было не считаться: онъ исходилъ отъ лицъ, которымъ ближе всего знакома внутренняя жизнь сословія. И мы не ошибаемся, кажется, если, на основаніи изученія нѣкоторыхъ подробностей проекта, выскажемъ предположеніе, что этотъ опытъ почерпнутъ былъ преимущественно — если не исключительно—изъ жизни нашей, петербургской адвокатуры, имѣющей наиболѣе богатую и пеструю исторію вообще и, быть можетъ, единственную исторію въ области нашего вопроса. Съ нѣкоторыми перипетіями этой послѣдней не мѣшаетъ потому вкратцѣ познакомиться.

Помощники въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ создали уставы, существовали у насъ въ сущности очень недолго. Не прошло трехъ лѣтъ со дня введенія уставовъ, какъ петербургскій совѣтъ принялъ мѣру, предрѣшившую надолго—если не навсегда—направленіе всего нашего помощничества.

11-го декабря 1869 года совѣтъ постановилъ: исключить изъ состава помощниковъ всѣхъ лицъ, не имѣющихъ университетскаго диплома, завести при совѣтѣ правильный списокъ помощниковъ и не допускать въ ряды помощниковъ лицъ нравственно неблагонадежныхъ.

По смыслу уставовъ сужденіе о свойствахъ кандидата, нравственныхъ и умственныхъ, было пре-

доставлено совѣту въ моментъ его принятія въ присяжные повѣренные. До этого момента совѣтъ не имѣлъ никакого права вмѣшиваться въ нравственную оцѣнку его личности. Перемѣщая свое право къ моменту принятія помощника, оцѣнивая уже въ этотъ моментъ годность его въ присяжные повѣренные во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ практической опытности, совѣтъ тѣмъ самымъ пріобщалъ помощника къ сословію: кандидатъ въ сущности сразу принимался въ присяжные повѣренные, только подъ условіемъ исполненія одного, единственнаго обязательства. Этимъ помощничество превращалось въ стажъ, создавался типъ стажьера, — адвоката неполнаго, съ провѣреннымъ уже умственнымъ и нравственнымъ цензомъ, — явившагося не для того, чтобы помогать и дѣлать изъ этого свое ремесло, а исключительно для того, чтобы готовиться къ переходу въ адвокаты полные. Все послѣдующее было уже только естественнымъ послѣдствіемъ этого перваго шага. Оцѣнивая нравственныя качества кандидата при принятіи въ помощники, совѣтъ, идя послѣдовательно, лишалъ себя права оцѣнивать тѣ же качества вторично, при переходѣ въ присяжные повѣренные, ибо нѣтъ двухъ нравственностей, — одной для присяжнаго повѣреннаго, другой для помощника. Перемѣна въ отношеніи совѣта къ принятому имъ члену можетъ послѣдовать только вслѣдствіе конкретнаго предосудительнаго поступка. А отсюда рождается дис-

циплинарная власть совѣта по отношенію къ помощникамъ.

Принимая помощниковъ въ сословіе, совѣтъ не могъ пріобщить ихъ къ самымъ значительнымъ актамъ сословной жизни, къ актамъ самоуправленія. Однако, мѣрами совѣта создались кадры лицъ, имѣющихъ общія задачи и только что выдѣленныхъ изъ безформенной массы прежнихъ помощниковъ. Естественно, что они дорожили завоеваннымъ положеніемъ и должны были охранять ниспавшую на нихъ привилегію. Эта привилегія была нѣжнымъ росткомъ и нуждалась въ бережномъ уходѣ: она выросла силою внутренней необходимости, но ей все еще приходилось доказывать свое право на существованіе. Кадры помощниковъ сомкнулись и образовали собственный судъ, для охраны внутренней чистоты, и собственный строгій контроль надъ лицами, вновь принимаемыми въ ихъ ряды. Создалось нѣчто небывалое, небывалымъ именемъ окрещенное: особое «сословіе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ». Принятыя имъ на себя задачи исполнялись—въ началѣ, по крайней мѣрѣ,—до того успѣшно, что совѣтъ счелъ возможнымъ всецѣло уступить важнѣйшія свои функціи новоявленному сословію въ лицѣ его выборнаго органа, т. н. коммиссіи помощниковъ, оставляя за собою лишь верховное надъ нимъ наблюденіе.

Формально помощники являлись въ совѣтъ съ именемъ лица, къ которому желали приписаться, и

даже съ его письменнымъ согласіемъ. Изъявляющія согласіе лица, получившія впослѣдствіи совершенно некстати имъ присвоенное наименованіе патроновъ, исчезали затѣмъ послѣ принятія ихъ питомцевъ въ лоно сословія. И исчезали потому, что въ нихъ не было никакой надобности. Адвокатура росла быстро; согрѣтая дыханіемъ великой эпохи, ее создавшей, окруженная ореоломъ именъ, одарившихъ ее первымъ, самымъ драгоцѣннымъ вѣнкомъ славы, адвокатура привлекала къ себѣ все лучшія и все новыя силы. Послѣ 8 лѣтъ для одного Петербурга списокъ указывалъ около 300 помощниковъ. Рамки помощничества оказывались для нихъ слишкомъ тѣсными, тѣсными въ самомъ буквальномъ смыслѣ, ибо этихъ молодыхъ, желающихъ яко бы помогать, сразу стало гораздо больше, чѣмъ требовалось: некому было помогать. И въ ту пору, при сильномъ движеніи общественной жизни, никому изъ тѣхъ, кому ввѣрено было руководство сословіемъ, въ голову не приходило ограждать себя отъ прибоя новыхъ силъ, только потому, что ихъ порывы не мирились съ буквою закона, подъ покровомъ которої они по необходимости пріютились. Искали другого пути. Есть силы—ими надо воспользоваться—молодежь надо учить, надо имъ дать недостающую опытность, и множить, и ростить сословіе; страна еще многіе и многіе десятки лѣтъ будетъ въ немъ нуждаться. Надо ихъ ростить даже не для насъ—

насъ стало и безъ того много, — а надо для глухихъ угловъ, которымъ болѣе всего нужны добросовѣстные и опытные поборники права во всѣхъ видахъ. Отсюда идея объ организаціи профессіональнаго обученія, о сословномъ патронатѣ.

Этотъ переворотъ въ воззрѣніи на помощниковъ и причины, его вызвавшія, отмѣчены отчасти первымъ историкомъ русской адвокатуры, К. К. Арсеньевымъ: «При нѣкоторыхъ присяжныхъ повѣренныхъ — писалъ онъ — числится по 8, 10 и даже болѣе помощниковъ... Большинство присяжныхъ повѣренныхъ имѣютъ не особенно много дѣлъ, съ которыми и справляются собственными силами или при содѣйствіи одного помощника; записывать кого-нибудь къ себѣ въ помощники, не имѣя возможности доставлять ему занятія, многіе не рѣшаются; другіе присяжные повѣренные, наоборотъ, не считаютъ себя въ правѣ отказывать кому-либо въ званіи помощника: они находятъ, что если бы всякій присяжный повѣренный сталъ принимать лишь столькихъ помощниковъ, сколькимъ онъ можетъ доставить занятія, то множество молодыхъ людей, желающихъ сдѣлаться адвокатами, должны были бы отказаться отъ этого намѣренія, къ явному вреду для адвокатуры... Большинство помощниковъ на самомъ дѣлѣ только числится при своихъ патронахъ; отношенія между ними имѣютъ совершенно формальный характеръ»...

«Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ совѣту доста-

точный поводъ приступить теперь же къ осуществленію той мѣры, которую онъ считаетъ необходимой на случай новой организаціи сословія помощниковъ, т.-е. на случай уничтоженія личныхъ отношеній между помощниками и ихъ патронами—къ раздѣленію помощниковъ на группы, съ подчиненіемъ каждой изъ нихъ непосредственному наблюденію и руководству одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ по выбору совѣта» [1]).

А совѣтъ, представляя судебной палатѣ, для надлежащаго направленія въ законодательномъ порядкѣ, проектъ организаціи помощниковъ, указывалъ (журн. 9 ноября 1871 г.), что въ основу этой организаціи, какъ главное начало, должна быть положена «замѣна личныхъ отношеній, существующихъ въ настоящее время, если не всегда на самомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ по имени, между присяжнымъ повѣреннымъ и числящимся при немъ помощникомъ — установленіемъ между помощниками и совѣтомъ непосредственныхъ отношеній, подобныхъ тѣмъ, какія существуютъ между совѣтомъ и присяжными повѣренными. Въ тѣсной связи съ этимъ основнымъ положеніемъ состоятъ слѣдующія: а) соблюденіе, при принятіи въ помощники, тѣхъ же мѣръ предосторожности, которыя соблюдаются при принятіи въ присяжные повѣренные, т.-е. собраніе совѣтомъ о кандидатѣ въ

---

[1]) Замѣтки о русской адвокатурѣ. Спб. 1875, стр. 34, 38—39.

помощники всѣхъ свѣдѣній, какія совѣтъ признаетъ нужнымъ (Учр. суд. уст., ст. 380), б) порученіе каждаго помощника особому наблюденію одного изъ членовъ совѣта или одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ по соглашенію совѣта, и в) установленіе совѣтомъ такихъ, обязательныхъ для помощниковъ, правилъ, которыя обезпечивали бы практическое изученіе помощниками дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ».

Весьма характерны и мотивы, которыми совѣтъ оправдывалъ предлагаемыя имъ реформы. «До сихъ поръ—писалъ совѣтъ — получить званіе помощника можно было не иначе, какъ заручившись согласіемъ одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ. Наблюденіе за помощникомъ принадлежало, de jure—исключительно, de facto — преимущественно, тому присяжному повѣренному, при которомъ помощникъ числился. Такой порядокъ вещей—единственно возможный при дѣйствіи существующаго закона—оказался на практикѣ крайне неудобнымъ и недостигающимъ своей цѣли. Онъ затрудняетъ безъ всякой пользы вступленіе въ адвокатское сословіе, заставляя молодого человѣка, желающаго посвятить себя адвокатурѣ, пріискивать присяжнаго повѣреннаго, который согласился бы принять его къ себѣ въ помощники... Совѣтъ находитъ, что подчиненіе помощниковъ отдѣльнымъ присяжнымъ повѣреннымъ съ большою пользою могло бы быть замѣнено установленіемъ за ними особаго надзора

со стороны совѣта, чрезъ посредство его членовъ или другихъ избранныхъ имъ присяжныхъ повѣренныхъ».

Предположенія совѣта не встрѣтили въ законодательныхъ сферахъ ни сочувствія, ни возраженій,— на нихъ просто не отвѣчали. Шли годы, а отвѣта все не было. Тогда совѣтъ рѣшился прибѣгнуть къ нравственному своему авторитету и, основываясь на немъ одномъ, помимо закона, учредилъ профессіональную школу, наиболѣе соотвѣтствующую идеѣ сословнаго патроната. Въ 1877 г. были устроены «Юридическія конференціи».

А ровно 6 лѣтъ спустя (26 сентября 1883 г.) тотъ же совѣтъ буквально писалъ слѣдующее:

«Только при соблюденіи 354-й ст. Учр. суд. уст. установится корпоративная связь между присяжными повѣренными и ихъ помощниками, и послѣдніе будутъ въ дѣйствительности получать у присяжныхъ повѣренныхъ практическую подготовку для веденія судебныхъ дѣлъ. Необходимо установить, чтобы помощники присяжныхъ повѣренныхъ занимались судебною практикой только по дѣламъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ и подъ ихъ руководствомъ».

Спрашивается: что̀ случилось за эти 6 лѣтъ?— разочарованіе ли это въ новой системѣ? или актъ отчаянія, усталость отъ безплодныхъ попытокъ добиться исправленія дѣйствующаго закона? Можетъ ли быть рѣчь объ опытѣ и разочарованіи на про-

тяженіи шести лѣтъ существованія учрежденія, новаго не только у насъ, но и на Западѣ,—у насъ въ особенности, ибо ново у насъ само сословіе, новы люди, нова вся атмосфера судебной жизни? Шести лѣтъ еще хватило на подготовку одного поколѣнія стажьеровъ,—а въ теченіе этихъ шести и всѣхъ послѣдующихъ лѣтъ, сдѣланы ли какія-либо попытки къ устраненію недостатковъ въ томъ, что̀ въ теченіе столь продолжительнаго времени составляло цѣль юношескихъ мечтаній сословія? Ничего. Хватило силъ на то, чтобы создать, но не хватило на то, чтобы сохранить.

Юношескіе порывы, широкіе горизонты, строительство по большому масштабу—все исчезло; ихъ замѣнили мелкія заботы о взрощеніи исправныхъ канцеляристовъ. Раскаты прежнихъ бурь раздавались еще одно время. Коммиссія помощниковъ протестовала противъ рѣшенія совѣта,—общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ не согласилось съ совѣтомъ, но оно не согласилось и съ коммиссіею; была избрана спеціальная коммиссія для обсужденія программы совѣта; коммиссія эта оказалась въ согласіи съ совѣтомъ, но два члена ея—послѣдніе протестанты—подали особое мнѣніе, въ которомъ указали, что «личный патронатъ, какъ учрежденіе, годенъ только тогда, когда существуетъ нравственная связь между патрономъ и помощникомъ; что связи этой искусственно создать нельзя; что учрежденіе личнаго патроната особенно

вредно у насъ, такъ какъ должно вести къ чрезмѣрному сокращенію числа помощниковъ, если только не превратится въ абсолютную фикцію.

На дѣлѣ вышло послѣднее: личный патронатъ и при измѣненныхъ взглядахъ совѣта превратился въ фикцію—и фикцію тѣмъ худшую, что на нее стали закрывать глаза. Установлены были полицейскія мѣры охраненія личнаго патроната, находящагося всегда почему-то въ опасности. Мѣры направлены не противъ молодыхъ кандидатовъ, которыхъ контролировать было бы еще незазорно, а противъ самихъ патроновъ. Установлена система, по которой присяжный повѣренный, принимая, или какъ это правильнѣе называется на техническомъ языкѣ, «приписывая къ себѣ» помощника, обязанъ являться въ совѣтъ и выдержать допросъ о томъ, на самомъ ли дѣлѣ молодой кандидатъ будетъ ему «помогать». Къ всеобщему удивленію оказалось, что послѣ введенія этой мѣры нуждающихся въ адвокатской помощи стало необычайно много; совершенно неизвѣстные въ кулуарахъ суда люди со значками стали являться въ совѣтъ и заявлять о крайней необходимости имѣть одного, двухъ, а то и трехъ помощниковъ. Эта благочестивая ложь имъ простится: нельзя же было подчиниться гнету совѣтскаго формализма и жертвовать ради него настоятельными нуждами живыхъ людей. А совѣтъ выслушивалъ эти рѣчи, зная, что онѣ притворны,

и успокоивался на томъ, что буквѣ 345-ой статьи дано полное удовлетвореніе.

Была предпринята еще и другая мѣра для достиженія той же цѣли: помощникъ долженъ былъ запасаться разрѣшеніемъ патрона на принятіе каждаго дѣла въ отдѣльности. У меня хранится нѣсколько десятковъ такихъ разрѣшеній; они мнѣ выданы бывшимъ моимъ патрономъ—поэтомъ, съ довольно извѣстнымъ именемъ въ литературѣ, но весьма мало извѣстнымъ въ судебномъ мірѣ. Разрѣшенія эти давались въ большинствѣ случаевъ тогда, когда дѣла были уже давно приняты и даже окончены. Никакихъ сужденій объ удобопріемлемости дѣлъ не было, да и быть не могло: мой патронъ-поэтъ былъ бы поставленъ въ весьма неловкое положеніе, если бы я вздумалъ дѣйствительно обратиться къ нему за совѣтомъ. Впередъ заготовлялись сплошные листы разрѣшеній, и, бесѣдуя о постороннихъ предметахъ, патронъ выполнялъ пробѣлы на нихъ своею подписью. Сохраняемые мною листы составляютъ уже теперь архивную рѣдкость: ибо не прошло и полугода со времени установленія этого правила, какъ оно само собою вывелось изъ употребленія и забыто прежде всего тѣми, кто его создалъ.

Полоса исторіи, начавшаяся въ 1883 году реабилитаціею 354-ой статьи, продолжается до нашихъ дней. За аксіому признается, что сословный патронатъ не оправдалъ возлагавшихся на него на-

деждъ, что личный патронатъ долженъ быть установленъ, укрѣпленъ; что къ естественнымъ трудностямъ въ подборѣ патрона слѣдуетъ прибавить цѣлый рядъ искусственныхъ: ограничить число помощниковъ у каждаго патрона, связать патрона имущественною отвѣтственностью за помощника предъ кліентомъ, предоставить помощнику веденіе дѣлъ лишь по передовѣрію. Отъ сословнаго патроната остается послѣ этого одна тѣнь—безвредное воспоминаніе о юношеской затѣѣ.

Прежніе взгляды отстаиваются, правда, лучшими представителями адвокатуры (Арсеньевъ, Спасовичъ) которые, и въ рѣчахъ, и въ печати, не перестаютъ протестовать противъ близорукой системы, тормазящей свободное развитіе индивидуальности и удерживающей приливъ новыхъ силъ въ сословіе; но практика совѣта идетъ неуклонно по разъ избранному пути.

Въ концѣ концовъ судьба сыграла надъ сословіемъ злую шутку: волновавшему его въ теченіе многихъ лѣтъ желанію быть выслушаннымъ, добиться законодательной санкціи своихъ стремленій суждено было осуществиться именно теперь, въ эти сѣренькіе дни сѣренькихъ, маленькихъ программъ.

Проектъ, выработанный коммиссіей по пересмотру уставовъ, въ которую вошли, какъ эксперты по вопросамъ внутренней жизни адвокатуры, представители преимущественно петербургскаго совѣта, всецѣло отражаетъ на себѣ послѣднія вѣянія жизни пе-

тербургскаго совѣта. Щиты для охраны личнаго патроната, съ сизифовымъ успѣхомъ выковывавшіеся въ теченіе многихъ лѣтъ совѣтомъ, снабжаются законодательнымъ штемпелемъ, кое-гдѣ прибавляются новыя подробности, рѣзче подчеркивается основной принципъ—вотъ квинтъ-эссенція всего проекта. И среди массы детальныхъ предписаній тщетно—какъ и прежде—ищешь отвѣтъ на главный вопросъ: какъ же однако, при несомнѣнномъ перевѣсѣ предложенія надъ спросомъ, размѣстить и подготовить къ дѣятельности весь запасъ молодыхъ силъ, несомнѣнно нужныхъ, признаваемыхъ нужными самимъ проектомъ, который самъ сохраняетъ, за недостаткомъ присяжныхъ повѣренныхъ, субсидіарный институтъ, частную адвокатуру? Молодыя силы, конечно, сами размѣстятся, въ этомъ врядъ ли можетъ быть сомнѣніе. Жизнь окажется сильнѣе бумажныхъ предписаній: запретъ молодымъ заниматься самостоятельно дѣлами обезвредитъ ихъ только по отношенію къ кліентамъ, но не создастъ для нихъ ничего положительнаго, ибо не дастъ и не можетъ дать занятій у несуществующихъ патроновъ. И личный патронатъ опять превратится въ комедію, какою былъ до сихъ поръ, но комедію, освященную велѣніемъ закона и потому особенно вредную: законодательная санкція затормазитъ всякую попытку къ созданію болѣе дѣйствительной школы профессіональной подготовки. А попытку эту сдѣлать необходимо, ибо никто ея до сихъ поръ серьезно не

дѣлалъ; исключенія въ этомъ отношеніи не составляетъ, какъ мы сейчасъ попытаемся доказать, и петербургскій совѣтъ.

Изъ программы, начертанной совѣтомъ въ 1871 году, первый и, можетъ быть, важнѣйшій пунктъ остался вовсе неисполненнымъ. «Каждый помощникъ—гласило постановленіе совѣта—поручается особому наблюденію одного изъ членовъ совѣта или одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ по приглашенію совѣта». Это—та самая мѣра, до которой додумываются теперь, хотя въ гораздо менѣе рѣшительной и менѣе дѣйствительной формѣ, въ нѣкоторыхъ странахъ на Западѣ: тамъ предполагается молодымъ стажьерамъ давать срокъ для отысканія патрона, съ тѣмъ, что въ случаѣ безуспѣшности розысковъ, стажьеръ вправѣ обратиться къ совѣту съ требованіемъ назначить ему патрона. Эта форма менѣе совершенна, потому что она у́же: въ ней рѣзко подчеркивается самая форма сотрудничества: фактическое помощничество составляетъ основной типъ, и по этому типу должны складываться отношенія помощника къ навязанному ему патрону. Этой формѣ присущъ, слѣдовательно, основной внутренній недостатокъ тѣсной личной связи патрона съ помощникомъ—съуженіе индивидуальности послѣдняго; да и внѣшній недостатокъ—трудность найти для такой роли патроновъ—остается въ силѣ и тогда, когда патроновъ будетъ разыскивать совѣтъ. «Наблюденіе и руководство», о ко-

торомъ говорятъ у насъ—безъ обязательнаго сотрудничества въ дѣлахъ патрона,—представляется съ этой стороны и легче, и безвреднѣе, да къ тому же въ той абсолютной формѣ, въ какой оно у насъ предлагалось, — не на случай ненахожденія патрона, а всегда—оно давало совѣту полную возможность устранять отъ патронатства лицъ, завѣдомо къ тому неспособныхъ. Какъ бы то ни было, лучше ли, хуже ли наша форма, но ни та, ни другая у насъ никогда испытаны на дѣлѣ не были, и ужъ одно это не давало основанія отчаиваться въ результатахъ сословнаго патроната.

Испытана была на дѣлѣ другая форма профессіональнаго обученія—юридическія конференціи. По первоначальной программѣ нашихъ конференцій, предметъ ихъ должны были составлять «пренія и рефераты по разнымъ вопросамъ права и судопроизводства». Уже въ этомъ опредѣленіи задача конференціи значительно съужена по сравненію съ тѣмъ, что̀ носилось предъ глазами творцовъ ея. Вотъ какъ изображалъ планъ будущихъ конференцій въ 1875 году К. К. Арсеньевъ: «Руководитель группы (состоящей всего изъ 10 человѣкъ) долженъ былъ бы назначить опредѣленный часъ, въ который каждый членъ его группы имѣлъ бы право обращаться къ нему для разрѣшенія недоразумѣній, встрѣчаемыхъ имъ при принятіи или веденіи дѣлъ, при разсчетахъ съ довѣрителями и т. п. Онъ долженъ былъ бы собирать у себя всѣхъ членовъ

своей группы для юридическихъ бесѣдъ, предметъ которыхъ былъ бы заранѣе назначенъ. Онъ долженъ былъ бы выслушать въ судѣ по крайней мѣрѣ двѣ рѣчи каждаго изъ членовъ группы—одну по гражданскому, другую—по уголовному дѣлу, и сообщить ему свои замѣчанія о нихъ. Онъ долженъ былъ бы наконецъ познакомить руководимыхъ имъ помощниковъ съ главнѣйшими правилами адвокатской дѣятельности, выработанными практикой, избирая для этого по возможности форму разговора, а не лекціи. Во всемъ этомъ нѣтъ, по нашему глубокому убѣжденію, ничего неудобоосуществимаго, ничего утопическаго; пожертвовавъ на это часами шестью, семью въ мѣсяцъ, каждый членъ совѣта принесъ бы сословію гораздо болѣе пользы, чѣмъ можетъ принести ему цѣлый рядъ отлично обдуманныхъ и мотивированныхъ постановленій совѣта по дѣламъ дисциплинарнымъ».

Отъ этой программы въ уставѣ конференціи не осталось почти ничего. Непосредственные совѣты и руководство дѣятельностью помощниковъ по судебнымъ дѣламъ, разрѣшеніе недоразумѣній этическаго свойства, ознакомленіе съ правилами профессіональной дѣятельности, наблюденіе за рѣчами на судѣ—все это осталось неиспытаннымъ и въ уставѣ конференціи замѣнено, какъ я уже указалъ, «преніями и рефератами». Для однихъ преній и рефератовъ группа изъ 10 человѣкъ оказалась слишкомъ малою, и въ частыхъ собраніяхъ не было надобно-

сти. Занятіе въ маленькой группѣ конкретными, часто мелкими вопросами создавало нѣкоторую интимность, сокращало разстояніе между руководителемъ и руководимыми. Разстояніе это страшно возрастало въ большихъ, засѣдающихъ сравнительно рѣдко, ученыхъ собраніяхъ, съ перемѣняющимся составомъ посѣтителей. О практическихъ совѣтахъ, о практическомъ обученіи, сообразующемся съ индивидуальностью каждаго ученика и каждаго конкретнаго случая, здѣсь и рѣчи быть не могло. Это была и есть ученая коллегія съ предсѣдателемъ, докладчикомъ, оппонентами и секретаремъ, а не дружеская бесѣда старшаго товарища съ младшими о мелкихъ ихъ дѣловыхъ нуждахъ. При отдаленіи органовъ контролирующихъ (руководителей) отъ самой группы, учетъ занятій не могъ производиться по непосредственной, неформальной оцѣнкѣ руководителемъ успѣховъ стажьера; предусмотрительный уставъ и далъ впередъ внѣшнюю мѣрку успѣшности: два года посѣщеній и прочтеніе трехъ рефератовъ. Именно рефератовъ, т.-е. ученой обработки общаго тезиса,—съ положеніями, печатаемыми впередъ въ повѣсткѣ. Кромѣ рефератовъ, уставъ упоминаетъ о «преніяхъ», но если подъ этимъ разумѣлось нѣчто обособленное отъ рефератовъ,—то такія пренія на дѣлѣ не существовали: пренія происходили по поводу рефератовъ, т.-е. опять-таки въ видѣ общихъ юридическихъ теоремъ.

Участь конференціи предрѣшена была этими

двумя условіями—формальностью оцѣнки и доктринерскимъ характеромъ занятій. Доктринерскій характеръ былъ присущъ конференціямъ, несмотря на то, что темы брались и берутся въ большинствѣ случаевъ не изъ области теоретическаго умозрѣнія, а изъ практически дѣйствующаго права и процесса. Ибо не въ области дѣло, а въ методѣ обработки. Изъ какой бы области ни была взята тема, разъ она обработана абстрактно, она лишается смысла для практической школы. Наука о свойствѣ красокъ есть, пожалуй, наука практическая,—тѣмъ не менѣе въ мастерской учатъ художника не разсуждать о свойствѣ красокъ, а писать ими. И намъ необходимо въ мастерской писать, а не разсуждать,—писать съ натуры, или по крайней мѣрѣ съ фантома. Процессъ разложенія сложнаго бытового явленія на простѣйшія юридическія нормы, искусство воплощенія этого процесса мысли въ живомъ убѣдительномъ словѣ—вотъ ядро, около котораго сосредоточиваются всѣ задачи практической адвокатской школы: только на дѣлахъ, по конкретнымъ случаямъ можно усвоить это искусство.

Доктринерскій характеръ темъ оказывался всегда губительнымъ—даже тамъ, гдѣ принимались средства придать занятіямъ видъ не научныхъ дебатовъ, а чисто судебнаго спора. Таковъ опытъ французской конференціи и весьма непродолжительный опытъ оффиціальной брюссельской конференціи. Послѣдняя пала, а первая прозябаетъ именно потому, что,

несмотря на точное подражаніе внѣшней сторонѣ процесса, тутъ имѣются и истецъ, и отвѣтчикъ, и прокуроръ, и судейская коллегія; пренія происходятъ по отвлеченнымъ вопросамъ, а не по индивидуальнымъ дѣламъ. Подражаніе внѣшней обстановкѣ процесса, само по себѣ полезное, оказывается однако недостаточнымъ; гораздо важнѣе самое свойство занятій. Наилучшіе результаты достигаются тамъ, гдѣ соединено и то, и другое,—гдѣ близость къ жизни наибольшая. Таковы результаты получаемые конференціею «молодой адвокатуры» въ Бельгіи.

Къ искорененію указанныхъ недостатковъ не было сдѣлано со стороны совѣта ни малѣйшей попытки. Мало того: совѣтъ оставался и остается глухъ ко всѣмъ требованіямъ реформы,—даже когда они предлагаются въ формѣ готовыхъ проектовъ. Три года тому назадъ (въ 1895 году), коммиссія помощниковъ представила совѣту проектъ основной реорганизаціи конференцій. Проектъ не былъ, конечно, панацеей противъ всѣхъ золъ; онъ былъ значительно скромнѣе того, что̀ предлагалъ, 20-ью годами ранѣе, К. К. Арсеньевъ, но основное зло онъ стремился искоренить. Онъ ставилъ себѣ задачею измѣнить и характеръ занятій въ конференціи, и систему контроля. Чтенію рефератовъ отводилось самое незначительное мѣсто, на первый планъ выдвигался докладъ и обсужденіе дѣлъ, составленіе заключеній по дѣламъ, произнесеніе рѣчей по дѣламъ, писаніе рѣшеній по дѣламъ. Фор-

мальныя требованія (3 реферата) и формальный контроль совершенно устранялись. Свободная, по усмотрѣнію контролирующей власти, оцѣнка индивидуальнаго участія каждаго стажьера въ трудахъ конференціи рѣшала вопросъ о достаточности практической подготовки. Для облегченія этой задачи, а равно для составленія программъ, для распредѣленія труда между участниками, ставился между руководителями съ одной стороны и членами группы съ другой—особый органъ, комитетъ, избираемый самими помощниками изъ числа товарищей, отбывшихъ уже извѣстную часть стажа. Выборное начало, самодѣятельность группы, близость органа, обладающаго частью распорядительныхъ и контрольныхъ функцій, внушали основательную надежду на устраненіе вынужденности посѣщеній конференціи и пассивности ея участниковъ. Надеждамъ этимъ, къ сожалѣнію, не суждено было сбыться: совѣтъ отнесся къ мечтаніямъ «юнцовъ» такъ, какъ отнеслись къ нему, когда самъ еще «легкомысленъ и молодъ онъ былъ». Совѣтъ молчалъ и молчитъ. Онъ по собственному опыту знаетъ, какъ смиряются порывы подъ вліяніемъ такого воздѣйствія.

Несмотря, однако, на всѣ недостатки, свойственные нашимъ конференціямъ, онѣ успѣли дать и несомнѣнно полезные плоды. Онѣ развили нѣкоторую опытность во внѣшнихъ пріемахъ профессіи—свободу въ обращеніи съ живымъ словомъ.

Нашимъ адвокатамъ, вышедшимъ изъ конференціи, недостаетъ практической подготовки, настоящаго метода въ трудѣ, имъ недостаетъ еще болѣе теоретической подготовки—по другимъ, болѣе общимъ причинамъ,—но въ смыслѣ ораторскомъ они, право, не хуже другихъ. И въ странѣ съ неразвитою политическою жизнью, гдѣ не представляется вовсе случаевъ говорить публично и слушать публичныя рѣчи, усвоеніе молодымъ адвокатомъ легкости въ обращеніи съ живымъ словомъ должно быть отнесено преимущественно—если не исключительно — къ заслугѣ конференціи, какъ единственнаго учрежденія, въ которомъ этой способности дана возможность проявиться. И этой заслуги не исторгнетъ у конференціи личный патронатъ, какими бы онъ гарантіями обставленъ ни былъ.

Спрашивается послѣ всего сказаннаго: дѣйствительно ли сословный патронатъ обманулъ возлагавшіяся на него надежды, даже у насъ—не говоря ужъ о Западѣ? И дозволительно ли теперь, при многообразіи существующихъ формъ «стажа», при всеобщей неопредѣленности его результатовъ, при сомнительныхъ по меньшей мѣрѣ результатахъ личнаго патроната, при непрерывномъ исканіи болѣе совершенныхъ формъ сословнаго патроната, урѣзывать на Прокустовомъ ложѣ личнаго патроната переросшія его потребности жизни и закрѣплять измѣнчивыя, еще неустановившіяся окончательно воззрѣнія въ опредѣленную схему закона? Не лучше ли, включивъ

стажьеровъ въ ряды сословія, подчинивъ ихъ власти совѣта, какъ то правильно дѣлаетъ проектъ, предоставить затѣмъ организацію профессіональнаго обученія самому совѣту, который воленъ будетъ, по соображеніи условій мѣста и времени, примѣнять и испытывать ту или другую систему? Вмѣсто всѣхъ статей проекта, трактующихъ о правахъ и обязанностяхъ помощника по занятію дѣлами, не лучше ли было бы поставить одну краткую статью: «Совѣту вмѣняется въ обязанность надлежащею организаціей обезпечить практическую подготовку стажьеровъ».

Судебные уставы создали адвокатуру, но не создали школы ея; эта задача лежитъ на совѣтѣ. Содѣйствіе къ выработкѣ такой школы было бы величайшею заслугой законодательной коммиссіи передъ лицомъ сословія, составляющаго, по словамъ предсѣдателя коммиссіи, «неотъемлемую принадлежность всего новаго судебнаго строя» [1]).

---

[1]) Журн. мин. юстиціи. Сентябрь 1897 г. Приложеніе, стр. 7.

Личный патронатъ [1]).

Изъ числа предложенныхъ на ваше обсужденіе практическихъ вопросовъ, наибольшаго, пожалуй, вниманія заслуживаетъ вопросъ объ условіяхъ нашей профессіональной подготовки. Докладчики по этому вопросу включили въ число необходимыхъ условій стажа—занятіе молодого адвоката у патрона. На этомъ пунктѣ ихъ программы я желалъ бы остановить ваше особенное вниманіе.

Господствующія въ разныхъ странахъ системы стажа могутъ быть въ сущности сведены къ двумъ главнымъ: одна изъ нихъ покоится на началахъ личнаго патроната, другая можетъ быть названа патронатомъ всего сословія. Докладчики стремятся къ соединенію обѣихъ, предполагая этимъ путемъ достигнуть наилучшихъ результатовъ. Но тенденція къ сочетаніямъ бываетъ часто лишь симптомомъ переходнаго состоянія, когда устарѣлыя системы отживаютъ и держатся только благодаря предраз-

[1]) Рѣчь, произнесеная на первомъ международномъ конгрессѣ адвокатовъ въ Брюсселѣ 3 августа 1897 года.

судку, а новыя не успѣли еще завоевать себѣ общественнаго довѣрія. Необходимо потому тщательно изслѣдовать старую форму, и если она окажется включенною въ смѣсь случайно, подъ вліяніемъ одной лишь приверженности традиціи—придется ее исключить и направить всѣ усилія на усовершенствованіе новой формы.

Я полагаю, что въ вопросѣ о стажѣ мы переживаемъ такую переходную эпоху между старой средневѣковой организаціей, построенной по типу мастерской, и современной общественной организаціей профессіональнаго обученія по типу школы. Старые принципы изжились, и ничто не въ состояніи вернуть имъ прежнюю ихъ силу; новые мало испытаны, недостаточно опредѣлены. Отсюда на практикѣ—неудовольствіе достигнутыми результатами, колебанія въ обѣ стороны, частичные возвраты къ прошлому, недовѣріе къ будущему.

Старая система профессіональнаго обученія обусловливала крѣпкую связь ученика съ личностью одного учителя. Тяжкія послѣдствія такой связи очевидно. Ученикъ—средневѣковый ли подмастерье или нынѣшній стажьеръ—усвоиваетъ не только достоинства своего учителя, не только недостатки его, но, что́ хуже всего, его манеру. А такое закрѣпленіе манеры есть первый несомнѣнный признакъ застоя. Сила первыхъ впечатлѣній и первыхъ навыковъ громадна. Необходимо молодому уму, снабженному аппаратомъ знаній и ищущему ихъ

приложенія, представить все разнообразіе методовъ, расширить горизонтъ, дать возможность сличенія, выбора, дать соединиться родственному съ родственнымъ. Только такимъ путемъ рождается или, по крайней мѣрѣ, спасается отъ гибели оригинальность. Потребности ученика не всегда соотвѣтствуютъ способностямъ учителя; онѣ часто перерастаютъ ихъ. Страшно подумать, что обязательная подчиненность одному учителю убиваетъ то, что́ могло бы составить источникъ нашего роста.

Таково первое тяжкое послѣдствіе личнаго патроната,—я бы назвалъ его важнѣйшимъ: ибо это язва, гложущая нашъ мозгъ.

Вторымъ послѣдствіемъ является искусственное стѣсненіе свободы доступа въ наши ряды. Адвокатъ не принимаетъ къ себѣ въ помощники лица, ему чуждаго, лично незнакомаго, никѣмъ не рекомендованнаго. Онъ не можетъ не руководиться и соображеніями личной симпатіи. Ибо нельзя же въ самомъ дѣлѣ никому навязывать обязанности принимать по жребію, по очереди, людей совершенно неизвѣстныхъ, подчасъ несимпатичныхъ, въ качествѣ цеховыхъ подмастерьевъ, т.-е. лицъ, приходящихъ къ нему въ домъ, знакомящихся съ его дѣлами, связывающихся съ нимъ нѣкоторою болѣе тонкою нитью, нежели школьный ученикъ связанъ съ школьнымъ учителемъ. Значитъ, вопросъ о поступленіи въ сословіе сводится на вопросъ о знакомствѣ, о личныхъ симпатіяхъ и анти-

патіяхъ. Но это еще не худшее. Доступъ въ сословіе стѣсненъ не только вслѣдствіе отсутствія личныхъ связей, личныхъ симпатій и антипатій, а вслѣдствіе дѣйствительной, реальной невозможности принять этимъ путемъ въ лоно сословія весь запасъ силъ готовыхъ и обществу нужныхъ. Немыслимо, да и нецѣлесообразно, навьючивать одному человѣку на шею десятки стажьеровъ, а между тѣмъ они просятся—ихъ некуда дѣвать. Меня поймутъ лучше всего представители тѣхъ странъ, гдѣ адвокатура является учрежденіемъ молодымъ, едва только развивающимся, гдѣ спросъ на адвокатовъ еще значительно превышаетъ предложеніе. Для насъ, въ Россіи, является еще отдаленною мечтою время, когда каждый крестьянинъ въ трудную минуту жизни будетъ имѣть опытнаго и добросовѣстнаго совѣтника и не будетъ падать жертвою собственнаго невѣжества или чужаго корыстолюбія. Въ двухъ-трехъ крупныхъ центрахъ и у насъ—какъ и вездѣ—полно, но вся страна открыта еще для свободнаго состязанія силъ въ служеніи обществу на нашемъ поприщѣ. Ничего, что и молодые толпятся пока въ тѣхъ же двухъ-трехъ центрахъ; они разсѣются, ихъ толкнутъ экономическія соображенія, и они исчезнутъ на большомъ пространствѣ страны.

Но для насъ важно, чтобы они разсѣивались съ необходимымъ запасомъ практическихъ знаній, которыми они не обладаютъ при оставленіи уни-

верситета. И тѣмъ, что они вначалѣ толпятся въ большихъ центрахъ, съ которыми связываетъ ихъ только-что покинутый университетъ, слѣдуетъ именно воспользоваться, чтобы при болѣе численныхъ корпораціяхъ легче организовать настоящее профессіональное обученіе на новыхъ началахъ. При существующемъ порядкѣ невозможно размѣстить правильно эту толпу алчущихъ доступа въ наши ряды,—невозможно не только естественнымъ, но и искусственнымъ путемъ, а если бы возможно было еще сегодня, то немыслимо будетъ завтра: они превосходятъ и должны еще долго превосходить—даже относительно—весь наличный составъ тѣхъ, кто по праву можетъ быть патрономъ.

Прибавьте къ этому, что въ жизни каждой корпораціи бываютъ моменты замѣтнаго паденія внутреннихъ силъ. Каковы бы ни были причины такого застоя, расширеніе свободы состязанія молодыхъ силъ является несомнѣнно универсальнымъ противъ него лекарствомъ. Слѣдовательно, не только количественный, но и качественный ростъ сословія требуютъ устраненія обязательнаго личнаго патроната.

Послѣдуемъ теперь за молодымъ стажьеромъ въ кабинетъ его патрона: чему онъ тамъ научается? Задача стажа — таково классическое ея опредѣленіе—упражняться въ ораторскомъ искусствѣ и въ примѣненіи юридическихъ нормъ къ живымъ фактамъ дѣйствительности. Вопросъ этотъ нѣ-

сколько усложняется для тѣхъ странъ, гдѣ нѣтъ двустепенной адвокатуры (avocats и avoués), гдѣ адвокатъ долженъ самъ производить научные опыты въ лабораторіи и чистить для этихъ опытовъ посуду. Молодой стажьеръ обязанъ, слѣдовательно, изучить и эту отрасль дѣятельности. Но странно говорить тутъ о необходимости особой практической школы. Дѣло сводится къ 10—15 однообразнымъ дѣйствіямъ,—образованному человѣку достаточно одинъ разъ ихъ видѣть или прочесть описаніе, для этой науки найдется легко мѣсто и въ правильно организованномъ стажѣ, безъ личнаго патроната; для нея, наконецъ, достаточенъ мѣсяцъ—другой, не нужно годовъ. Такимъ образомъ, главною задачею стажа остается усвоеніе ораторскаго искусства и практическое примѣненіе права.

Ораторскій талантъ развивается путемъ созерцанія образцовъ и путемъ личнаго упражненія. Ясно, что первое не стоитъ ни въ какой связи съ личнымъ патронатомъ, второе въ весьма гадательной. Я считаю гадательную пользу, которую обыкновенно усматриваютъ въ томъ, что патронъ въ состояніи открыть стажьеру поприще для личнаго упражненія, предоставляя ему отъ щедротъ своихъ менѣе значительныя дѣла. Даже защитники личнаго патроната хорошо понимаютъ слабость этой мѣры; оправдывая патроновъ противъ жалобъ стажіеровъ въ этомъ отношеніи, они совершенно резонно ука-

зываютъ, что адвокатъ «не въ правѣ, подъ угрозою тяжкой отвѣтственности, подвергать ввѣренные ему интересы риску, связанному съ невѣжествомъ, неопытностью или небрежностью молодого помощника» [1]).

Гдѣ же поприще для личнаго упражненія? Да и чего стоитъ самое упражненіе молодого стажьера, происходящее въ отсутствіе компетентнаго судьи, остающееся безъ оцѣнки, безъ указанія недостатковъ? Самонаблюденіемъ не все можно восполнить, многократное же упражненіе, безъ компетентнаго руководства, способно только закрѣпить шероховатости таланта, а не выровнять ихъ. Это не школа, не содѣйствіе развитію, не бережное ухаживаніе за нѣжнымъ растеніемъ, а безжалостное открытіе его дѣйствію всякихъ невзгодъ.

Остается вторая часть задачи—обсужденіе практическихъ случаевъ для примѣненія къ нимъ правовыхъ нормъ. Я избѣгалъ до сихъ поръ сравненія отвергаемой мною системы съ какою-либо иною, болѣе правильной; но для большей краткости и рельефности не могу отказать себѣ въ этомъ на сей разъ. Представьте съ одной стороны какое-нибудь учрежденіе—все равно, какъ его назовете: конференціею, адвокатской семинаріею, колонною—спеціально созданное для практическихъ занятій со стажьерами: избранные для этого, наиболѣе почтенные

---

[1]) Ghysbrecht—Du stage, p. 15.

старшіе товарищи выбираютъ, руководствуясь извѣстною системою, наиболѣе интересные случаи, почерпнутые изъ жизни, подвергаютъ ихъ разбору подъ перекрестнымъ огнемъ возраженій, разнообразя предметы, области, методы изслѣдованія. Рядомъ съ этимъ адвокатскій кабинетъ: случайно, безсистемно попадаютъ въ него вопросы факта и права; они толкутся въ молодую голову стажьера, давятъ другъ друга и исчезаютъ, не оставляя прочнаго слѣда. Случайно—въ зависимости отъ досуга и умѣнья учителя—падетъ въ нее руководящее указаніе, падетъ и исчезнетъ, не поддержанное ни предыдущимъ, ни послѣдующимъ. Прибавьте къ этому весьма частую спеціализацію, которая имѣетъ несомнѣнно тенденцію къ возрастанію и которая, по мѣрѣ своего возрастанія, съуживаетъ все болѣе горизонтъ молодого стажьера,—и вы убѣдитесь, какую жалкую пародію на практическую школу оставила намъ въ наслѣдіе слѣпая приверженность цеховымъ традиціямъ.

Приведенными доводами исчерпываются главныя стороны вопроса. Считаю лишнимъ упоминать о вліяніи личнаго патроната на усвоеніе стажьеромъ установившихся этическихъ правилъ. Не этимъ путемъ усвоиваются, при развитой корпоративной жизни, правила поведенія. Товирищескія бесѣды, встрѣчи, собранія, чтенія отчетовъ о дисциплинарной дѣятельности совѣтовъ,—вотъ истинная школа адвокатской этики. Единичный адвокатъ въ своей дѣятельности даетъ, къ счастью, слишкомъ мало

матеріала для изученія кодекса запрещенныхъ обычаемъ дѣйствій.

Остается сказать развѣ два слова о послѣднемъ, классическомъ доводѣ въ пользу личнаго патроната. Утверждаютъ, будто молодой стажьеръ склоненъ заражаться въ кабинетѣ своего патрона его добросовѣстностью и трудолюбіемъ; но трудолюбіе и добросовѣстность не составляютъ ни спеціальныхъ корпоративныхъ обязанностей, ни спеціальныхъ корпоративныхъ достоинствъ, которымъ онъ вообще, какъ взрослый человѣкъ, долженъ былъ бы еще учиться.

Таковъ отживающій институтъ. На смѣну ему идетъ нѣчто очищенное отъ всѣхъ его недостатковъ,—профессіональная школа; школа въ самыхъ разнообразныхъ видахъ — конференцій, колоннъ, адвокатскихъ курсовъ—школа съ открытымъ для всякаго желающаго доступомъ, съ разнообразнымъ и отборнымъ учительскимъ персоналомъ, съ систематически подобраннымъ матеріаломъ для обученія, съ обширнымъ поприщемъ для развитія ораторскаго дара. Опытъ учрежденій этого рода сравнительно еще молодъ, и каковы бы ни были его результаты, мы не въ правѣ въ нихъ отчаиваться. Принципъ вѣренъ, остается только исправить отдѣльные практическіе грѣхи, и стремиться къ полному проведенію принципа въ жизнь.

Какъ выводъ изъ моего сообщенія, я предлагаю вашему благосклонному вниманію слѣдующіе тезисы:

1) Личный патронатъ тормазитъ свободный доступъ въ сословіе, съуживаетъ умственный кругозоръ стажьера, не развиваетъ въ немъ ни ораторскаго дара, ни способности прилагать право къ факту.

2) Онъ особенно опасенъ для странъ съ молодой адвокатурой.

3) Принципъ «мастерской» долженъ уступить принципу профессіональной школы, съ индивидуализаціей ея формъ сообразно условіямъ мѣста и времени.

Старыя и новыя вѣянія въ европейской адвокатурѣ.

Первый международный конгрессъ адвокатовъ, засѣдавшій въ Брюсселѣ лѣтомъ 1897 года, прошелъ почти незамѣченный обществомъ и печатью. Онъ былъ затертъ среди массы другихъ конгрессовъ, пригнанныхъ къ брюссельской всемірной выставкѣ. Въ одно съ нимъ время засѣдали: конгрессъ мира (международный съѣздъ парламентскихъ дѣятелей), конгрессъ торговли и промышленности, конгрессъ судебной медицины, женскій конгрессъ, конгрессъ пропаганды школьной гимнастики, колоніальный конгрессъ и конгрессъ пропаганды воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ. Министры едва поспѣвали на церемоніи открытія и закрытія—приходилось иногда открывать по два конгресса въ день—пресса не въ состояніи была услѣдить за ихъ трудами. Отсутствіе при такихъ условіяхъ спеціальнаго интереса къ адвокатскому конгрессу вполнѣ понятно. Оно имѣло

впрочемъ и внутреннюю причину: цѣль конгресса была чрезвычайно неопредѣленна, неопредѣленны были и результаты. И то и другое было не легко уловимо для летучей репортерской замѣтки. Цѣлью конгресса не было совмѣстное обсужденіе людьми одной профессіи конкретныхъ практическихъ вопросовъ изъ ихъ дѣятельности. Вопросы эти значились въ программахъ, но во время конгресса выяснилось, что не въ нихъ суть и что центръ тяжести лежитъ гдѣ-то за этими практическими вопросами. Бельгійская адвокатура встрѣтилась на конгрессѣ лицомъ къ лицу съ крайне противоположною ей по своему направленію французскою адвокатурою: столкновеніе двухъ враждебныхъ тенденцій, взаимная критика общихъ воззрѣній привлекла къ себѣ все вниманіе конгресса, и урокъ, вынесенный нами, иноземцами, изъ этой, довольно внушительной демонстраціи, составилъ въ сущности единственный результатъ конгресса.

Въ конгрессѣ участвовали представители 11 странъ: англичане, нѣмцы, французы, русскіе, испанцы, австрійцы, венгерцы, итальянцы, швейцарцы, голландцы и даже одинъ канадецъ.

Съѣздъ былъ не особенно многолюденъ: всего было человѣкъ 200—250; изъ нихъ $^3/_4$ составляли бельгійцы. Между иностранцами болѣе всего было нѣмцевъ (около 15 чел.), французовъ было человѣкъ 10, англичанъ 4, русскихъ 5 (въ томъ числѣ представитель петербургскаго совѣта присяж-

ныхъ повѣренныхъ). Каждая національная группа имѣла въ своемъ составѣ одного, а то и нѣсколькихъ старѣйшинъ сословія, и образованное въ первомъ засѣданіи конгресса бюро, въ составѣ одного члена на каждую національную группу, представляло собою международный синклитъ старѣйшинъ адвокатуры. Дѣятельное участіе въ занятіяхъ конгресса—кромѣ бельгійцевъ и французовъ—принимали англичане, нѣмцы, отчасти испанцы, русскіе и голландцы,—по одному, по двое изъ каждой группы. Въ общемъ, однако, вліяніе иностранцевъ на ходъ занятій было совершенно ничтожно. И не потому, чтобы ихъ не слушали или чтобы они были сами по себѣ не интересны. Наоборотъ, и слушатели были внимательны, и ораторы не слишкомъ велерѣчивы, часто основательны, иногда и остроумны—но и это остроуміе, и сдержанность, и основательность пропадали втунѣ. Причина этого, какъ станетъ яснымъ ниже, заключалась въ особенной точкѣ зрѣнія на адвокатскую профессію, усвоенной выдающимися бельгійскими адвокатами—духовными отцами конгресса. Эта точка зрѣнія оказалась слишкомъ широкою для мелкихъ, хотя и весьма реальныхъ интересовъ, съ которыми явились на конгрессъ иностранные его участники. И потому конгрессъ, несмотря на свободно и радушно открытый всѣмъ доступъ къ работѣ, двигался, росъ и созрѣвалъ усиліями однихъ бельгійскихъ его членовъ.

Чрезвычайно цѣнно и плодотворно было зато участіе иностранцевъ въ подготовительной стадіи конгресса. Организаторы конгресса возымѣли счастливую мысль предпослать созыву конгресса всемірную enquête по вопросамъ организаціи адвокатуры. Составленъ былъ вопросный листъ, очень полный и подробный. Вопросы были раздѣлены на четыре отдѣла: объ учрежденіяхъ, о подготовкѣ къ адвокатской дѣятельности, объ основныхъ принципахъ профессіи и о международныхъ отношеніяхъ.

Первый отдѣлъ—объ учрежденіяхъ—обнималъ вопросы: объ организаціи адвокатуры (законодательство, доктрина и обычаи), о свободныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ адвокатской профессіи и возникшихъ по адвокатской иниціативѣ (ассоціаціи въ цѣляхъ общественныхъ и образовательныхъ, организація веденія дѣлъ бѣдныхъ, учрежденія для защиты дѣтей, попечительства надъ бродягами и отбывшими наказаніе преступниками и т. п.). Въ тотъ же отдѣлъ включена была и библіографія.

Второй отдѣлъ касался вопросовъ университетскаго преподаванія на юридическихъ факультетахъ и практическаго профессіональнаго обученія (стажа).

Въ *третій* отдѣлъ вошли три кардинальныхъ вопроса адвокатской организаціи: о свободѣ адвокатуры или необходимой ея регламентаціи, о соединеніи или раздѣленіи двухъ видовъ адвокатуры

(avocats и avoués), о совмѣстительствѣ адвокатуры съ другими занятіями.

Четвертый отдѣлъ ставилъ вопросы о взаимномъ гостепріимствѣ (допущеніе адвокатовъ къ защитѣ въ иностранныхъ государствахъ) и объ организаціи постояннаго общенія между адвокатами разныхъ странъ.

По всѣмъ отдѣламъ требовались свѣдѣнія о современномъ положеніи вопросовъ, указанія на предполагаемыя реформы и личныя соображенія лицъ опрашиваемыхъ.

На вопросный листъ послѣдовали отвѣты изъ 22 странъ [1]).

Организаціонный комитетъ конгресса издалъ ихъ въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ, сгруппировавъ отвѣты по отдѣльнымъ странамъ. Коллекція этихъ брошюръ составляетъ очень солидный вкладъ въ литературу; она должна стать настольной книгой для всякаго интересующагося судьбами адвокатуры. Участіе иностранцевъ въ составленіи этого труда и составляетъ главную ихъ заслугу передъ конгрессомъ.

Заслуга эта распредѣляется впрочемъ весьма неравномѣрно между отдѣльными національностями. Лучшій изъ присланныхъ отвѣтовъ несомнѣнно —

---

[1]) Вотъ полный ихъ списокъ: Австрія, Англія, Бельгія, Болгарія, Венгрія, Германія, Голландія, Греція, Данія, Испанія, Италія, Люксембургъ, Норвегія, Португалія, Россія, Сербія, Соед. Штаты Сѣв. Америки, Турція, Франція, Швейцарія, Швеція и Японія.

англійскій. Авторы обошли въ немъ, правда, молчаніемъ весь третій и четвертый отдѣлы вопроснаго листа, находя, что «эти предметы принадлежать къ области чистой теоріи, относительно которой личные взгляды авторовъ не могутъ быть никому интересны» [1]), но зато доставили по остальнымъ двумъ отдѣламъ очень полный и интересный литературный очеркъ. Своеобразный строй англійскихъ учрежденій изображенъ на протяженіи не болѣе 30 страницъ съ большою ясностью и выпуклостью, съ сохраненіемъ исторической перспективы и связи со смежными областями жизни, что̀ представляется особенно важнымъ по отношенію къ учрежденіямъ, основаннымъ не на законѣ, а на обычаѣ. Скученъ и обстоятеленъ нѣмецкій отвѣтъ, изданный въ видѣ свода многочисленныхъ отзывовъ (числомъ 12), присланныхъ изъ Германіи. Живостью изложенія, легкою, лишенною педантизма, группировкою фактовъ отличается бельгійская брошюра: законодательныя постановленія удачно чередуются съ историческими эпизодами — безъ ущерба для полноты и дѣловитости изложенія. Брошюра читается съ большимъ интересомъ; надо впрочемъ замѣтить, что заслуга должна быть приписана столько же авторамъ, сколько и матеріалу. Въ брошюрѣ, посвященной Франціи, — изъ числа трехъ напечатанныхъ отвѣтовъ — заслуживаетъ особен-

---

[1]) Réponses au Questionnaire. Angleterre, p. 8.

наго вниманія, по живости формы и мѣткости непосредственныхъ наблюденій, отвѣтъ молодого парижскаго адвоката Филиппара. Непринужденный, заправленный легкою ироніею, тонъ особенно выгодно выдѣляется на фонѣ нѣкоторой академичности остальныхъ французскихъ отвѣтовъ. Русскій отвѣтъ (присланный С.-Петербургскимъ совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ) составленъ очень добросовѣстно, сжато, нѣсколько сухо и — главное — слишкомъ скромно, съ упущеніемъ многихъ, не безъинтересныхъ и для западно-европейцевъ, сторонъ нашей судебной и спеціально-адвокатской организаціи. Совершенно противоположными качествами отличается отвѣтъ испанцевъ. Не даромъ же на конгрессѣ Мадритъ и Петербугъ изображались двумя полюсами, между которыми раскинулась идея конгресса: то и дѣло слышалось въ рѣчахъ: «отъ Петербурга до Мадрида». По истинѣ два полюса.

I.

Обнаружившійся на конгрессѣ антагонизмъ между французскою и бельгійскою адвокатурою имѣетъ свои глубокія причины. Онѣ коренятся въ исторіи и современномъ состояніи адвокатуръ обѣихъ странъ.

«Французское сословіе адвокатовъ — говорилъ съ паѳосомъ одинъ изъ его представителей на конгрессѣ — взираетъ съ гордостью на свою тринадцати-вѣковую исторію и съ сознаніемъ хорошо

заслуженной славы повторяетъ ежегодно устами своихъ bâtonnier'овъ девизъ: »Je maintiendrai».

Что на протяженіи тринадцати-вѣковой исторіи французской адвокатуры создано многое, достойное сохраненія и дальнѣйшаго развитія, въ этомъ никто не сомнѣвается. Вопросъ только въ томъ, собираются ли охранять и развивать тѣ животворныя внутреннія начала, которыми сословіе росло и крѣпло, идя въ уровень съ общественными потребностями времени, или думаютъ оберегать одну внѣшнюю оболочку.

Сословная организація французской адвокатуры сложилась путемъ обычая. Зачатки ея восходятъ къ началу XIV вѣка, когда впервые образовалась при Парижскомъ парламентѣ ассоціація адвокатовъ, носившая отчасти религіозный, отчасти корпоративно-имущественный характеръ. Но этой ассоціаціи не принадлежало еще ни право суда, ни право составленія адвокатскаго списка, т.-е. все то, что является вѣнцомъ адвокатской автономіи.

Этихъ правъ французская адвокатура добилась лишь послѣ упорной борьбы; въ теченіе вѣковъ она завоевывала себѣ общественное признаніе и почетъ безкорыстною защитою «бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ», огражденіемъ слабыхъ отъ произвола властныхъ, отстаиваніемъ, среди смѣняющихся политическихъ теченій, принциповъ права, во имя которыхъ адвокатамъ не разъ приходилось жертвовать жизнью, честью и достояніемъ. Добиваясь авто-

номіи, адвокатура стремилась не къ расширенію правъ, а къ усугубленію своихъ обязанностей, и сама не разъ укорачивала дарованныя ей привилегіи. Исторія французской адвокатуры изобилуетъ фактами самоотверженной защиты адвокатами жертвъ политическаго и соціальнаго угнетенія, изобилуетъ актами самоотверженія и со стороны всей адвокатской корпораціи, доказывающими, какъ сильно было въ ней сознаніе ея общественной роли.

Достаточно вспомнить установленный адвокатурою запретъ требовать и даже назначать размѣръ вознагражденія за адвокатскій трудъ. Право на это вознагражденіе предоставлено было адвокатамъ древними ордонансами, предшествовавшими зарожденію адвокатской автономіи; но адвокаты добровольно отреклись отъ него: и этимъ отреченіемъ — не маскированнымъ еще посредствомъ тайнаго вымогательства черезъ подставныхъ посредниковъ — подчеркивался рыцарскій характеръ адвокатскаго служенія; вознагражденіе квалифицировалось—и повидимому искренно—какъ добровольное приношеніе благодарнаго кліента, не подлежащее напередъ опредѣленной денежной оцѣнкѣ, измѣряемое исключительно чувствами покровительствуемаго по отношенію къ покровителю.

Актомъ самоотреченія завершается—на исходѣ XVIII вѣка въ эпоху великой революціи—и вся достойная полоса исторіи французской адвокатуры. Созданное революціоннымъ режимомъ судебное

устройство грозило наводнить адвокатуру массою лицъ, чуждыхъ исконнымъ ея идеаламъ. «Эти люди, не имѣя никакого представленія о нашихъ принципахъ и нашей дисциплинѣ—говорили адвокаты—унизятъ нашу почетную дѣятельность и лишатъ ее прежняго благородства... Лучше уничтожимъ сами предметъ своей любви, чѣмъ предадимъ его обидамъ и оскорбленіямъ». Явившись затѣмъ въ Учредительное собраніе въ сентябрѣ 1789 г., адвокаты сами подписали декретъ объ упраздненіи адвокатуры.

Только при свѣтѣ такого высокаго сознанія адвокатами ихъ общественной миссіи и могъ сложиться кодексъ поведенія, ставшій на долгое время евангеліемъ адвокатовъ всего міра: изъ побужденій будничной дѣловой порядочности не рождаются такіе кодексы. Такую адвокатуру могъ защищать передъ Учредительнымъ собраніемъ и самъ Робеспьеръ въ слѣдующихъ восторженныхъ выраженіяхъ: «Одна эта профессія ускользнула отъ фискальныхъ законовъ и отъ абсолютной власти монарха. Она носила въ себѣ послѣдніе слѣды свободы, изгнанной изъ остальной части общества; только въ ней сохранилось еще мужество истины, которое дерзало провозглашать права слабой жертвы противъ могущественнаго угнетателя ея. Эти люди, безстрашные и краснорѣчивые, опора невинности и бичъ преступленія, будутъ устранены... Вы унижаете дѣятельность драгоцѣн-

ную для человѣчества, необходимую для духовнаго прогресса общества; вы закрываете эту школу гражданскихъ добродѣтелей, гдѣ таланты и доблесть научались выступать въ защиту интересовъ народа передъ законодателями».

Сметенная революціею, французская адвокатура вновь воскресла въ 1810 году, но воскресла при условіяхъ, крайне неблагопріятныхъ для дальнѣйшаго ея развитія. Наполеонъ былъ ярымъ противникомъ адвокатовъ. «Они мятежники, виновники преступленій и измѣнъ—говорилъ онъ—я хочу, чтобы можно было отрѣзать языкъ всякому адвокату, который употребилъ бы его противъ правительства». Этотъ девизъ и легъ въ основу новаго декрета объ организаціи адвокатуры, изданнаго въ 1810 году.

Дальнѣйшая исторія французской адвокатуры шла зигзагами: права ея то съуживались, то расширялись въ зависимости отъ измѣнявшихся политическихъ условій,—но внутренняя жизнь потекла вяло и однообразно. Движеніе замерло и не ожило до нашихъ дней. Культъ старыхъ традицій пріобрѣлъ самодовлѣющее значеніе,—кругъ жизни какъ-будто совершенъ, и некуда дальше идти. Идеалы охраняются, но охраняются въ вѣковой ихъ нерушимости,—не по разуму, а по буквѣ. Въ душной, непровѣтриваемой атмосферѣ явственно выступаютъ симптомы разложенія, и спасенія противъ него ищутъ въ строгомъ исполненіи внѣшняго чина.

Признаки упадка особенно ярко выступаютъ при подробномъ разсмотрѣніи современнаго строя адвокатуры во Франціи; они отмѣчены и отвѣтомъ на вопросный листъ, принадлежащимъ перу одного изъ болѣе свѣжихъ представителей парижской адвокатуры, Филиппара [1]).

Французская адвокатура представляетъ двѣ самостоятельныя адвокатскія корпораціи: одна, главная, разсѣянная по всей странѣ, имѣющая столько фокусовъ самоуправленія, сколько судебныхъ округовъ въ странѣ; вторая—малочисленная, сосредоточенная въ Парижѣ и имѣющая спеціальною задачею веденіе судебныхъ и судебно-административныхъ дѣлъ въ кассаціонномъ судѣ и въ Государственномъ совѣтѣ. Обѣ корпораціи отдѣлены другъ отъ друга какъ бы китайскою стѣною: у каждой особый органъ самоуправленія, особые внутренніе распорядки.

Сословіе адвокатовъ при кассаціонномъ судѣ и Государственномъ совѣтѣ состоитъ неизмѣнно изъ 60 членовъ; поступленіе новаго члена обусловлено смертью или выходомъ предшественника; званіе адвоката покупается за деньги. Дѣятельность кассаціонныхъ адвокатовъ ограничена двумя учреж-

---

[1]) Réponses au Questionnaire. France, par Leon Philippart. Тотъ же Филиппаръ является авторомъ отдѣльной брошюры о правахъ Парижскаго дворца правосудія (La vie judiciaire au Palais); ея данными удобно восполняется, сжатое по необходимости, изложеніе отвѣта на вопросный листъ.

деніями, при которыхъ они числятся; въ остальныхъ судебныхъ мѣстахъ они не выступаютъ, равно какъ другіе адвокаты не выступаютъ въ учрежденіяхъ, монополизированныхъ тѣми. Въ противоположность общему двустепенному строю французской адвокатуры, кассаціонные адвокаты совмѣщаютъ въ себѣ функціи адвоката и функціи avoué. Управляются они дисциплинарнымъ совѣтомъ, предсѣдатель котораго назначается министромъ юстиціи. Новые члены, поступающіе въ сословіе, приносятъ присягу тому же министру юстиціи. Министру юстиціи принадлежитъ и безапелляціонный дисциплинарный судъ по всѣмъ болѣе важнымъ дѣламъ.

Такова организація маленькой адвокатской касты, оставшейся, какъ забытый исторіей наростъ на тѣлѣ настоящей адвокатуры. Ею мало интересуются въ обществѣ и въ литературѣ. Дѣятельность ихъ совѣтовъ мало извѣстна. Въ конгрессѣ не участвовалъ ни одинъ изъ нихъ, и это не вызвало ничьего удивленія. Въ отвѣтахъ на вопросный листъ о нихъ почти ничего не говорится, и это также никого не удивляло. И когда говорятъ или пишутъ о французской адвокатурѣ,—то говорятъ и пишутъ не о нихъ, а объ остальной, главной части адвокатуры, той, которая причислена къ палатамъ и разсѣяна по всей странѣ. Центральное мѣсто среди этой послѣдней — какъ по богатству личныхъ силъ, такъ и по величію традицій—при-

надлежитъ несомнѣнно парижской адвокатурѣ. Она и будетъ насъ преимущественно занимать.

По закону для поступленія въ адвокаты требуется только предъявленіе университетскаго диплома на степень licencié en droit. Обычай парижской адвокатуры присоединилъ къ этому требованію рядъ другихъ, и въ числѣ ихъ требованіе французскаго подданства. Это стѣснительное правило оправдывается ссылкою на Наполеоновъ кодексъ: кодексъ воспрещаетъ иностранцамъ занимать нѣкоторыя должности, а такъ какъ адвокаты могутъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ (на практикѣ этихъ случаевъ почти не бываетъ) замѣнять судью, то правило объ иностранцахъ распространено и на пріемъ въ адвокатуру. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что въ сосѣдней Бельгіи, живущей подъ дѣйствіемъ того же кодекса, не только иностранцы имѣютъ право поступать въ адвокатуру, но и дипломы иностранныхъ университетовъ часто признаются достаточными [1]).

Обычай требуетъ далѣе, чтобы претендентъ имѣлъ дѣйствительное мѣстожительство (domicile réel) въ городѣ, гдѣ засѣдаетъ подлежащій судъ. На практикѣ толкованіе словъ «дѣйствительное мѣстожительство» привело къ совершенно монструозному выводу: обычай требуетъ, чтобы кандидатъ въ адвокаты былъ безусловно собственни-

---

[1]) Frick. L'avocat-stagiaire, p. 45

комъ мебели въ своей квартирѣ. Жилецъ меблированныхъ комнатъ не можетъ попасть въ адвокаты. «Недовольные умы находятъ дерзкимъ—иронизируетъ по этому поводу Филиппаръ—этотъ насильственный совѣтъ мало имущимъ товарищамъ отвернуться отъ профессіи, которая не можетъ-де доставить имъ большихъ радостей. Мрачные критики забываютъ повидимому, что въ Парижѣ многіе меблированные дома заняты личностями изъ того свѣта, къ которому мы имѣемъ счастье не принадлежать, и что нашъ совѣтъ, отечески присвоивъ себѣ право оберегать юношескую добродѣтель, еще въ 1828 году издалъ постановленіе, коимъ запрещается «посѣщать не совсѣмъ скромные кафе и унижать себя пребываніемъ въ нѣкоторыхъ обществахъ», подъ страхомъ тягчайшей отвѣтственности... Они забываютъ также, что еще не такъ давно отмѣненъ запретъ адвокатамъ носить мужское украшеніе—усы».

Съ принятіемъ въ сословіе начинается періодъ стажа. Этотъ стажъ установленъ закономъ, продолжительность его опредѣлена въ 3 года, но на дѣлѣ онъ превратился въ совершенно пустую, безсодержательную форму. Начать съ того, что молодые стажьеры пользуются съ первыхъ же дней тѣми же правами, что̀ и адвокаты, отбывшіе стажъ: они даютъ совѣты и защищаютъ (plaident et consultent). Права ихъ ограничиваются только однимъ довольно своеобразнымъ запретомъ: фами-

ліи и адреса ихъ не должны быть оглашаемы. Они не только не въ правѣ публиковать о себѣ, но списокъ ихъ не можетъ быть помѣщенъ въ указателѣ адресной и справочной книги.

Для самой организаціи профессіональнаго обученія не дѣлается ровно ничего. Французы, правда, справедливо гордятся древностью своихъ законодательныхъ предписаній о стажѣ (о немъ упоминается еще въ регламентѣ 1377 г.). Можно бы привести и болѣе свѣжія заслуги французской адвокатуры на этомъ поприщѣ: Франція является родиною конференціи, — формы профессіональнаго обученія, которой несомнѣнно принадлежитъ будущее,—но всѣ эти начинанія восходятъ къ эпохѣ расцвѣта французской адвокатуры,—въ теченіе же нынѣшняго столѣтія они не двинуты ни на шагъ впередъ.

При отсутствіи личнаго патроната, какъ обязательной нормы,—о чемъ можно бы еще не сожалѣть—все вниманіе очевидно должно было быть направлено на патронатъ сословный; однако и сословный патронатъ находится въ состояніи полнаго упадка.

Задача конференціи—главнаго вида сословнаго патроната—состоитъ въ практическихъ занятіяхъ молодыхъ адвокатовъ надъ судебными вопросами, подъ руководствомъ старшихъ, спеціально для этой цѣли избранныхъ изъ числа наиболѣе опытныхъ и свѣдущихъ. Парижская конференція давно перестала

быть средоточіемъ такой работы. Она попрежнему торжественно засѣдаетъ каждую недѣлю подъ предсѣдательствомъ bâtonnier, и участіе въ ней молодыхъ стажьеровъ формально считается обязательнымъ; но обязанность эта на дѣлѣ свелась къ тому, что стажьеры обязаны въ день, назначенный для конференціи, росписываться на выложенномъ листѣ, и конференція съ этой стороны служитъ лишь средствомъ удостовѣренія, что стажьеры безвыѣздно проживаютъ въ городѣ, къ которому они приписаны. Отвѣтъ на вопросный листъ такъ прямо и опредѣляетъ назначеніе конференціи: «стажьеръ обязанъ доказать свое присутствіе въ городѣ, оставляя каждую недѣлю свою подпись, въ день, назначенный для засѣданія конференціи». Такимъ образомъ фактически посѣщеніе конференцій необязательно; тѣмъ менѣе обязательно дѣятельное участіе въ трудахъ ея. Самое существованіе конференціи поддерживается исключительно честолюбивыми стремленіями незначительнаго кружка молодыхъ стажьеровъ, добивающихся особенно почетнаго званія секретарей конференціи. Такихъ секретарей 12: они назначаются ежегодно совѣтомъ изъ числа наиболѣе талантливыхъ молодыхъ ораторовъ, отличившихся своими «discours» въ теченіе года. «Конференція стала чѣмъ-то въ родѣ ораторскаго конкурса, для достиженія титула секретаря; кандидаты стремятся выдвинуться ясностью и изяществомъ изложенія своихъ тезисовъ, для

того, чтобы попасть въ списокъ 12 секретарей, назначаемыхъ ежегодно совѣтомъ». Вотъ главный нервъ конференціи. Такимъ образомъ громадное большинство стажьеровъ вовсе не работаетъ въ конференціяхъ, а работа незначительнаго меньшинства сводится къ произнесенію въ теченіе испытательнаго года нѣсколькихъ эффектныхъ рѣчей.

Рядомъ съ конференціями существуютъ т. н. собранія колоннъ. Занятія ихъ состоятъ въ томъ, что дважды въ годъ однимъ изъ членовъ совѣта произносятся ex cathedra проповѣди адвокатской морали въ назиданіе молодымъ стажьерамъ. О реальной пользѣ этихъ собраній, въ такомъ ихъ видѣ, врядъ-ли приходится и говорить.

«Такимъ образомъ на стажьеровъ не возложено никакой обязанности, ни относительно ознакомленія съ дѣлами, ни относительно упражненія въ краснорѣчіи, и стажъ превращается — по словамъ Филиппара — въ совокупность совершенно призрачныхъ формальностей».

Внутреннюю чистоплотность сословія совѣтъ стремится охранить путемъ строгаго соблюденія установленныхъ обычаемъ правилъ объ адвокатскомъ гонорарѣ.

Правильною постановкою гонорарныхъ отношеній интересуются повидимому вездѣ, и многіе отвѣты на вопросный листъ требовали включенія вопроса о гонорарѣ въ программу занятій конгресса. Но всѣмъ теперь ясно, что, въ виду из-

мѣнившихся кореннымъ образомъ условій жизненнаго строя, прежняя система гонорарныхъ отношеній, выражавшаяся въ покровительствѣ, съ одной стороны, и въ чувствѣ благодарности—съ другой, существовать болѣе не можетъ. Какъ этическій, такъ и экономическій элементъ въ отношеніяхъ адвоката къ кліенту приняли совершенно новую форму: этическій элементъ перенесенъ въ другую область, и экономическое положеніе адвоката не гарантируется болѣе чувствомъ благодарности со стороны кліента. Потому, въ вопросѣ о гонорарѣ теперь интересуются только системою его нормировки - вопросомъ о томъ, быть ли таксѣ или свободному договору, какой принципъ положить въ основу таксы (трудовой или рисковой), наконецъ, допускать ли искъ о неуплаченномъ гонорарѣ. А въ парижской адвокатурѣ до сихъ поръ еще проповѣдуется во всей чистотѣ и охраняется полицейскими мѣрами совѣта воззрѣніе на гонораръ, какъ на почетное приношеніе. Бѣда только въ томъ, что «sie trinken heimlich Wein und predigen öffentlich Wasser». Злые языки говорятъ, что «почетные дары» парижскихъ адвокатовъ—и премущественно жрецовъ сословія—достигаютъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ въ годъ и что эти щедроты ниспадаютъ на нихъ не совсѣмъ неожиданно, послѣ одержанной побѣды, отъ полноты исполненнаго благодарностью сердца кліента. Про одного изъ такихъ жрецовъ намъ разсказывали, какъ онъ нѣсколько

разъ возвращалъ недогадливому кліенту бумаги, при краткомъ извѣщеніи, что недостаетъ еще одной «самой существенной бумаги»; кліентъ наконецъ сообразилъ и приложилъ къ дѣлу чекъ надлежащаго достоинства.

Господствующая теорія гонорара гласитъ, что адвокатъ не вправѣ выговаривать себѣ впередъ вознагражденіе, — поэтому на сцену является честный маклеръ-avoué, за спиною адвоката торгующійся съ кліентомъ и уничтожающій своимъ участіемъ ту долю деликатности, которая была бы присуща непосредственнымъ и яснымъ отношеніямъ между адвокатомъ и кліентомъ.

Господствующая теорія гласитъ, что нельзя предъявлять иска объ уплатѣ вознагражденія; нельзя даже напомнить неблагодарному кліенту объ его обязанности — и потому, «во избѣжаніе злой шутки со стороны кліента», какъ говоритъ Филиппаръ, заставляютъ его «всегда безъ исключенія» платить гонораръ цѣликомъ впередъ. Это явное, на глазахъ у всѣхъ совершающееся, фарисейство возбуждаетъ справедливый ропотъ молодого поколѣнія. «Нѣтъ ничего комичнѣе нашихъ засѣданій колонны, въ которыхъ обсуждается вопросъ о «безкорыстіи». Наши старые bâtonniers и нашъ сословный совѣтъ, призванные охранители нашихъ преданій, берегутъ, какъ нѣкогда колѣно Левино, кивотъ завѣта, въ коемъ заключены скрижали закона, жезлъ Аароновъ и сосудъ, наполненный

манной небесной. Они охраняютъ ихъ съ суровымъ усердіемъ, не настаивая лишь слишкомъ на символической маннѣ, думать о которой значило бы нарушать сословныя преданія» [1]).

На вопросъ о свободныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ адвокатурѣ, объ адвокатскихъ обществахъ и ассоціаціяхъ, получился изъ Парижа одинъ изъ самыхъ печальныхъ отвѣтовъ. Оказывается, что никакой научной, товарищеской или воспитательной ассоціаціи въ Парижѣ нѣтъ; есть лишь «дружеская ассоціація секретарей и бывшихъ секретарей конференціи», собирающаяся разъ въ годъ — единственно съ цѣлью освѣжить старыя воспоминанія — и ежегодно издающая бюллетень со спискомъ секретарей конференцій отъ 1818 года. Неудивительно, что въ синоптической таблицѣ, составленной комитетомъ конгресса на основаніи полученныхъ отзывовъ, Франціи посвящено въ этомъ вопросѣ немногимъ больше мѣста, чѣмъ Сербіи и Болгаріи, о которыхъ кратко говорится, что «никакихъ ассоціацій нѣтъ».

Не въ лучшемъ положеніи находится вопросъ объ участіи адвокатуры въ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью защиту бѣдныхъ на судѣ, даровую консультацію неимущимъ, патронатъ надъ невинно-осужденными, бродягами и малолѣтними. Защита бѣдныхъ на судѣ считается по закону (21 января

---

[1]) La vie judiciaire, p. 11.

1851 г.) безусловною обязанностью каждаго адвоката. Между тѣмъ отвѣтъ на вопросный листъ свидѣтельствуетъ, что «въ дѣйствительности дѣла бѣдныхъ распредѣляются лишь между адвокатами-добровольцами, заявившими желаніе принимать на себя защиту по назначенію» [1]). При такомъ порядкѣ дѣла бѣдныхъ попадаютъ исключительно въ руки молодыхъ, неопытныхъ и ищущихъ занятія стажьеровъ, не руководимыхъ въ ихъ занятіяхъ никакими указаніями ни со стороны патроновъ, ни со стороны старѣйшинъ сословія.

Даровая консультація неимущимъ учреждена въ Парижѣ впервые лишь въ прошломъ 1896 году— но то было время предсѣдательствованія Пулье, о которомъ говорили, что при немъ на мигъ повѣялъ въ сословіи «зефиръ новаго духа» [2]).

Участіе адвокатовъ въ учрежденіяхъ съ характеромъ патроната надъ малолѣтними, невинно-осужденными и бродягами совершенно ничтожно. Ни одно изъ этихъ учрежденій не возникло по иниціативѣ адвокатовъ, и ни въ одномъ они не участвуютъ сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ.

Думаютъ обыкновенно, что французскіе адвокаты принимаютъ дѣятельное участіе въ политической жизни. На самомъ дѣлѣ адвокатовъ, бросившихъ адвокатуру для политической карьеры или

---

[1]) Réponses au Questionnaire. France, p. 33.

[2]) La vie judiciaire, p. 4.

совмѣщающихъ обѣ карьеры, чрезвычайно мало. «Политическая карьера адвоката, говоритъ Филиппаръ, является почти аномаліей въ Парижѣ; одна изъ характерныхъ чертъ нашей адвокатуры то, что связь ея съ политикою рѣдко даетъ счастливыя супружества, столь частыя, напримѣръ, въ Бельгіи.... Приходится сожалѣть не о томъ, конечно, что наши великіе мастера ищутъ или отталкиваютъ депутатскія полномочія, а что они перестали совершенно интересоваться всякими проявленіями общественной жизни» [1]). Такъ же рѣдко—если не рѣже, случается назначеніе заслуженныхъ и особенно даровитыхъ адвокатовъ на административные посты. По закону (декретъ 1810 г., ст. 64) всякій кандидатъ на судебную должность обязанъ въ теченіе двухъ лѣтъ быть адвокатомъ. На практикѣ (не представляющей почти исключеній) дѣло сводится къ тому, что молодой человѣкъ, стремящійся къ занятію административной должности, фиктивно приписывается въ адвокаты и числится въ спискѣ два года, одновременно работая въ канцеляріи суда, у прокурора или въ министерствѣ юстиціи; по истеченіи двухъ лѣтъ онъ покидаетъ совершенно ему чуждые ряды сословія съ титуломъ адвоката и вступаетъ на политическое или административное поприще. Отсюда то ложное представленіе, будто во Франціи много общественныхъ дѣятелей и адми-

[1]) La vie judiciaire, p. 7.

нистраторовъ изъ адвокатовъ; на самомъ же дѣлѣ связи между сословіемъ адвокатовъ и руководителями политики и администраціи не существуетъ, наоборотъ—насколько можно судить по нѣкоторымъ симптомамъ—взаимныя отношенія ихъ скорѣе враждебныя.

Весь описанный режимъ, воцарившійся во французской адвокатурѣ въ теченіе нынѣшняго столѣтія, не предписанъ ей закономъ, а является порожденіемъ обычая. Измѣненія въ немъ зависятъ всецѣло отъ самой адвокатуры. Между тѣмъ вся ея забота направлена исключительно на сохраненіе въ неприкосновенности завѣтовъ старины.

Страхъ передъ новшествами внушаетъ строгія взысканія за мелочныя нарушенія обветшалой рутины; отцы сословія тяготятся наплывомъ новыхъ силъ: съ ними могутъ явиться новыя вѣянія; растетъ кастовая замкнутость и прикрытая святошескими формулами нравственная порча. На помощь гибнущимъ кумирамъ призываются напыщенныя тирады о величіи древности, и каждый годъ жезлоносецъ сословія, пріемля въ торжественной обстановкѣ изъ рукъ своего предмѣстника священный кивотъ традицій, произноситъ передъ лицомъ всего сословія клятву: «Je maintiendrai».

Это настроеніе современной французской адвокатуры рѣзко выступало и во все время конгресса. Въ основѣ самой идеи о международномъ конгрессѣ адвокатовъ лежало предположеніе о нѣко-

торомъ единствѣ адвокатуръ разныхъ странъ, объ общихъ цѣляхъ и общихъ основаніяхъ дѣятельности. Но для парижской адвокатуры одна эта мысль показалась недопустимою ересью; отъ нея отшатнулись прежде всего представители сословія въ лицѣ совѣта, а за ними—частью по убѣжденію, частью изъ страха—всѣ остальные, за весьма незначительными исключеніями.

Изъ 1900 парижскихъ адвокатовъ явились на конгрессъ, несмотря на близость разстоянія, всего человѣкъ 5; на вопросный листъ комитета былъ присланъ изъ Парижа *одинъ* отвѣтъ. Изъ числа явившихся на конгрессъ двое—какъ намъ приходилось слышать—не смѣли выступить публично со своими замѣчаніями, особенно когда вопросъ касался организаціи парижской адвокатуры: мужество ихъ, говорятъ, слишкомъ тяжело отозвалось бы на ихъ карьерѣ; поэтому одинъ совершенно молчалъ, а другой говорилъ о порядкахъ, существующихъ въ Сѣверной Америкѣ.

Еще въ ноябрѣ прошлаго года тогдашній вольнодумный предсѣдатель Парижскаго совѣта Пулье, о которомъ мы упомянули выше, пытался было отстоять въ публичной рѣчи идею международнаго общенія, но безуспѣшно. Любопытно, въ какихъ выраженіяхъ этотъ новаторъ убѣждалъ своихъ слушателей: «сколько вопросовъ могло бы быть съ пользою обсуждено во время этихъ международныхъ встрѣчъ *не съ точки зрѣнія нашихъ*

правилъ, нашихъ нравовъ и нашихъ обычаевъ, одна древность коихъ составляетъ для насъ истинную религію,—но съ точки зрѣнія судебной организаціи, состава и организаціи судебной семьи и проч.» [1]).

Пулье явился затѣмъ и на конгрессъ—всего на одинъ день. Онъ не былъ уже bâtonnier'омъ и тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ, во избѣжаніе всякихъ—казалось бы, невозможныхъ уже при такихъ условіяхъ—недоразумѣній, подчеркнуть, что онъ явился не въ качествѣ депутата отъ сословія, а лично за себя, побуждаемый личными влеченіями. Въ рѣчи, произнесенной затѣмъ, онъ повторилъ—на сей разъ уже сверхъ положеннаго чина—свою батоньерскую клятву «Ja maintiendrai»—и со всею силою обрушился на весьма умѣренное и, какъ намъ казалось, даже слишкомъ мизерное предложеніе, организовать международное общеніе въ формѣ бюро справокъ—обрушился на томъ основаніи, что онъ, Пулье, и тѣмъ менѣе его собратья не могутъ признавать братства и союза со всякими адвокатами Турціи, Японіи и Швейцаріи, «гдѣ каждый парикмахеръ можетъ явиться адвокатомъ на судѣ».

Таковъ образъ мыслей вольнодумца, при которомъ вѣялъ въ сословіи «зефиръ новаго духа». Легко себѣ представить остальныхъ. Былъ, кромѣ Пулье, на конгрессѣ изъ выдающихся парижскихъ

---

[1]) Réponses au Questionnaire. France, p. 46.

адвокатовъ еще M-re Clunet, отличавшійся тирадами о величіи древнихъ завѣтовъ парижской адвокатуры, о древности всего истиннаго и прекраснаго, о «нравственныхъ основахъ жизни, остающихся незыблемыми съ тѣхъ поръ, какъ нѣкій маленькій народъ на берегахъ Эгейскаго моря» и проч. и проч.

Наклонность къ древности сказывалась и въ ораторскихъ пріемахъ г. Клюнэ, являющагося и въ этомъ отношеніи типичнымъ представителемъ своихъ собратьевъ. Риторическая, широковѣщательная манера въ изложеніи простѣйшихъ вещей, величественный паѳосъ, достигаемый при помощи цѣлаго арсенала гимнастическихъ эффектовъ, голосъ, то раскатывающійся громомъ, то искусственно понижаемый до шопота, какое-то особенное самоопьяненіе собственною фразою и позою—все это оказалось въ полномъ соотвѣтствіи со всею атмосферою корпоративной жизни, такъ умѣло сохранившей эти цвѣты; и пожалуй только эта одна манера и пригодна для защиты обветшалыхъ и и безжизненныхъ, какъ и сама она, принциповъ.

Удивительно ли, что противъ такой адвокатуры періодически поднимается въ обществѣ ропотъ негодованія, и прямолинейное общественное мнѣніе требуетъ совершеннаго ея упраздненія?

Такіе протесты со стороны общественнаго мнѣнія, обличенные въ форму проектовъ объ упраздненіи, появляются повидимому довольно часто. Только о нихъ и говорятъ авторы всѣхъ трехъ

французскихъ отвѣтовъ подъ рубрикою: «Предполагаемыя реформы». Въ 1890 году внесенъ былъ въ парламентъ подписанный 15-ю депутатами законопроектъ объ упраздненіи адвокатуры, какъ непригоднаго «обломка старины, сохраняющагося нынѣ лишь благодаря индифферентизму общественнаго мнѣнія».

Главный руководитель протеста (Chassaing) находилъ, что для удовлетворенія нужды въ адвокатахъ достаточно вывѣсить въ судѣ списокъ всѣхъ проживающихъ въ данномъ округѣ лицъ, обладающихъ дипломомъ юридическаго факультета; это замѣнитъ всю организацію адвокатуры [1]).

Авторъ другаго проекта, Морисъ Форъ, настаиваетъ на необходимости допущенія самихъ сторонъ къ участію въ процессѣ и на полной свободѣ въ выборѣ лица довѣреннаго, ибо только тотъ, кто лишенъ гражданскихъ и политическихъ правъ, долженъ быть лишенъ права являться представителемъ чужихъ интересовъ на судѣ. Другой депутатъ, Понтоа, создавшій тоже проектъ «преобразованія сословія», резюмируетъ свою мысль такъ: «адвокатомъ можетъ быть представитель всякой профессіи, всякаго ремесла: можно быть лавочникомъ и въ свободныя минуты заниматься адвокатурою».

Этотъ рѣзкій и въ конечныхъ выводахъ сво-

---

[1]) Réponses. France. p. 36.

ихъ явно-неразумный напоръ общественнаго мнѣнія не въ силахъ, однако, расшевелить толстый слой предразсудковъ, подъ которымъ чахнутъ здоровыя зерна. Французская адвокатура продолжаетъ стоять незыблемо, точно старый замокъ съ искривленными башнями, узкими ходами, ветхій и неудобный, среди дворцовъ новаго города.

Въ общественной жизни Франціи эта аномалія не единственная. Рядомъ съ молодою, производящей всесвѣтные перевороты, литературою засѣдаетъ академія изъ 40 безсмертныхъ, въ теченіе вѣковъ совершающихъ свой скучный, ненужный обрядъ, неподвижныхъ, какъ смерть.

Рядомъ съ безпредѣльно свободною сценою — французская комедія, съ ея неподвижными традиціями, съ особою школою эмфатической важности въ дикціи и движеніяхъ, съ презрѣніемъ ко всему, что̀ просто и естественно.

Рядомъ съ усиленнымъ движеніемъ въ области общественной жизни и законодательства—адвокатура, сформированная какъ замкнутый орденъ, риторская и фарисейская, гордая своею древностью и глухая къ нарождающимся нуждамъ жизни.

II.

Совершенно иную картину представляетъ бельгійская адвокатура.

Современная организація бельгійской адвокатуры зародилась въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Первые годы ея прошли въ суровой школѣ Наполеоновскаго декрета (1810 г.), пропитаннаго автократически-полицейскими тенденціями и ненавистью къ «сословію болтуновъ».

Введенный при французскомъ владычествѣ, декретъ этотъ оставался нетронутымъ во все время нидерландскаго господства и даже въ первые годы самостоятельнаго существованія Бельгіи. Реакціонное царствованіе Вильгельма Нидерландскаго еще рѣзче выдвинуло враждебныя адвокатурѣ тенденціи. Въ 1817 году, по сцеціальному указу короля, измѣнена была редакція адвокатской присяги, въ смыслѣ усиленія въ ней элемента преданности особѣ монарха. Въ 1819 году семь адвокатовъ были исключены изъ сословія и подвергнуты тюремному заключенію за составленіе консультаціи въ пользу журналиста, враждебнаго правительству. Адвокаты тѣмъ не менѣе, какъ свидѣтельствуютъ источники, оставались вѣрны своему долгу и неоднократно защищали бельгійскихъ патріотовъ «противъ покушеній правительства, дѣйствовавшаго безъ умѣренности и безъ стѣсненій» [1]).

[1]) Frick, loco cit., p. 41.

Революція 1830 года сдѣлала Бельгію свободною страною; такая же революція, руководимая тѣми же общественными тенденціями, превратила организованное на сервилистическихъ началахъ адвокатское чиновничество въ свободную адвокатскую корпорацію. 7 апрѣля 1832 года на собраніи брюссельскихъ адвокатовъ брюссельская адвокатура была объявлена «свободною ассоціаціею». Было признано, что достоинство и независимость адвокатуры несовмѣстимы съ вмѣшательствомъ какой бы то ни было власти въ рѣшенія сословія, касающіяся собственныхъ его дѣлъ. Вслѣдствіе этого собраніе постановило избрать изъ своей среды дисциплинарный совѣтъ и утвердить своею властью статутъ, содержащій основы адвокатскаго самоуправленія. Статья 1-я этого статута отражаетъ на себѣ общественно-политическую тенденцію всего движенія. Она гласитъ: цѣлью ассоціаціи брюссельскихъ адвокатовъ является сохраненіе независимости и достоинства сословія, обезпеченіе защиты правъ лицъ неимущихъ и *охрана либеральныхъ доктринъ*».

О всѣхъ принятыхъ ассоціаціею рѣшеніяхъ доведено было до свѣдѣнія властей. Генеральный прокуроръ пытался-было призвать адвокатовъ къ законному порядку. Дважды онъ дѣлалъ имъ представленія, но каждый разъ эти представленія отвергались дисциплинарнымъ совѣтомъ, поддерживаемымъ адвокатурою всей страны.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ держался этотъ оппозиціонный, внѣзаконный режимъ, поддерживаемый столько же стойкостью адвокатовъ, сколько и характеромъ защищаемыхъ ими принциповъ, находившихъ себѣ откликъ въ политическихъ движеніяхъ эпохи.

Въ 1836 году послѣдовало соглашеніе между правительствомъ и «свободною ассоціаціею». Леопольдъ I, считавшій за честь быть «первымъ гражданиномъ свободной страны», указомъ отъ 5 августа 1836 года объявилъ, что онъ призналъ за благо «внести въ декретъ 1810 года измѣненія, требуемыя духомъ національныхъ учрежденій и достоинствомъ адвокатской профессіи». Измѣненія эти сводились къ санкціи всѣхъ принятыхъ «свободною ассоціаціею» рѣшеній. Въ частности подверглись измѣненію слѣдующія постановленія декрета 1810 года. По декрету дисциплинарный совѣтъ избирался генеральнымъ прокуроромъ изъ числа кандидатовъ, намѣченныхъ общимъ собраніемъ адвокатовъ; имъ же назначался предсѣдатель изъ числа членовъ совѣта (§§ 19 и 21); по закону 1836 года (§ 4) какъ предсѣдатель, такъ и члены совѣта избираются непосредственно общимъ собраніемъ. По декрету общія собранія могли быть созываемы только для выбора кандидатовъ въ члены совѣта; предсѣдателю совѣта (онъ же предсѣдатель общаго собранія) строго запрещалось, «подъ угрозою наказанія какъ за устройство

недозволенныхъ сходокъ», допускать въ собраніяхъ пренія по другимъ предметамъ (§ 33); общее собраніе могло быть созываемо не иначе, какъ съ съ разрѣшенія генеральнаго прокурора (§ 21). Закономъ 1836 года всѣ указанныя предписанія декрета отмѣнены; статья 2 закона гласитъ, что «сословіе созывается предсѣдателемъ совѣта», при чемъ никакихъ ограниченій ни относительно предмета вѣдѣнія общихъ собраній, ни относительно контроля прокуратуры въ этомъ отношеніи не установлено. По декрету вопросъ о пріемѣ адвоката въ сословіе не былъ вовсе предоставленъ совѣту, исполнявшему исключительно функціи дисциплинарнаго суда; по закону 1836 г. «списокъ адвокатовъ (tableau) составляется дисциплинарнымъ совѣтомъ». Приговоры дисциплинарнаго совѣта объ исключеніи адвоката изъ списка пріобрѣтали, согласно декрету, законную силу не иначе, какъ по утвержденіи ихъ въ ревизіонномъ порядкѣ первымъ президентомъ и генеральнымъ прокуроромъ палаты (§ 29); всѣ приговоры совѣта о запрещеніи адвокату практики и объ исключеніи изъ списка доводились въ возможно краткій срокъ до свѣдѣнія министра юстиціи (§ 30); наконецъ министру юстиціи предоставлено было право — въ случаѣ оскорбленія адвокатомъ на словахъ или на бумагѣ принциповъ монархіи, существующихъ законовъ и правящихъ властей—своею властью и безапелляціонно примѣнять къ адвокату одно изъ установ-

ленныхъ закономъ наказаній вплоть до исключенія изъ списка (§ 40). По закону 1836 года дисциплинарная власть въ полномъ объемѣ переходитъ къ совѣту; обвиняемому предоставляется на общемъ основаніи право апелляціи въ судъ второй степени (§ 8); рѣшенія объ исключеніи или запрещеніи практики представляются генеральному прокурору только для «обезпеченія ихъ исполненія» (§ 9).

Наблюденіе за правильною организаціею защиты бѣдныхъ на судѣ было ввѣрено, согласно декрету, генеральному прокурору, который не только обязанъ былъ строго слѣдить за исполненіемъ со стороны совѣта возложенной на него закономъ обязанности по распредѣленію даровыхъ защитъ и консультацій, но въ правѣ былъ самолично назначать для этого адвокатовъ по своему усмотрѣнію (§ 24). По закону 1836 г. (§ 11) назначеніе адвокатовъ для указанныхъ цѣлей предоставлено исключительно совѣту. Наконецъ, декретъ 1810 г. ограничивалъ права адвокатовъ на веденіе дѣлъ предѣлами опредѣленнаго судебнаго округа; только съ особаго разрѣшенія министра юстиціи эти предѣлы могли быть для каждаго отдѣльнаго случая раздвинуты (§ 10). Законъ 1836 года уничтожалъ это ограниченіе, предоставляя адвокатамъ, приписаннымъ къ округу одной палаты, право свободнаго веденія дѣлъ въ округахъ всѣхъ остальныхъ палатъ (§ 12).

Отъ декрета 1810 г. остались послѣ этого однѣ лишь несущественныя части: центръ тяжести перешелъ въ «измѣненія» 1836 года. Эти измѣненія составляютъ и понынѣ основной законъ адвокатской организаціи, дѣйствуя на-ряду съ сохранившимися и совершенно безвредными частями декрета 1810 года.

Такъ совершилось первое крупное завоеваніе въ области адвокатской автономіи: его вынесли на своихъ плечахъ сами адвокаты. Въ самомъ разгарѣ борьбы возникъ второй поводъ къ столкновенію съ правительствомъ, но значительно меньшей важности. 4 августа 1832 года изданъ былъ основной законъ о судоустройствѣ; подъ вліяніемъ французскаго образца учреждено было сословіе адвокатовъ при кассаціонномъ судѣ, какъ особый классъ «правительственныхъ чиновниковъ». Въ октябрѣ того же года юный дисциплинарный совѣтъ при брюссельской палатѣ издалъ по этому поводу слѣдующую прокламацію: «члены ассоціаціи обязуются впредь не признавать адвокатами тѣхъ, кто приметъ на себя функціи кассаціонныхъ адвокатовъ, отказываться отъ консультаціи съ ними, отъ сообщенія имъ дѣловыхъ бумагъ и вообще отъ всякихъ дѣловыхъ съ ними сношеній въ качествѣ адвокатовъ». Борьба завязалась долгая и трудная. Кассаціонный судъ поддерживалъ своихъ адвокатовъ. 15 іюня 1833 года онъ подтвердилъ законность ихъ существованія. Въ от-

вѣтъ на это совѣтъ 21 іюня единогласно рѣшилъ отказаться отъ веденія дѣлъ въ кассаціонномъ судѣ. Въ теченіе слишкомъ 10 лѣтъ затѣмъ шла глухая борьба между двумя враждующими корпораціями. Только въ 1843 году достигнуто было примиреніе: титулъ кассаціоннаго адвоката сталъ присвоиваться самымъ заслуженнымъ изъ числа адвокатовъ при низшихъ судахъ; адвокаты при палатахъ пріобрѣли право вести въ кассаціонномъ судѣ уголовныя дѣла безъ ограниченій, а гражданскія дѣла въ сопутствіи кассаціоннаго адвоката; кассаціонные адвокаты стали вести дѣла во всѣхъ судахъ. Между обѣими адвокатурами установилось самое близкое товарищеское общеніе. Такимъ образомъ, хотя раздѣленіе на двѣ корпораціи осталось,—осталось въ высшей корпораціи и совмѣщеніе функцій avocat и avoué, однако кассаціонные адвокаты вошли въ составъ общей адвокатской семьи, и обособленія ихъ въ особую касту не послѣдовало.

Отношенія магистратуры къ вновь организованной корпораціи сохраняли долгое тремя отпечатокъ стараго режима: адвокатурѣ приходилось не разъ путемъ протестовъ и стачекъ добиваться возстановленія своей корпоративной чести. Въ 1847 году Люттихскій апелляціонный судъ упомянулъ въ одномъ изъ своихъ рѣшеній, что требованіе чрезмѣрнаго вознагражденія составляетъ обычай адвокатуры. Совѣтъ усмотрѣлъ въ этихъ сло-

вахъ оскорбленіе, нанесенное всему сословію, и обратился съ протестомъ къ министру юстиціи, къ первому президенту и къ генеральному прокурору палаты, требуя, чтобы палатѣ поставлена была на видъ неправильность ея поступка. До разрѣшенія этого протеста адвокаты отказались выступать въ палатѣ. Протестъ былъ уваженъ.

Въ 1852 году имѣло мѣсто столкновеніе между Брюссельской корпораціей и мѣстнымъ судомъ. Предсѣдатель суда допустилъ въ рѣчи своей выраженія, которыя были признаны оскорбительными для сословія; адвокаты протестовали и объявили стачку; она длилась довольно долго и прекратилась лишь послѣ того, какъ адвокатурѣ дано было публичное удовлетвореніе.

Со временемъ между магистратурою и адвокатурою отношеніе взаимнаго уваженія установилось прочно, и жалобъ ни съ той, ни съ другой стороны не возникало.

Окрѣпши снаружи, молодая ассоціація направила всѣ свои силы на внутреннюю работу. Въ 1840 году, по иниціативѣ нѣсколькихъ молодыхъ адвокатовъ, положено было начало первой добровольной, внѣ закона стоящей организаціи. Организація эта, именуемая то «Конференціею молодой адвокатуры» (Conférence du Jeune Barreau), то просто «Молодой адвокатурою» (Jeune Barreau), сыграла весьма видную роль въ дальнѣйшемъ развитіи бельгійской адвокатуры и существуетъ донынѣ.

Главною и въ началѣ единственною цѣлью этой организаціи было профессіональное обученіе. Кружокъ молодыхъ людей (преимущественно стажьеровъ) собирался для обсужденія юридическихъ вопросовъ, вызываемыхъ случаями изъ практики: такова была первичная форма занятій «Молодой адвокатуры».

Въ теченіе трехъ лѣтъ занятія эти значительно разрослись; въ 1842 году кружокъ представлялъ уже внушительное учрежденіе и сталъ оффиціально подъ покровительствомъ совѣта.

Съ годами къ первоначальнымъ задачамъ присоединились новыя. «Молодая адвокатура» стала играть все болѣе замѣтную роль во всѣхъ вопросахъ внутренней жизни сословія. Отъ нея исходили предположенія о всѣхъ реформахъ, въ ея средѣ зарождались другія, аналогичныя съ ней учрежденія. Къ числу ея участниковъ принадлежатъ теперь почти всѣ адвокаты округа, какъ стажьеры, такъ и давно оставившіе за собою періодъ стажа.

Косвенно «Молодая адвокатура» явилась и виновницею созыва нынѣшняго международнаго конгресса.

Въ существенныхъ чертахъ нынѣшняя организація «Молодой адвокатуры» представляется въ слѣдующемъ видѣ. Задачу ея, по словамъ 1 § ея устава, составляетъ «изученіе, примѣненіе и охрана всего того, что̀ составляетъ профессію адвоката». Для достиженія этой общей и нѣсколько туманной

цѣли уставъ намѣчаетъ цѣлый рядъ средствъ, изъ которыхъ главныя направлены на профессіональное обученіе. Вотъ списокъ этихъ средствъ:

1) Судебныя засѣданія, изученіе ораторскаго искусства и упражненіе въ немъ.

2) Парламентскія засѣданія.

3) Конференціи (conférences) и чтенія.

4) Организація систематическаго курса преподаванія профессіональныхъ правилъ.

5) Даровая защита неимущихъ во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ защита эта не организована закономъ.

6) Печатные труды по вопросамъ, относящимся къ профессіи.

7) Образованіе библіотеки сочиненій, относящихся къ адвокатской профессіи и къ ораторскому искусству.

8) Образованіе въ Брюсселѣ спеціальныхъ конференцій, независимо отъ общей.

9) Сношенія съ конференціями и съ молодыми адвокатами въ Бельгіи и за границей.

10) Обсужденіе и вотированіе вопросовъ и мѣръ, относящихся къ цѣлямъ организаціи и къ адвокатурѣ вообще.

11) Изданіе бюллетеня трудовъ и документовъ, собираніе документовъ и фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ предмету дѣятельности.

Изъ числа указанныхъ задачъ основною является та, о которой говорится въ первомъ пунктѣ

программы, т.-е. искусственныя судебныя засѣданія. Они введены были, какъ типъ профессіональной адвокатской школы, еще въ 1848 году. Введеніемъ ихъ устранялся изъ занятій теоретическій ихъ характеръ; стажьеры, вмѣсто работъ надъ абстрактными научными построеніями въ видѣ рефератовъ на тему,—переходили въ область примѣненія права къ факту и оказывались лицомъ къ лицу съ необходимостью защищать живые интересы передъ живыми людьми въ живой, не книжной рѣчи. Пятидесятилѣтніе результаты этого — нѣсколько страннаго на первый взглядъ – опыта, убѣдили въ полной его пригодности; они сказались между прочимъ со всею наглядностью на конгрессѣ, возбуждая изумленіе всѣхъ иностранцевъ. Докладчиками по всѣмъ вопросамъ, предложеннымъ на обсужденіе конгресса, выступили молодые люди — ихъ было шесть — всѣ только-что прошедшіе школу конференціи «Молодой адвокатуры». Имъ приходилось во вступительныхъ рѣчахъ по каждому вопросу защищать выставленныя положенія; они же принимали дѣятельное участіе въ преніяхъ. И въ составѣ всѣхъ присутствовавшихъ на конгрессѣ опытныхъ мужей изъ адвокатовъ всѣхъ странъ не было ни одного, кто не поражался бы этимъ блестящимъ состязаніемъ молодыхъ ораторскихъ дарованій. Попадавшаяся кое гдѣ вычурная фраза, преувеличенная акцентировка исчезали на общемъ фонѣ дѣловитости и простоты.

Въ рѣчахъ замѣтно сказывалась прекрасная школа опыта: умѣніе группировать факты, живость изложенія даже въ области абстрактныхъ вопросовъ, чувство мѣры въ нападеніи и защитѣ и — главное — полнѣйшая свобода рѣчи передъ лицомъ необычной и, казалось бы, внушающей особую робость аудиторіи. Этотъ опытъ и данъ искусственными засѣданіями конференціи.

Во внутреннемъ своемъ устройствѣ эти засѣданія во всемъ напоминаютъ собою настоящія судебныя засѣданія: есть стороны, есть процессъ, есть судьи и прокуроры, произносятся рѣчи по всѣмъ правиламъ судопроизводства. Разница лишь въ томъ, что по окончаніи преній и до постановленія рѣшенія дозволяется всѣмъ присутствующимъ высказывать свои сужденія о предлежащемъ спорѣ. Затѣмъ коллегія изъ трехъ судей, особо избираемая для каждаго засѣданія, произноситъ рѣшеніе и въ установленный срокъ излагаетъ его на письмѣ въ мотивированномъ видѣ. Рѣшенія эти печатаются въ издаваемомъ «Молодою адвокатурою» журналѣ.

Вся эта машина приводится въ движеніе самими молодыми участниками; надзоръ и управленіе ввѣрено не оффиціальнымъ блюстителямъ, а выбранной изъ лона самой организаціи административной коммиссіи съ президентомъ и директоромъ во главѣ. На должности президента и директора избираются обыкновенно болѣе заслуженные передъ корпораціею старшіе члены «Молодой адвокатуры».

Кромѣ судебныхъ есть такъ называемыя парламентскія засѣданія. Они призваны были играть такую же роль въ дѣлѣ воспитанія парламентскихъ ораторовъ, какую судебныя засѣданія играютъ въ воспитаніи судебныхъ ораторовъ. Но организація ихъ представила повидимому большія затрудненія, и они мало привились, хотя введены еще въ 1870 году. Административная коммиссія считается исполнившею свой долгъ, если въ теченіе года устроила одно парламентское засѣданіе, между тѣмъ какъ судебныя засѣданія происходятъ еженедѣльно. Внутренній распорядокъ занятій въ парламентскихъ засѣданіяхъ составляетъ точную копію съ порядковъ, существующихъ въ бельгійскихъ представительныхъ учрежденіяхъ. Труды парламентскихъ засѣданій (проекты законовъ и пренія по нимъ) печатаются, также какъ и труды судебныхъ засѣданій, въ журналѣ «Молодой адвокатуры». Президентъ и директоръ конференціи разсказывали намъ, что взгляды молодой конференціи на вопросы права и политики цитируются иногда въ высшихъ правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ.

Наименьшее значеніе въ ряду воспитательныхъ мѣръ уставъ и участники «Молодой адвокатуры» придаютъ тому, что̀ у насъ принято считать главнымъ занятіемъ въ конференціяхъ: чтенію рефератовъ, conférences въ строгомъ смыслѣ слова. Такія conférences отъ времени до времени устраиваются — для чтеній приглашаются часто члены

другихъ адвокатскихъ корпорацій, даже иноземные гости,—но на нихъ смотрятъ какъ на поучительное развлеченіе, не болѣе.

«Молодая адвокатура» заботится и о насажденіи среди стажьеровъ правильныхъ взглядовъ на задачи ихъ профессіи. Для этой цѣли устраиваются ежегодно курсы профессіональныхъ правилъ; Брюссельскій совѣтъ призналъ нынѣ эти курсы обязательными для стажьеровъ. Лекціи читаются однимъ изъ старшихъ адвокатовъ и издаются затѣмъ въ видѣ конспекта; печатный конспектъ за 1895—1896 годъ, по курсу адвоката Dejongh, былъ розданъ членамъ конгресса. Въ виду своеобразія предмета мы позволимъ себѣ на немъ нѣсколько остановиться. Курсъ раздѣленъ на 8 главъ, бо̀льшая часть которыхъ не относится собственно къ адвокатской этикѣ; въ нихъ излагается исторія сословія, его организація, компетенція совѣта и предсѣдателя, организація стажа и проч. Собственно вопросамъ адвокатской этики посвящены лишь двѣ главы; первая даетъ общія опредѣленія призванія адвоката, общественнаго его положенія и т. наз. большихъ профессіональныхъ добродѣтелей (grandes vertus professionnelles). Призваніемъ адвоката является защита нарушеннаго права и содѣйствіе прогрессу правовыхъ нормъ путемъ устной защиты, разработки состязательныхъ бумагъ и литературныхъ трудовъ. Большія профессіональныя добродѣтели суть: трудъ, независимость

(какъ по отношенію къ властямъ, такъ и по отношенію къ кліентамъ), безкорыстіе (призывъ къ взиманію умѣренныхъ гонораровъ и къ участію въ защитѣ бѣдныхъ), сдержанность, добросовѣстность. Вторая глава (7-я по конспекту) трактуетъ объ отношеніяхъ къ магистратурѣ, къ товарищамъ и кліентамъ [1]). Въ формѣ конспекта всѣ эти правила представляютъ мало интереса: они черезчуръ общи, самоочевидны и мало разнятся отъ обычныхъ нравственныхъ прописей. Но при живомъ изложеніи, выполняясь конкретнымъ содержаніемъ, курсъ, говорятъ, заинтересовываетъ слушателей и выгодно отражается на дисциплинарной статистикѣ.

Поощреніе литературнаго труда стажьеровъ достигается путемъ изданія постояннаго журнала, въ которомъ печатаются ихъ труды. Журналъ этотъ основанъ въ 1873 г. подъ названіемъ «Bulletin des Conférences du Jeune Barreau» и выходитъ теперь каждые два мѣсяца (подъ измѣненнымъ названіемъ — «Palais»). Въ немъ помѣщаются, кромѣ административнаго отдѣла и кромѣ трудовъ конференціи, самостоятельныя работы адвокатовъ по вопросамъ права; въ нумерѣ, который передъ нами, помѣщена большая статья о сравнительномъ соціальномъ законодательствѣ. Имѣется въ журналѣ и болѣе легкій отдѣлъ для мелкихъ разсказовъ, шутокъ и каррикатуръ изъ судебнаго міра.

---

[1]) Entretiens sur les règles professionnelles, par Ch. Dejongh. Bruxelles. 1896.

По примѣру судебныхъ учрежденій Бельгіи, занятія конференціи ежегодно открываются особеннымъ торжественнымъ засѣданіемъ, на которомъ присутствуютъ въ качествѣ гостей выдающіеся представители политическаго и судебнаго мира. Въ этомъ засѣданіи одинъ изъ членовъ конференціи, спеціально для того избранный общимъ собраніемъ, произноситъ discours de rentrée; bâtonnier сословія обращается съ напутственною рѣчью къ молодымъ стажьерамъ, а предсѣдательствующій въ торжественномъ засѣданіи, президентъ конференціи закрываетъ его рѣчью о дѣятельности конференціи. Передъ нами списокъ вступительныхъ рѣчей (discours de rentrée) почти за 50 лѣтъ (съ 1850 года); темы ихъ весьма разнообразны: вопросы чисто-профессіональные чередуются съ вопросами права. Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ: объ адвокатской присягѣ, объ исправленіи судебной ошибки, о роли адвоката въ политическихъ процессахъ, объ иниціативѣ въ вопросахъ законодательства, объ общественной роли адвоката, о трудѣ въ адвокатской профессіи, о литературной и артистической собственности, о стажѣ, объ ограниченіи рабочаго дня, о законной долѣ и свободѣ завѣщанія, о борьбѣ съ преступленіемъ, о роли адвокатовъ во время революціи 1830 г. и др.

Вступительныя рѣчи вмѣстѣ съ рѣчами bâtonnier и президента конференціи печатаются каждый годъ отдѣльными брошюрами. Авторы бельгій-

скаго отчета удостовѣряютъ, что торжественныя засѣданія конференціи ежегодно вызываютъ появленіе солиднаго юридическаго труда [1]). Обстановка, въ которой происходятъ торжественныя засѣданія—замѣчаетъ тотъ же отчетъ—свидѣтельствуетъ о томъ выдающемся положеніи, которое заняла «Молодая адвокатура» въ судебной жизни.

Въ связи съ воспитательными цѣлями «Молодой адвокатуры» стоитъ и организація защиты бѣдныхъ на судѣ; организацію эту «Молодая адвокатура» могла взять на себя лишь на половину: въ остальномъ она регламентирована закономъ. Еще декретъ 1810 года вмѣнилъ совѣтамъ въ обязанность учредить безплатныя бюро консультаціи для бѣдныхъ; законъ 1836 года расширилъ власть совѣтовъ въ наблюденіи за ихъ дѣятельностью, и Брюссельскій совѣтъ широко воспользовался этимъ правомъ, преимущественно въ интересахъ молодыхъ стажьеровъ. Объ этой сторонѣ дѣятельности брюссельской адвокатуры, не имѣющей прямого отношенія къ организаціи «Jeune Barreau», мы поговоримъ впослѣдствіи. Неорганизованною по закону осталась защита бѣдныхъ по уголовнымъ дѣламъ, и эту-то задачу взяла на себя «Молодая адвокатура». На спеціальныхъ делегатовъ возложена обязанность вести списки дѣлъ со всѣми не-

---

[1]) Réponses au Questionnaire. Belgique, p. 24.

обходимыми по каждому дѣлу свѣдѣніями, распредѣлять эти дѣла между лицами, изъявившими на то желаніе, и наблюдать за исполненіемъ назначенными защитниками возложенной на нихъ обязанности. Впервые этотъ порядокъ былъ установленъ въ 1870 году. Двадцатилѣтній опытъ убѣдилъ въ его практичности, такъ что при пересмотрѣ въ 1889 году правилъ о защитѣ бѣдныхъ не найдено было нужнымъ внести въ него какія-либо измѣненія.

Внѣ связи съ воспитательными цѣлями стоитъ то, что названо въ уставѣ «Молодой адвокатуры» «обсужденіемъ и вотированіемъ вопросовъ и мѣръ, относящихся къ цѣлямъ организаціи и къ адвокатурѣ вообще».

На почвѣ этого правила выросли многочисленныя учрежденія, быстро пріобрѣтавшія самостоятельное существованіе; съ нимъ связаны и предположенія о реформахъ, о которыхъ будетъ у насъ рѣчь впереди и которыя, хотя развились и нашли осуществленіе внѣ молодой организаціи, зародились однако или непосредственно въ ея средѣ или подъ преимущественнымъ ея вліяніемъ.

Главною гордостью своею «Молодая адвокатура» считаетъ группу учрежденій, направленныхъ къ защитѣ униженныхъ и оскорбленныхъ. Духовнымъ отцомъ ихъ является маститый адвокатъ и министръ Le Jeune, старецъ съ юною душою, мечтательно влюбленный въ свое дѣтище и при-

влекающій сердца молодежи непосредственнымъ обаяніемъ и глубокою вѣрою въ общеспасительность проповѣдуемой идеи. Будучи министромъ юстиціи, онъ всю свою дѣятельность посвятилъ распространенію въ странѣ очаговъ патроната надъ малолѣтними преступниками, надъ нищими, бродягами, надъ невинно-осужденными и преступниками, отбывшими наказаніе; онъ проповѣдывалъ и проповѣдуетъ эту идею на пенитенціарныхъ конгрессахъ; онъ посвятилъ ей свои литературные труды.

Строго говоря, между этими учрежденіями, въ основѣ которыхъ лежитъ забота о предотвращеніи преступленія средствами не правовыми, а педагогическими и филантропическими,—съ одной стороны,—и между адвокатскою дѣятельностью, построенною всецѣло на защитѣ правъ личности правовыми путями, съ другой—нѣтъ никакой внутренней связи; но Леженъ ихъ обобщаетъ въ одной общей, нѣсколько туманной и искусственной формулѣ «rendre la justice», и когда слушаешь обаятельную рѣчь этого высокаго, голубоглазаго старца,—забываешь объ искусственности формулы и охотно идешь за нимъ. О патронатскихъ учрежденіяхъ Леженъ говорилъ и на конгрессѣ. Онъ вспомнилъ между прочимъ о томъ времени, когда строился нынѣшній брюссельскій «Дворецъ правосудія», одно изъ величайшихъ сооруженій XIX вѣка. Самая большая зала его, отдѣланная въ мрачномъ стилѣ, говорилъ онъ, съ темными стѣнами, простыми чер-

ными столами и сидѣніями, была назначена для тѣхъ, кто занималъ наибольше мѣста въ хроникѣ уголовной юстиціи,—для преступниковъ, судимыхъ общими судами; судамъ исправительнымъ отведено было очень мало мѣста; идея архитектора соотвѣтствовала тогда дѣйствительному отношенію предметовъ. Но со временемъ отношеніе измѣнилось, и идея архитектора устарѣла. Патронатскія учрежденія сократили контингентъ общихъ преступниковъ; исправительные суды заняли первенствующее мѣсто, и «Дворецъ правосудія» слѣдовало бы уже перестроить, хотя онъ существуетъ всего 15 лѣтъ.

Между патронатскими учрежденіями, возникшими въ средѣ «Молодой адвокатуры», первое мѣсто принадлежитъ «Комитету защиты дѣтей». Первоначально онъ входилъ въ составъ организаціи «Молодой адвокатуры»,—теперь онъ отъ нея отдѣленъ, хотя всѣ безъ исключенія члены его—адвокаты и участники «Молодой адвокатуры». Задача комитета—опека, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, надъ дѣтьми моложе 16 лѣтъ, появляющимся предъ Брюссельскимъ исправительнымъ судомъ. Опека эта длится до 21 года; воспитанникъ ввѣряется обыкновенно ближайшему надзору одного изъ членовъ; комитетъ озабочивается образованіемъ, содержаніемъ воспитанника и—что̀ главное—подготовкой его къ трудовой жизни. За послѣдніе 4 года въ вѣдѣніи комитета состояло 457 дѣтей.

Комитетъ занимается кромѣ того обсужденіемъ всякихъ практическихъ вопросовъ изъ области дѣтской криминалистики и находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ другими учрежденіями по патронату надъ дѣтьми въ Брюсселѣ, въ провинціи и даже за-границею. Примѣръ брюссельскаго комитета нашелъ, говорятъ, подражаніе въ другихъ мѣстахъ, между прочимъ въ Голландіи и Италіи.

Въ 1893 году учреждено было Общество для защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія. Оно стоитъ отдѣльно отъ комитета, но управляется также адвокатами и преимущественно членами комитета. Задача его — давать пріютъ и воспитаніе жертвамъ родительской жестокости. Общество, по словамъ мѣстныхъ дѣятелей, исполняя усердно свою непосредственную задачу, оказало вмѣстѣ съ тѣмъ значительное вліяніе и на судебную практику по вопросамъ, соприкасающимся съ кругомъ его дѣятельности.

Рядомъ съ этими учрежденіями, призванными облегчать участь малолѣтнихъ, дѣйствуютъ учрежденія, ставящія себѣ задачею патронатъ надъ взрослыми.

Главное вниманіе обращено на нищихъ, бродягъ и на колоніальныхъ уроженцевъ, освобожденныхъ отъ рабства, безпомощныхъ и чуждыхъ въ окружающемъ ихъ новомъ мірѣ и пользующихся потому, наравнѣ съ бродягами, общественнымъ

покровительствомъ. Брюссельскій Комитетъ попечительства надъ нищими и бродягами состоитъ исключительно изъ молодыхъ адвокатовъ; предсѣдательствуетъ въ немъ одинъ изъ мировыхъ судей города Брюсселя.

Предметомъ заботъ со стороны «Молодой адвокатуры» являются и отбывшіе наказаніе преступники. Усилія направлены на то, чтобы отбывшій наказаніе былъ поставленъ во всѣхъ отношеніяхъ въ положеніе, устраняющее опасность рецидива.

Изъ всей перечисленной группы учрежденій наиболѣе симпатій среди молодежи привлекаетъ къ себѣ дѣятельность, направленная на защиту дѣтей. «Наша молодежь — такъ закончилъ свою рѣчь на конгрессѣ одинъ изъ докладчиковъ по вопросу объ «учрежденіяхъ» — особенно гордится этою своей миссіею. Она держится девиза: «Для молодыхъ черезъ молодыхъ (pour les jeunes par les jeunes)».

Вторая группа учрежденій, возникшихъ и поддерживаемыхъ благодаря участію «Молодой адвокатуры», имѣетъ въ виду цѣли научныя. Сюда относится прежде всего организація бельгійской группы Международнаго союза уголовнаго права. Во главѣ этой группы стоятъ три члена «Молодой адвокатуры». Заслуги Международнаго союза въ области уголовнаго права слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ слѣдовало особо распространяться. Спеціально по отношенію къ Бельгіи нельзя не упомянуть, что именно иниціативѣ союза приписы-

вается введеніе въ Бельгіи закона такой важности, какъ законъ объ условномъ осужденіи.

Трудами молодыхъ адвокатовъ создалось далѣе учрежденное въ 1894 году Общество колоніальныхъ изслѣдованій (Société d'études coloniales), занимающееся изученіемъ особенно важныхъ теперь для Бельгіи колоніальныхъ вопросовъ, устройствомъ чтеній, организаціей курсовъ, изданіемъ еженедѣльной газеты и особаго бюллетеня. Общество насчитываетъ теперь 700 членовъ; въ составѣ его имѣется особый юридическій отдѣлъ, періодически собирающійся и состоящій исключительно изъ адвокатовъ.

Наконецъ, по иниціативѣ членовъ «Молодой адвокатуры», создался Международный институтъ библіографіи (Office International de Bibliographie).

Съ профессіональной точки зрѣнія важнѣе всѣхъ перечисленныхъ учрежденій—патронатскихъ и ученыхъ—и обильнѣе послѣдствіями спеціально для корпоративной жизни является то, что сдѣлано «Молодою адвокатурою» въ области организаціи самой адвокатуры.

Эта сторона дѣятельности «Jeune Barreau» признается всѣми за наибольшую его заслугу: благодаря ей создано единеніе между адвокатурою всей страны и сдѣлана теперь первая попытка создать единеніе между адвокатами разныхъ странъ.

Въ 1886 году административная коммиссія, а затѣмъ и общее собраніе «Молодой адвокатуры»

приняли слѣдующую резолюцію: «Молодая адвокатура» выражаетъ пожеланіе, чтобы адвокаты всей страны объединились въ одной федераціи». Для осуществленія этой цѣли созванъ былъ въ іюлѣ того же года конгрессъ, на которомъ проектъ учрежденія федераціи принятъ былъ единогласно. Съ этого момента существуетъ, особо отъ «Молодой адвокатуры», новое учрежденіе: «Федерація бельгійскихъ адвокатовъ», заслонившее собою всѣ остальныя корпоративныя учрежденія. Согласно первоначальнымъ предположеніямъ иниціаторовъ, въ задачи федераціи должно было входить какъ обсужденіе вопросовъ адвокатской жизни (отношенія къ магистратурѣ, вопросъ о совмѣстимости, о выработкѣ основаній гонорара, о пенсіонной кассѣ), такъ и воздѣйствіе на законодательную власть въ области судебной—путемъ обсужденія и вотированія законодательныхъ проектовъ. Эта послѣдняя часть задачи не включена почему-то въ уставъ, который говоритъ лишь (§ 2) объ «охраненіи всѣхъ интересовъ сословія и развитіи товарищескихъ отношеній между всѣми адвокатами страны». На дѣлѣ однако осуществляется то, что было намѣчено первоначальными иниціаторами; обсужденіе проектовъ о необходимыхъ законодательныхъ реформахъ въ сферѣ юридической вообще, а не спеціально адвокатской, занимаетъ даже преобладающее мѣсто въ занятіяхъ федераціи. Въ теченіе 10-лѣтняго существованія федераціи подверглись въ общихъ со-

браніяхъ ея обсужденію 32 вопроса, большая часть которыхъ прямаго отношенія къ адвокатурѣ не имѣетъ. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ: о реформѣ коммерческихъ судовъ (федерація высказалась за упраздненіе особой коммерческой юрисдикціи), объ единоличномъ судьѣ, о тайнѣ въ частной корреспонденціи (тайна ввѣренной почтѣ корреспонденціи признана безусловною; въ интересахъ слѣдственной власти исключеніе не допускается), о свидѣтельскихъ показаніяхъ дѣтей, о защитѣ бѣдныхъ, о вознагражденіи жертвъ предварительнаго заключенія, о реформѣ юридическаго образованія, о популяризаціи права, о судебной реформѣ, объ измѣненіяхъ въ способѣ избранія присяжныхъ засѣдателей и мн. др. Изъ вопросовъ профессіональной жизни были между прочимъ разсмотрѣны: вопросъ объ «avocatsu avoués» (avoués превращаются въ ходатаевъ при судахъ первой инстанціи тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ судебныхъ палатъ), о гонорарномъ искѣ, о дисциплинарной отвѣтственности адвоката за дѣйствія, рѣчи и политическія брошюры, совершенныя, произнесенныя и писанныя имъ внѣ сферы его адвокатской дѣятельности, и мн. др.

Нѣкоторыя изъ принятыхъ федераціею рѣшеній получали затѣмъ законодательную санкцію.

Главное управленіе федераціею ввѣрено совѣту изъ представителей всѣхъ судебныхъ округовъ Бельгіи; текущими дѣлами занимается бюро. Во

главѣ федераціи стоитъ президентъ; нынѣ, кромѣ дѣйствительнаго президента, числятся еще два почетныхъ президента: министры-адвокаты Le Jeune и Guillery. Собранія федераціи происходятъ не менѣе одного раза въ годъ поперемѣнно въ разныхъ городахъ Бельгіи; въ 1894 году федерація праздновала завершеніе перваго круга своихъ поѣздокъ по странѣ. Въ томъ же 1894 году, по иниціативѣ федераціи, учреждена одна общая касса взаимопомощи, которая распространяетъ свое дѣйствіе даже на адвокатовъ, не принадлежащихъ къ федераціи.

Федерація очень скоро стала естественною представительницею интересовъ адвокатуры; отдѣльные дисциплинарные совѣты отошли на второй планъ. Въ первомъ же году пришлось ей выступить съ протестомъ въ защиту корпоративной чести. Одинъ изъ министровъ въ рѣчи, произнесенной въ парламентѣ, упомянулъ, что въ большихъ городахъ существуютъ, съ вѣдома администраціи, адвокатскія агентства, которыя розыскиваютъ жертвъ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ и втягиваютъ ихъ въ процессы съ казною. Совѣтъ федераціи въ экстренномъ собраніи постановилъ обратиться къ министру съ требованіемъ указать безъ замедленія и поименно, о какихъ агентствахъ онъ говорилъ. «Вы не можете не знать, г. министръ,—такъ заканчивалось обращеніе совѣта—что адвокатура оказываетъ правосудію постоянныя

и весьма значительныя услуги. Посему все, что касается адвокатуры, составляетъ вопросъ общественный, и ни одинъ министръ короля не въ правѣ медлить въ оказаніи адвокатурѣ помощи въ искорененіи злоупотребленія, если оно, вопреки ея желаніямъ и традиціямъ чести и добропорядочности, проникло въ ея ряды».

Впрочемъ къ этой роли внѣшняго представительства федераціи, насколько намъ извѣстно, приходилось прибѣгать не часто. Всѣ ея усилія были направлены на внутреннюю работу: она пыталась приводить въ связь традиціонныя правила профессіональной жизни съ современными требованіями и оказывать содѣйствіе законодательной власти страны въ вопросахъ, касающихся правового строя. По объему своихъ задачъ, по количеству участниковъ и по силѣ вліянія федерація занимаетъ теперь безспорно первое мѣсто среди адвокатскихъ учрежденій, возникшихъ по свободной иниціативѣ и не регламентированныхъ закономъ.

Въ началѣ девятидесятыхъ годовъ изъ среды брюссельской адвокатуры выдѣлилась группа, которая, не удовлетворяясь современною организаціею адвокатуры, какъ отстающей уже значительно отъ новыхъ потребностей жизни, поставила себѣ задачей агитацію въ пользу законодательныхъ реформъ. По почину этой группы, соприкасавшейся, повидимому, весьма близко съ «Молодой адвокатурою», брюссельскій дисциплинарный совѣтъ 16 октября

1893 года постановилъ обратиться съ запросомъ по этому предмету ко всѣмъ членамъ сословія и особо къ «Молодой адвокатурѣ». Наиболѣе живой откликъ этотъ призывъ встрѣтилъ, какъ и можно было ожидать, именно въ рядахъ «Молодой адвокатуры», трудами которой всецѣло и двигалась дальнѣйшая работа. 27 октября, въ общемъ собраніи «Молодой адвокатуры», постановлено было устроить enquête по вопросамъ адвокатской реформы, и въ теченіе трехъ недѣль этотъ трудъ былъ оконченъ; въ шести слѣдовавшихъ затѣмъ быстро другъ за другомъ общихъ собраніяхъ выработанъ былъ и представленъ совѣту подробный проектъ реформъ, охватывающій всю область адвокатской дѣятельности. Избранная дисциплинарнымъ совѣтомъ Коммиссія о реформахъ выдѣлила изъ числа возбужденныхъ «Молодою адвокатурою» вопросовъ два особенно важныхъ — о реформѣ университетскаго преподаванія и о стажѣ—и устроила относительно нихъ спеціальную, почти всенародную enquête. Опрошены были всѣ представители высшей магистратуры, университеты и адвокаты. Остальныя предложенія «Молодой адвокатуры» сдѣлались, безъ дальнѣйшихъ вопросовъ, предметомъ обсужденія въ коммиссіи, которой лишь изрѣдка приходилось сопоставлять ихъ съ разрозненными предложеніями, внесенными въ совѣтъ отдѣльными членами сословія. Рѣшенія коммиссіи предложены были затѣмъ на обсужденіе двухъ общихъ собраній

брюссельскихъ адвокатовъ (въ апрѣлѣ и маѣ 1894 г.), и одобренный общими собраніями проектъ новаго закона представленъ былъ на утвержденіе правительства. До сихъ поръ утвержденіе это не послѣдовало.

Сужденія коммиссіи и рѣшенія общаго собранія представляютъ значительный общій интересъ и заслуживаютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Не имѣя возможности исчерпать весь матеріалъ, мы остановимся на нѣкоторыхъ частяхъ его, небезъинтересныхъ и съ точки зрѣнія нашего судебнаго строя.

Исходнымъ пунктомъ всѣхъ сужденій объ организаціи адвокатуры служитъ вопросъ о томъ: быть ли адвокатурѣ сословіемъ, или предоставить всякому гражданину свободу «быть лавочникомъ и въ свободныя минуты защищать судебныя дѣла?» Абсолютная свобода адвокатуры имѣла нѣкогда защитниковъ и въ Бельгіи. Къ числу ихъ принадлежалъ и знаменитый либеральный министръ Frère-Orban, который въ 1876 году внесъ въ палату законопроектъ объ упраздненіи адвокатуры. Проектъ этотъ былъ отвергнутъ палатою; общественное мнѣніе и тогда, и впослѣдствіи весьма мало сочувствовало идеѣ такого «освобожденія», справедливо усматривая въ немъ не столько расширеніе правъ для однихъ, сколько освобожденіе отъ отвѣтственности остальныхъ. Теперь проекты упразд-

ненія адвокатуры не появляются, и коммиссія реформъ, а вслѣдъ за ней общее собраніе отвергли идею о «свободной адвокатурѣ», не встрѣтивъ, повидимому, ни съ чьей стороны сколько-нибудь значительныхъ возраженій.

Рядомъ съ вопросомъ о свободѣ поставленъ былъ вопросъ объ установленіи предѣльнаго количества адвокатовъ. Внесенное въ этомъ смыслѣ предложеніе, мотивированное чрезмѣрнымъ возрастаніемъ числа адвокатовъ, было единогласно отвергнуто коммиссіею. Этотъ проектъ, по мнѣнію коммиссіи, создавая монополію въ пользу ограниченнаго числа лицъ, весьма быстро поведетъ къ разложенію всего сословія.

При обсужденіи условій поступленія въ адвокатуру выступилъ вопросъ объ открытіи доступа въ ряды адвокатуры женщинамъ.

Вопросъ вызвалъ какъ въ коммиссіи, такъ и въ общемъ собраніи значительное разногласіе. Большинство бельгійскихъ адвокатовъ отвергло право женщинъ на занятіе адвокатурою. Коммиссія реформъ высказалась за женщинъ, но общее собраніе не согласилось съ коммиссіею, и проектъ о введеніи въ новый законъ термина: «doctoresses en droit» рядомъ съ «docteurs en droit» былъ отклоненъ.

Замѣчательнѣе всего то, что, несмотря на совершившуюся, казалось бы, въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ перемѣну и въ условіяхъ жизни, и въ воззрѣніяхъ на отношеніе половъ, арсеналъ сред-

ствъ, которыми отражается вторженіе женщинъ въ ряды адвокатуры, остается все тотъ же. «Женщины не могутъ заниматься адвокатурою»—гласило еще постановленіе преторскаго эдикта — «такъ какъ имъ не слѣдуетъ браться за мужскія дѣла». «Оставьте мужчинамъ мужскія дѣла, управленіе націей и общественную жизнь, для которой вы не созданы, оставайтесь женщинами»—таковы мотивы теперешнихъ противниковъ женской адвокатуры. «Женщина—прибавляютъ они—по природѣ своей не уготовлена для исполненія этой роли. Гнѣвъ и воодушевленіе оратора дурно отражаются на отправленіи правосудія, запальчивость и экзальтація чувствъ, преданность личности кліента, котораго женщина не съумѣетъ отдѣлять отъ самого процесса, затемнятъ то, что̀ нужно выяснить». Много короче и остроумнѣе все это было выражено уже въ старинномъ указѣ Альфонса Мудраго, запрещавшемъ женщинамъ заниматься адвокатурою, «такъ какъ съ того момента, какъ онѣ теряютъ робость, ихъ очень трудно слушать и съ ними невозможно разсуждать».

Въ 1889 году докторъ правъ г-жа Popelin, предводительница всего «феминистскаго» движенія въ Бельгіи, возбудила оффиціально ходатайство о допущеніи ея въ брюссельскую адвокатуру. Ходатайство это поддерживалъ одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе почтенныхъ брюссельскихъ адвокатовъ, министръ Guillery. Апелляціонный и касаціонный

суды отвергли просьбу Popelin, при чемъ первый въ своемъ рѣшеніи сослался на «слабость пола» и на спеціальную миссію женщинъ у семейнаго очага, а кассаціонный судъ ограничился указаніемъ на то, что «при древнемъ режимѣ, согласно съ римскимъ правомъ, адвокатская профессія разсматривалась какъ мужское занятіе, непримиримое съ поведеніемъ, требуемымъ отъ женщины господствующими обычаями».

Слѣдуетъ замѣтить, однако, что хотя въ адвокатурѣ численный перевѣсъ оказался такимъ образомъ на сторонѣ партіи анти-феминистской, лучшіе ея представители высказались за женщинъ, и, можно думать, что въ Бельгіи вопросъ въ концѣ концовъ будетъ разрѣшенъ въ благопріятномъ для женщинъ смыслѣ.

Характерны для бельгійской адвокатуры измѣненія, вносимыя проектомъ въ формулу адвокатской присяги. По декрету 1810 года адвокатъ присягалъ на вѣрность императору и императорскимъ конституціямъ, обязывался не нарушать уваженія къ общественной власти и суду, «не защищать и не давать совѣтовъ по дѣламъ, *которыхъ онъ не считаетъ справедливыми по совѣсти* (en âme et conscience)». Коммиссія реформъ и общее собраніе высказались противъ обряда присяги въ такомъ видѣ и съ своей стороны предложили слѣдующую формулу: «Клянусь, что буду соблюдать конституцію и законы бельгійскаго на-

рода; клянусь, *что буду добросовѣстно отправлять обязанности моей профессіи»* [1]). Первая половина новой формулы очищаетъ присягу отъ временныхъ политическихъ примѣсей; вторая, особенно важная, разсѣкаетъ гордіевъ узелъ проблемы о такъ называемомъ «адвокатскомъ убѣжденіи».

«Не защищать и не давать совѣтовъ по дѣламъ, которыхъ не признаю справедливыми по совѣсти»—эта клятва повторялась десятки лѣтъ и на слѣдующій же день по произнесеніи по необходимости нарушалась, вызывая справедливое смущеніе въ душѣ всякаго, кто глубже вникалъ въ истинное назначеніе адвокатуры. Не безъ основанія писалъ еще Огаревъ въ своемъ памфлетѣ противъ адвокатуры [2]): «Адвокатъ присягаетъ, что не станетъ защищать ни одного дѣла, «котораго бы по совѣсти не считалъ справедливымъ». А если за какое дѣло, хотя бы по его несправедливости, ни одинъ адвокатъ не возьмется, то совѣтъ адвокатовъ назначитъ адвоката ex officio, который слѣдственно станетъ дѣйствовать противъ присяги; какъ примирить это противорѣчіе, за то мы не беремся».

Противорѣчіе это волновало болѣе пытливые умы въ средѣ молодой бельгійской адвокатуры. Нынѣшніе реформаторы, предлагая измѣненную формулу присяги, кратко мотивируютъ свое пред-

---

[1]) Réponses au Questionnaire. Belgique, p. 37.

[2]) По поводу проекта положенія о присяжныхъ повѣренныхъ. За пять лѣтъ. 1855—1860 г. Т. II, стр. 242.

ложеніе тѣмъ, что эта новая формула «болѣе проста и глубока и *болѣе соотвѣтствуетъ всѣмъ безъ исключенія актамъ профессіональной жизни»* [1]). Но эта скромная и мало понятная мотивировка пополняется ссылкою на рядъ трудовъ о присягѣ, въ которыхъ мотивы развертываются съ большею ясностью и полнотою. Къ числу ихъ принадлежатъ и очень популярные въ Бельгіи «Парадоксы объ адвокатѣ» Э. Пикара. Обязанъ ли адвокатъ принимать дѣла по убѣжденію? Въ правѣ ли общество требовать отъ него клятвы, что онъ будетъ защищать то, что считаетъ правымъ? Такова проблема, и вотъ какъ разрѣшаетъ ее Пикаръ.

«Утверждаютъ, что адвокатъ долженъ защищать только дѣла, которыя онъ признаетъ по совѣсти справедливыми. Это ложная и жалкая максима, ведущая къ произволу и отчаянію. Правосудіе призвано открывать и утверждать истину; но предоставленные самимъ себѣ, самые талантливые судьи не въ состояніи исполнить эту задачу. Чтобы овладѣть многочисленными и весьма сложными элементами, позволяющими подойти возможно ближе къ рѣшенію, необходимо, чтобы дѣло подверглось передъ глазами судей глубокому анализу, чтобы оно было взрыто со всѣхъ сторонъ, чтобы подъ сильнымъ давленіемъ рельефно выступило все то, что въ немъ содержится, всѣ «pro и contra»,—

[1]) Réformes professionnelles, p. 44.

чтобы его разбирали, встряхивали и выворачивали на всѣ стороны—словомъ, чтобы его защищали.... Передъ глазами судьи совершается процессъ очищенія, сопоставленія и выдѣленія, послѣ котораго на полѣ брани остаются лишь крупинки чистаго золота, — изъ нихъ судья и скуетъ свое рѣшеніе..... Есть дѣла, несправедливость которыхъ выступаетъ съ полною очевидностью; этихъ дѣлъ никто не защищаетъ въ честной адвокатской корпораціи. Въ теченіе двадцати лѣтъ, выступая въ качествѣ адвоката, я такихъ не видѣлъ. Дѣла, которыя доходятъ до суда, таковы, что законность и возможность нападенія и защиты не возбуждаетъ ни съ чьей стороны сомнѣнія, и участіе въ нихъ той и другой стороны оказывается полезнымъ для правосудія..... Вамъ ясна, слѣдовательно, настоящая миссія адвоката. Онъ не въ правѣ становиться à priori судьею процесса, какъ гласитъ педантичная формула, не въ правѣ безразсудно претендовать на то, что онъ одинъ въ состояніи сразу разрѣшить то, что̀ является лишь кропотливымъ результатомъ той алхиміи, которую я только-что изобразилъ..... Вернитесь теперь къ формулѣ вашей присяги и спросите себя, чего она стоитъ, когда она говоритъ, что адвокатъ въ правѣ вести только дѣла, которыя онъ считаетъ по совѣсти справедливыми, т.-е. такія, которыя внушаютъ ему убѣжденіе безусловное, свободное отъ всякаго колебанія, не смущаемое никакою заднею мыслью,

крѣпкое какъ сталь, чистое какъ дѣвственный снѣгъ.

«Единственный вопросъ, который дѣйствительно должна себѣ ставить наша совѣсть, есть вопросъ о томъ: можетъ ли дѣло быть защищаемо (plaidable). Только въ этихъ предѣлахъ адвокатъ является первымъ судьею дѣла..... Человѣческая природа, ограниченная и слабая даже въ самыхъ высшихъ своихъ проявленіяхъ, неспособна одна постичь истину. Мы видимъ истину лишь съ одной стороны и дѣйствуемъ такъ, какъ будто-бы только эта одна сторона и существовала. Одинъ ее разсматриваетъ спереди, другой сбоку, и только благодаря тому, что каждый выставляетъ свою точку зрѣнія, судья воспринимаетъ явленіе во всей его совокупности. Только изъ связи двухъ проникающихъ и очищающихъ другъ друга защитъ рождается во всей силѣ и величіи приговоръ суда».

Эти разсужденія носились въ воздухѣ, когда рѣшено было вычеркнуть изъ присяги фразу о защитѣ дѣлъ, «признаваемыхъ справедливыми по совѣсти», и замѣнить ее обѣщаніемъ «честно заниматься профессіею».

Чрезвычайно важный для правильной организаціи адвокатуры вопросъ о дѣленіи ея на двѣ степени (avocats и avoués) также подвергся обсужденію со стороны коммиссіи.

Бельгійскіе avoués въ современномъ ихъ видѣ представляютъ совершенно не то, что avoués во

Франціи, и не то, что предполагали учредить у насъ недавно нѣкоторые члены коммиссіи по пересмотру уставовъ, отстаивавшіе введеніе двустепенной адвокатуры [1]).

Во Франціи avoué руководитъ процессомъ, составляетъ всѣ состязательныя бумаги и вступаетъ въ непосредственныя сношенія съ кліентомъ; адвокатъ принимаетъ на себя только словесную защиту на судѣ. Наши приверженцы расчлененія адвокатуры стараются избѣгнуть несомнѣнныхъ недостатковъ этой системы, предоставляя присяжнымъ повѣреннымъ и руководство процессомъ, и составленіе состязательныхъ бумагъ, и непосредственныя сношенія съ кліентомъ,—и отводя адвокатамъ второй степени особыя категоріи дѣлъ: безспорныя дѣла, охранительныя, конкурсныя, дѣла мировой юстиціи, дѣла по исполненію рѣшеній и т. п. Нынѣшніе бельгійскіе avoués не подходятъ ни подъ одинъ изъ этихъ типовъ. Остатокъ французскаго вліянія, они, только съ внѣшней стороны сохранили подобіе прерогативъ французскихъ avoués; на дѣлѣ же адвокатъ лично сносится съ кліентами и самъ ведетъ весь процессъ во всѣхъ его стадіяхъ, оставляя на долю avoué исполненіе мелкихъ порученій, полученіе копій, собираніе справокъ, выслушиваніе рѣшеній и т. п. Несмотря на всю ничтожность этихъ функцій, законъ требуетъ

[1]) Ср. Жур. Мин. Юст. 1897. Сентябрь. Приложеніе. — Ср. также ст. Спасовича въ Жур. Мин. Юст. 1895 г.

обязательнаго участія avoué во всякомъ гражданскомъ процессѣ, а участіе это вызываетъ значительное увеличеніе расходовъ по дѣлу. При такихъ условіяхъ вполнѣ понятна тенденція къ совершенному упраздненію сословія avoués въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ теперь—какъ рѣшила коммиссія реформъ, — или къ возсозданію его въ видѣ особой группы, имѣющей право вести дѣла лишь въ низшихъ инстанціяхъ и тамъ, гдѣ число адвокатовъ незначительно: такъ рѣшила вопросъ, какъ мы видѣли выше, федерація бельгійскихъ адвокатовъ. Послѣдній проектъ въ существенныхъ чертахъ своихъ совпадаетъ съ проектомъ, внесеннымъ въ нашу коммиссію В. Д. Спасовичемъ.

Предположенія коммиссіи коснулись и вопроса о регулированіи гонорарныхъ отношеній. Принято за основаніе, что адвокатъ въ правѣ назначать размѣръ гонорара кліенту непосредственно, безъ всякаго участія avoué. Онъ лишенъ однако права заключать впередъ договоръ о гонорарѣ, а могущія возникнуть между кліентомъ и адвокатомъ пререканія о справедливости предъявляемаго адвокатомъ требованія предоставляется разрѣшать совѣту, конечно въ томъ только случаѣ, когда кліентъ на это согласенъ. Допускается и искъ о гонорарѣ, но для предъявленія его требуется разрѣшеніе предсѣдателя совѣта (§§ 14 и 25). Этими мѣрами устраняется опасность отъ чрезмѣрной требовательности адвокатовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣняется принципъ

мнимой безмездности адвокатуры, соблюденіе котораго привело на практикѣ къ эксплоатаціи адвокатовъ, особенно молодыхъ, со стороны безцеремонныхъ кліентовъ. Послѣднее обстоятельство особенно подчеркиваетъ въ своемъ предложеніи, внесенномъ въ коммиссію, Эдм. Пикаръ. «Кліенты все болѣе и болѣе привыкаютъ не платить гонораровъ. Молодые адвокаты чаще старыхъ падаютъ жертвою этого пріема. Надо постановить за правило, что адвокаты могутъ и должны получать вознагражденіе; нужно, чтобы это правило стало всеобщею нормою. Бѣдные или находящіеся въ затруднительномъ положеніи кліенты, конечно, не должны отъ этого пострадать: адвокатъ останется судьею тѣхъ случаевъ, когда ему изъ принципа гуманности придется отказаться отъ вознагражденія. Но нельзя допускать, чтобы кліентъ, который въ состояніи платить, освобождалъ себя отъ законной платы за трудъ, пользуясь отвращеніемъ адвокатуры къ гонорарному иску [1]).

Достойны вниманія въ предположеніяхъ коммиссіи и реформы въ самомъ порядкѣ производства совѣтомъ дисциплинарныхъ дѣлъ. Взамѣнъ нынѣшней апелляціонной инстанціи (судъ второй степени), устанавливается особый апелляціонный совѣтъ. Коммиссія предполагала учредить одинъ апелляціонный совѣтъ на всю Бельгію и

[1]) Réformes professionnelles, p. 13.

составить его изъ предсѣдателей всѣхъ совѣтовъ страны, но общее собраніе отвергло эту мысль и установило въ каждомъ округѣ особый апелляціонный совѣтъ, избираемый изъ числа бывшихъ предсѣдателей и бывшихъ членовъ совѣта. Разсмотрѣнію апелляціоннаго совѣта подлежатъ дѣла какъ по жалобамъ адвокатовъ, такъ и по протестамъ прокурора апелляціоннаго суда.

По дѣламъ, производящимся въ совѣтахъ (обѣихъ инстанцій), обвиняемый адвокатъ пользуется правомъ имѣть защитника. Свидѣтели допрашиваются подъ присягою. Засѣданія совѣтовъ происходятъ при закрытыхъ дверяхъ. «Молодая адвокатура» предлагала измѣнить этотъ порядокъ для засѣданій совѣта, въ которыхъ разбираются административные вопросы. Предложеніе это было однако отклонено коммиссіею, которая признала, что не стоитъ въ этомъ вопросѣ порывать съ традиціею, и что проектъ идетъ на встрѣчу желаніямъ «Молодой адвокатуры», вводя обязательное оглашеніе самыхъ рѣшеній совѣта. По поводу этого оглашенія необходимо замѣтить, что усвоенный нашими совѣтами порядокъ печатанія ежегодныхъ отчетовъ о распорядительной и дисциплинарной ихъ дѣятельности совершенно чуждъ западно-европейской адвокатурѣ. Самые радикальные бельгійскіе реформаторы были поражены этою широкою гласностью у насъ и выражали намѣреніе воспользоваться нашими указаніями, удивляясь,

почему въ отвѣтѣ С.-Петербургскаго совѣта на вопросный листъ ничего о столь важной сторонѣ его дѣятельности не упомянуто. Удовлетворяя стремленію къ гласности, коммиссія реформъ и общее собраніе не дошли до печатанія отчетовъ во всеобщее свѣдѣніе, а остановились на мѣрѣ, сравнительно несовершенной и состоящей въ томъ, что рѣшенія по дисциплинарнымъ дѣламъ, по которымъ состоялся приговоръ объ исключеніи изъ сословія или о временномъ воспрещеніи практики, вносятся въ особый списокъ, и списокъ этотъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ остается открытымъ для всѣхъ членовъ сословія. Такимъ образомъ, общественный контроль въ болѣе широкомъ смыслѣ еще пока отсутствуетъ.

Особенное вниманіе удѣлено было реформаторскимъ движеніемъ вопросамъ о стажѣ и о реформѣ университетскаго преподаванія.

Въ предложенный правительству проектъ основного закона адвокатской организаціи рѣшено было не включать подробныхъ предписаній о стажѣ и выговорить въ пользу совѣта лишь право разработать эти правила и представить ихъ на утвержденіе правительства. Этимъ путемъ совѣтъ пріобрѣлъ возможность современемъ измѣнить установленную систему отбыванія стажа, не прибѣгая къ измѣненіямъ въ основномъ законѣ. Такъ какъ относительно достоинствъ конкретныхъ формъ стажа существуютъ еще до сихъ поръ большія колеба-

нія, то такая мѣра представляется несомнѣнно весьма цѣлесообразною.

Предложенный правительству законопроектъ до сихъ поръ не утвержденъ, и потому коммиссія реформъ сочла невозможнымъ создавать дальнѣйшіе проекты о стажѣ. Тѣмъ не менѣе, когда общее собраніе, по обсужденіи доклада о реформѣ университетскаго преподаванія, признало необходимымъ произвести новую enquête и назначило для разсмотрѣнія этого вопроса спеціальную коммиссію въ составѣ 10 членовъ, то въ программу enquête и въ задачи новой коммиссіи включена была и разработка вопроса о стажѣ. Такимъ образомъ, хотя законодательнаго проекта выработано не было, имѣется въ отвѣтахъ на enquête и въ заключеніи новой коммиссіи достаточный матеріалъ для сужденія о господствующихъ въ вопросѣ о стажѣ тенденціяхъ.

Необходимо тутъ же замѣтить, что рѣчь идетъ о стажѣ обязательномъ, а не о добровольномъ. Добровольный стажъ, организованный «Молодой адвокатурою», всегда пользовался успѣхомъ, чего нельзя сказать о стажѣ оффиціальномъ. Оффиціальный стажъ былъ созданъ еще декретомъ 1810 года, и предписанія декрета формально не отмѣнены донынѣ. На стажьеровъ возложена была обязанность посѣщать судебныя засѣданія и присутствовать въ засѣданіяхъ «Бюро безплатной консультаціи». Предписаніе о посѣще-

ніи судебныхъ засѣданій всегда оставалось мертвою буквою, въ виду совершенной невозможности придумать какую-либо систему контроля въ этомъ отношеніи. Вся забота, слѣдовательно, должна была направиться на организацію того, что̀ декретъ 1810 г. именуетъ «присутствованіемъ въ засѣданіяхъ Бюро безплатной консультаціи». Сочетаніе обязательныхъ занятій и даже единственнаго обязательнаго занятія стажьеровъ съ защитою бѣдныхъ было несомнѣнной ошибкою, печальныя послѣдствія которой даютъ о себѣ знать и донынѣ. Усилить участіе стажьеровъ въ веденіи дѣлъ по праву бѣдности — значитъ подвергать бо́льшему риску интересы бѣдныхъ, уменьшать это участіе— значитъ отказаться совершенно отъ профессіональнаго обученія. Изъ этого заколдованнаго круга сословіе, скованное закономъ, не могло выйти, и если бы не подмога со стороны «Молодой адвокатуры», ни о какомъ сколько-нибудь цѣлесообразно устроенномъ стажѣ не могло бы быть и рѣчи.

До изданія въ 1836 году закона, расширяющаго компетенцію совѣтовъ въ организаціи защиты бѣдныхъ, стажьеры ограничивались однимъ «присутствованіемъ», по точному смыслу декрета 1810 г., на засѣданіяхъ бюро. Съ 1836 года совѣты, пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ, дѣлаютъ попытки примирить интересы стажьеровъ съ интересами бѣдныхъ. Стажьерамъ поручается веденіе дѣлъ по праву бѣдности, но подъ наблюденіемъ

старшихъ членовъ сословія. Созданная въ этихъ видахъ организація, съ незначительными измѣненіями, просуществовала до нашихъ дней. Всѣ стажьеры раздѣляются на 4 секціи; во главѣ каждой стоитъ бюро, состоящее изъ предсѣдателя и двухъ ассистентовъ; предсѣдатель избирается изъ членовъ совѣта, ассистенты—изъ числа старшихъ адвокатовъ. Бюро выслушиваетъ являющихся кліентовъ и назначаетъ для веденія дѣла одного изъ принадлежащихъ къ секціи стажьеровъ. Назначенный адвокатъ сносится непосредственно съ кліентомъ и въ ближайшемъ засѣданіи секціи (каждая секція засѣдаетъ не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ) представляетъ докладъ о дѣлѣ вмѣстѣ со своимъ заключеніемъ. Вопросъ о принятіи дѣла разрѣшается бюро, одинъ изъ членовъ котораго и имѣетъ затѣмъ наблюденіе за всѣми дѣйствіями стажьера. Впрочемъ отъ этой обязанности блюститель освобождается въ томъ случаѣ, когда у стажьера имѣется патронъ, и этотъ послѣдній согласенъ принять на себя наблюденіе за порученнымъ стажьеру дѣломъ.

Эта организація стажа вызываетъ справедливыя нареканія. Съ одной стороны, раздаются голоса за устраненіе опасныхъ «экспериментовъ in anima vili бѣдныхъ кліентовъ»; протестующіе признаютъ явленіемъ весьма прискорбнымъ, что филантропическое учрежденіе защиты бѣдныхъ превращено въ упражненіе юныхъ, неопытныхъ пи-

томцевъ сословія. Съ другой стороны, жалуются на то, что и самое наблюденіе за стажьерами организовано неправильно, и что вслѣдствіе этого пропадаетъ значительная часть пользы отъ занятій для самихъ стажьеровъ. Этимъ указаніямъ идетъ на-встрѣчу новый проектъ. Онъ не изъемлетъ дѣлъ бѣдныхъ изъ вѣдѣнія стажьеровъ, но значительно усиливаетъ вмѣшательство руководителей въ дѣла, имъ ввѣренныя. Число руководителей для этого увеличивается; устанавливаются особыя наблюдательныя бюро, обязанныя просматривать производства стажьеровъ и руководить каждымъ ихъ шагомъ въ процессѣ. Отъ времени до времени стажьеръ обязанъ дѣлать сообщенія въ засѣданіяхъ секціи о ходѣ дѣла и представлять оправданія замѣченныхъ руководителемъ замедленій или упущеній. Для веденія болѣе сложныхъ дѣлъ назначается, въ помощь стажьеру, болѣе опытный старый адвокатъ.

Посѣщеніемъ судебныхъ засѣданій и защитою бѣдныхъ исчерпываются, какъ уже сказано, всѣ предписанія закона объ отбываніи стажа. Недостаточность этихъ мѣръ давно признавалась совѣтомъ. Основываясь на своемъ корпоративномъ авторитетѣ, а въ послѣдніе годы даже на спеціально изданномъ законѣ, совѣтъ пытался-было ввести общеобязательныя конференціи для стажьеровъ. Признавая, что конференціи «Молодой адвокатуры» оказываютъ несомнѣнныя услуги молодежи, но что, не будучи обязательными, онѣ не могутъ быть

признаны всеобщею подготовительною школою, совѣтъ задумалъ учредить особыя, совѣтскія конференціи и занятіе въ нихъ въ теченіе извѣстнаго времени поставить условіемъ занесенія въ адвокатскій списокъ (tableau). Для этой цѣли исходатайствованъ былъ даже особый королевскій указъ (16 марта 1887 г.), ибо въ рамки декрета 1810 такая власть совѣта не укладывалась; на основаніи королевскаго указа составленъ былъ затѣмъ регламентъ совѣтской конференціи.

Однако и королевскій указъ, и регламентъ остались мертвою буквою. Принципъ обязательности не привился. Въ то время какъ добровольная конференція «Молодой адвокатуры» ширилась и росла, обязательная конференція отцвѣла, не расцвѣвъ. Въ 1890 году совѣтъ самъ констатировалъ, что опытъ оказался неудачнымъ и что «дѣйствующая организація не соотвѣтствуетъ намѣченной цѣли». Причина этого быстраго упадка новой конференціи кроется отчасти въ томъ, что она усвоила исключительно теоретическій характеръ: разбирались вопросы права, оторванные отъ факта; вопросы эти намѣчались секретарями, а не самими участниками; секретари намѣчали и участниковъ въ преніяхъ (plaideurs), на которыхъ возлагалась обязанность защищать навязанные имъ тезисы. Случалось часто, что при обычномъ послѣ преній голосованіи референтъ подавалъ голосъ за мнѣніе, которое только-что самъ оспаривалъ. Эта искус-

ственность рѣчей и безжизненность темъ значительно подорвала авторитетъ конференціи. Еще болѣе, пожалуй, содѣйствовало ея паденію необычайное отвращеніе къ началу обязательности: его невозможно было внѣдрить въ нравы молодежи. Не слѣдуетъ забывать, что въ Бельгіи адвокаты не отдѣляются отъ стажьеровъ такою рѣзкою гранью, какъ у насъ. Присяга принимается до занесенія въ списки стажьеровъ; стажьеръ именуется «адвокатомъ», наравнѣ со старшими товарищами; онъ ведетъ дѣла на одинаковыхъ съ ними правахъ. Съ такими традиціями трудно мирится представленіе о «правѣ» старшаго контролировать младшаго confrère'а—а на успѣхъ мѣръ, сильныхъ только своею внѣшнею обязательностью, разсчитывать невозможно. Кто знаетъ, не ждетъ ли и всѣ предлагаемыя теперь совѣтомъ и коммиссіею обязательныя мѣры та же участь, которая постигла обязательныя конференціи? Въ вопросѣ о конференціяхъ мѣры эти впрочемъ совершенно ничтожны: коммиссія какъ бы сознаетъ всю безнадежность положенія. Она настаиваетъ на необходимости обязательныхъ конференцій, но не указываетъ вовсе пути къ ихъ осуществленію. Требуя, чтобы «усердіе въ занятіяхъ конференцій служило мѣриломъ при пріемѣ въ адвокатуру» [1]), она въ сущности повторяетъ лишь то, что̀ уже предписывалось тщетно указомъ 1877 года.

[1]) L'enseignement du droit et le stage, p. 123.

Проектъ коммиссіи заимствуетъ далѣе отъ «Молодой адвокатуры» и мысль о передачѣ молодымъ стажьерамъ защиты бѣдныхъ по дѣламъ уголовнымъ; защита эта, какъ мы уже указывали, не входила до сихъ поръ въ кругъ обязанностей, возложенныхъ на адвокатовъ по закону.

Наконецъ рекомендуются два не испытанныхъ еще средства, изъ которыхъ одно въ особенности стало предметомъ весьма оживленнаго обмѣна мыслей. Мы говоримъ о введеніи личнаго патроната и объ установленіи экзамена въ концѣ стажа. Личный патронатъ извѣстенъ былъ до сихъ поръ въ Бельгіи,—такъ же, какъ и во Франціи,—лишь какъ установленіе обычая, а не какъ общеобязательная норма. Молодой стажьеръ можетъ поступить въ помощники къ старшему адвокату на такихъ же основаніяхъ, какъ старшій адвокатъ поступаетъ въ сотрудники къ своему товарищу-ровеснику.

Въ этомъ видѣ личный патронатъ, хотя и составляетъ весьма одностороннюю школу для начинающаго адвоката, имѣетъ однако за себя экономическія соображенія: молодой, чаще всего нуждающійся, стажьеръ, пристраивается сразу къ платному занятію и при посредствѣ патрона постепенно заводитъ дѣловыя связи, облегчающія ему переходъ къ самостоятельной дѣятельности.

Но дѣлать это учрежденіе обязательнымъ могутъ только тѣ, которые не испытывали этой обязательности на дѣлѣ. Значительное большинство адво-

катовъ не годятся ни въ учителя, ни въ работодатели; обязательный патронатъ превратится при такихъ условіяхъ въ фикцію, тягостную для мнимыхъ патроновъ и мнимыхъ помощниковъ и отвлекающую вниманіе отъ болѣе дѣйствительныхъ способовъ профессіональнаго обученія—даже тамъ, гдѣ введеніе ихъ не встрѣчало бы такихъ специфическихъ препятствій, какъ отвращеніе къ обязательности, столь замѣтно выступающее въ Бельгіи.

Наибольшіе споры вызывалъ вопросъ объ установленіи практическаго экзамена по окончаніи стажа, т.-е. той самой мѣры, которую предполагаетъ ввести и у насъ проектъ реформы адвокатуры. Споръ шелъ и о томъ, когда быть экзамену (до или послѣ принесенія присяги), и о томъ, какъ экзаменовать и кому экзаменовать; главное вниманіе, однако, сосредоточивалъ на себѣ основной вопросъ: экзаменовать ли вообще? Тутъ-то всего рѣзче сказалась непривычка признавать начинающихъ адвокатовъ подчиненными контролю старшихъ.

«Я рѣшительный противникъ нагроможденія экзаменовъ, говоритъ авторъ одного изъ отвѣтовъ. Разъ допущенный въ сословіе, адвокатъ имѣетъ экзаменаторами своихъ кліентовъ. Этого достаточно». «Равенство между адвокатами—говоритъ другой—заставляетъ насъ отвергнуть мысль объ установленіи экзамена передъ занесеніемъ въ списокъ. Можно предъявлять къ кандидату нравственныя

требованія, но старшимъ не принадлежитъ право судить о способностяхъ ихъ младшихъ коллегъ». Изъ столкновенія двухъ враждующихъ мнѣній родилось третье. Предложено установить факультативный экзаменъ, не вмѣняемый никому въ обязанность, но дающій право на нѣкоторое отличіе,—нѣчто въ родѣ почетной адвокатской степени. «Дипломъ, выданный молодому адвокату его товарищами,—говорили защитники этой системы [1]),—станетъ привилегіею; адвокатъ, подвергшійся экзамену, пріобрѣтетъ скорѣе извѣстность въ обществѣ; онъ будетъ имѣть преимущество и при поступленіи на государственную службу». На этомъ посредствующемъ рѣшеніи коммисія и остановилась.

Такова схема предположенной реформы обязательнаго профессіональнаго обученія.

Вопросъ о реформѣ преподаванія выходитъ собственно за предѣлы задачъ, ближайшимъ образомъ интересующихъ адвокатуру, тѣмъ болѣе, что предположенія бельгійскихъ адвокатовъ обнимаютъ не только реформу высшаго юридическаго образованія, но и приготовительной къ нему стадіи—средняго образованія.

Мы отмѣтимъ потому только вкратцѣ нѣкоторыя стороны вопроса, характеризующія самую широту размаха реформаторовъ.

---

[1]) L'enseignement du droit et le stage, p. 291 et 203.

По согласному признанію всѣхъ опрошенныхъ— профессоровъ, сановниковъ и адвокатовъ, — состояніе университетскаго преподаванія не соотвѣтствуетъ предъявляемымъ къ нему требованіямъ. Оно страдаетъ и отсутствіемъ научности, и отсутствіемъ практичности. Но мнѣнія расходятся по вопросу о томъ, какая сторона должна быть выдвинута на первый планъ. Одни настаивали на сохраненіи чисто-научнаго характера университетскаго преподаванія. Другіе, наоборотъ, требовали введенія въ преподаваніе практическаго элемента, исходя изъ довольно туманныхъ соображеній о пагубности отдѣленія теоріи отъ практики вообще,— слѣдовательно, и въ университетѣ. Предлагаютъ поэтому ввести въ университетскій курсъ изготовленіе дѣловыхъ бумагъ, защитительныхъ и обвинительныхъ рѣчей и проч., совершенно забывая при этомъ, что университетъ призванъ готовить не однихъ адвокатовъ. Въ стремленіяхъ къ практичности эта партія заходитъ такъ далеко, что рекомендуетъ, въ числѣ занятій для студентовъ, «посѣщеніе фабрикъ и промышленныхъ заведеній» для нагляднаго изученія промышленнаго права. Раздвоеніе сказалось также по вопросамъ о расширеніи курса общественныхъ наукъ и объ упраздненіи курса Пандектъ, въ качествѣ обязательнаго. Они находили, что «соціологія и ея развѣтвленія», такъ же какъ и вспомогательныя къ ней науки, не составляютъ права: и предметъ ихъ, и методъ

совершенно различны [1]). Другіе—партія «Новаго университета», та самая, которая настаивала на введеніи въ курсъ практическаго элемента,—требовала преподаванія основъ политической экономіи и соціологіи уже въ приготовительномъ курсѣ и кромѣ того предлагала ввести въ программу спеціальный курсъ, озаглавленный: «Исторія нѣкоторыхъ крупныхъ институтовъ, особенно тѣхъ, которые возбуждаютъ всеобщій интересъ: брака, собственности, наслѣдства, договора найма услугъ и проч.» [2]).

Самые горячіе споры вызвалъ вопросъ о низведеніи съ высотъ курса Пандектъ. Одни указывали на ничтожную практическую пригодность римскаго права, на отсутствіе внутренней связи между нимъ и современнымъ французскимъ правомъ, зиждущимся будто бы болѣе на обычаѣ, чѣмъ на Пандектахъ; наконецъ на вредныя общественныя тенденціи римскаго права. Другіе находили, что исключеніе изъ программы курса «Пандектъ» составитъ невознаградимую потерю для науки, ибо дѣйствующій законъ корнями сидитъ въ римскомъ правѣ.

Коммисія рѣшила включить Пандекты въ программу курсовъ необязательныхъ.

Возбужденъ былъ также и вопросъ о методѣ

---

[1]) L'enseignement du droit, p. 193.
[2]) Ibidem, p. 166.

преподаванія, но замѣчаній по этому вопросу доставлено было мало. Съ большою настойчивостью рекомендуетъ лишь «Новый университетъ» нововведеніе, наивно признаваемое имъ за лѣкарство противъ всѣхъ золъ. Дѣло сводится къ замѣнѣ профессорскаго «чтенія» въ собственномъ смыслѣ слова—живою рѣчью, не по тетрадкѣ: студенты не должны записывать курса и готовятся по конспектамъ, издаваемымъ профессорами.

Все это броженіе въ вопросѣ объ университетскомъ преподаваніи стоитъ въ связи съ зародившимся въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій новымъ общественно-политическимъ движеніемъ, которое оказало весьма значительное вліяніе на адвокатуру.

Къ изображенію этого движенія мы и переходимъ.

III.

Съ тѣхъ поръ какъ бельгійская адвокатура рѣшила бороться за сохраненіе «либеральныхъ» доктринъ, прошло слишкомъ 60 лѣтъ. Въ эти 60 лѣтъ многое кругомъ измѣнилось. Либеральныя доктрины значительно потеряли въ своемъ обаяніи; тамъ, гдѣ ихъ не вытѣснило опредѣленно-враждебное направленіе, онѣ преобразились въ нѣчто, къ чему только съ большими оговорками можетъ быть примѣнено наименованіе либерализма. Этой участи не избѣгли либеральныя доктрины и въ Бельгіи.

Провозглашенныя бельгійскими патріотами 1830 года, онѣ нашли въ свое время живой откликъ въ странѣ. Вліяніе двухъ большихъ культурныхъ теченій—германскаго и французскаго,—уравновѣшиваясь взаимно, охраняло молодую, вновь воскресшую страну отъ крайностей національнаго шовинизма и религіозной нетерпимости; сожительство двухъ племенъ, разныхъ по языку и происхожденію, внутри страны дѣйствовало въ томъ же направленіи. Порывъ къ свободѣ былъ истинно-національнымъ лозунгомъ: народъ воскресъ послѣ не слишкомъ продолжительнаго сна, воспоминанія о быломъ величіи не успѣли еще уйти въ мраморныя развалины, они сохранялись въ живомъ еще творчествѣ народнаго генія; освобожденныя силы искали возможно широкаго простора для дѣятельности. Къ такому настроенію какъ нельзя лучше шла—въ политической жизни—готовая формула политической вѣры, не такъ давно провозглашенная во Франціи; въ экономической жизни—принципъ свободнаго соперничества и охватившее всю Европу напряженіе силъ въ сторону промышленнаго прогресса. Вся энергія націи и направилась въ эту сторону. Политическая свобода съ одной стороны, и поразительный для маленькаго, вновь созданнаго государства промышленный расцвѣтъ съ другой—явились результатами этого единодушнаго порыва.

Но въ лагерѣ самихъ носителей идей 1830 года

современемъ проявился расколъ: болѣе живая часть, внимательнѣе прислушивавшаяся къ нарождающимся новымъ вѣяніямъ, требовала приспособленія либеральныхъ принциповъ къ новымъ условіямъ жизни; другая, доктринерская, отказывалась и отказывается приносить классическіе принципы въ жертву компромиссу. А новыя вѣянія надвигались все сильнѣе. Пропаганда соціализма дѣлала быстрыя завоеванія. Онъ выступалъ особенно рѣшительно противъ промышленнаго либерализма, вытолкалъ его изъ позиціи, занялъ нѣсколько десятковъ мѣстъ въ парламентѣ (изъ общаго числа 132) и повергъ застигнутыхъ врасплохъ либераловъ въ такой ужасъ, что многіе изъ разбитой арміи ринулись въ ряды своихъ недавнихъ противниковъ-клерикаловъ, казавшихся наиболѣе надежнымъ оплотомъ противъ наистрашнѣйшаго изъ призраковъ — призрака экспропріаціи. Побѣдителями оказались клерикалы-консерваторы. Но поле за ними, надо полагать, останется не долго. Главари разбитыхъ радикаловъ—Feron и Janson—направляютъ усилія къ сплоченію всѣхъ трехъ оппозиціонныхъ партій: доктринерской, радикальной и соціалистической. Удастся ли эта комбинація или нѣтъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ какой-нибудь формѣ протестъ противъ этого случайнаго вторженія клерикализма въ жизнь активно проявится. Несомнѣнно также, что видная роль въ этомъ поворотѣ будетъ принадлежать соціализму, который является без-

спорно главнымъ бродиломъ современнаго общественнаго движенія въ Бельгіи.

Бельгійская адвокатура не оставалась безучастною зрительницею совершавшихся вокругъ нея переворотовъ. Она всегда принимала дѣятельное участіе въ общественной жизни и притомъ въ самыхъ разнородныхъ сферахъ ея. То, что̀ несправедливо приписывается обыкновенно адвокатурѣ во Франціи, съ полнымъ правомъ можетъ быть отнесено къ бельгійской адвокатурѣ. Ряды магистратуры заполняются не по имени только старыми адвокатами; всѣ выдающіеся политическіе дѣятели—адвокаты, и притомъ адвокаты, не покидающіе тоги. Открывая въ 1883 г. нынѣшнее зданіе Дворца юстиціи, король Леопольдъ указывалъ, что всѣ его министры изъ адвокатовъ. Когда отправленіе государственныхъ обязанностей оставляетъ имъ досугъ, они посвящаютъ его занятію адвокатурою. Бывшіе министры юстиціи, Le Jeune и Guillery (нынѣ «государственные министры»—ministres d'État—призываемые къ исполненію обязанностей въ особо-важныхъ случаяхъ), ходятъ по дѣламъ наравнѣ съ прочими адвокатами. Въ рядахъ дѣйствующей арміи адвокатуры насчитывается много депутатовъ и сенаторовъ. Предводители радикальной партіи, Feron и Janson—адвокаты; предводители соціалистической партіи Picard и Van der Velde—тоже адвокаты.

Не менѣе замѣтно участіе адвокатовъ въ умствен-

ной жизни страны. Ихъ усиліями вызваны къ жизни и поддерживаются *девятнадцать* повременныхъ изданій [1]), относящихся къ области юриспруденціи,—литература насчитываетъ около 30 спеціальныхъ трудовъ и брошюръ по вопросамъ адвокатуры, принадлежащихъ перу бельгійскихъ адвокатовъ. Передъ нами случайно взятый каталогъ брюссельскаго юридическаго магазина, и въ немъ изъ 127 авторовъ большая половина (67) — адвокаты. Каталогъ сословной библіотеки брюссельскихъ адвокатовъ представляетъ большой томъ въ 700 страницъ. Онъ обвиняетъ 4.828 названій и 14.000 томовъ. Введеніе къ изданному въ 1894 г. каталогу, принадлежащее перу министра-адвоката Guillery, указываетъ на необыкновенно быстрый ростъ этой коллекціи при сравнительно ограниченныхъ средствахъ. «Въ теченіе менѣе, чѣмъ одной адвокатской карьеры,—говоритъ онъ—мы успѣли изъ ничего дойти до 14.000 томовъ. Правда, никогда созданіе библіотеки не имѣло болѣе основаній, чѣмъ теперь. Спеціальныя законодательства, развитіе промышленности и торговли, жизнь повсюду. Повсюду вопросы, подлежащіе разрѣшенію: животрепещущіе и неотложные соціальные вопросы, изученіе которыхъ адвокатура должна углубить, чтобы сохранить въ мірѣ то высокое положеніе, которое ей вѣками завоевано».

---

[1]) Réponses. Belgique, p. 42.

Къ этому необходимо добавить, что каѳедры въ университетахъ замѣщаются адвокатами, что въ свободомыслящемъ «Новомъ университетѣ» большинство профессоровъ юридическаго факультета—адвокаты, и что въ Бельгіи не существуетъ ни одного самостоятельнаго юридическаго общества — по той, очевидно, причинѣ, что научные труды сосредоточиваются преимущественно въ адвокатурѣ, и научные вопросы обсуждаются въ корпоративныхъ ея собраніяхъ.

Вліянію этой прикосновенности адвокатуры къ наукѣ и къ общественной жизни слѣдуетъ приписать и расцвѣтъ ея корпоративныхъ учрежденій. Идея общественнаго служенія, воплощаемая въ этихъ учрежденіяхъ непрерывными усиліями нѣсколькихъ поколѣній, была лишь отраженіемъ болѣе общаго начала, воодушевлявшаго адвокатуру во всей ея дѣятельности, на всѣхъ поприщахъ общественной жизни. Окраска этой дѣятельности мѣнялась—она отражала на себѣ разницу переживаемыхъ эпохъ, — но изъ нея не исчезалъ никогда основной общественный импульсъ. Понятно, при такихъ условіяхъ, что и новая группировка политическихъ партій въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій отразилась на адвокатурѣ: представители новыхъ вѣяній появились и въ ея средѣ. И если ветераны «классическаго» направленія, двинувшаго въ свое время адвокатуру такъ сильно впередъ, еще живы и пожалуй численно превосходятъ даже

новыхъ, то несомнѣнно, однако, что оживленіе, внесенное въ жизнь сословія въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, является заслугою новаго направленія.

IV.

Во главѣ этого направленія стоитъ брюссельскій адвокатъ Эдмонъ Пикаръ. Его идеи — идеи всей группы; въ нихъ характерныя черты направленія выступаютъ со всею яркостью.

Пикаръ - въ одно и то же время адвокатъ и сенаторъ, публицистъ и ученый, юристъ и эстетикъ [1]). Человѣкъ онъ лѣтъ за 60, но на видъ

[1]) Трудъ, исполняемый Пикаромъ, представляетъ собою — безъ преувеличеніи—нѣчто исполинское. Соціалистскій сенаторъ и одинъ изъ главарей наиболѣе дѣятельной и подвижной политической партіи,—выдающійся адвокатъ кассаціоннаго суда,—главный редакторъ и дѣятельный сотрудникъ выходящаго въ теченіе многихъ лѣтъ монументальнаго юридическаго труда: «Pandectes belges»,—редакторъ художественной газеты (L'art moderne) и юридической газеты (Journal des Tribunaux), — онъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительный президентъ и главный двигатель федераціи бельгійскихъ адвокатовъ,—руководитель молодежи, одушевляющій все «молодое» движеніе, и авторъ многочисленныхъ брошюръ, политическихъ и юридическихъ памфлетовъ и ученыхъ сочиненій. «Pandectes belges»—это энциклопедія бельгійскаго права; она издается большими томами in-quarto, объемомъ страницъ въ 600 каждый, такихъ томовъ издано уже свыше 50. Въ нихъ помѣщено около 4000 трактатовъ, изъ которыхъ многіе появлялись затѣмъ особыми изданіями и представляютъ солидные вклады въ юридическую литературу. Самымъ крупнымъ личнымъ трудомъ Пикара является его «Общій трактатъ объ экспропріаціи для общественныхъ надобностей» въ 3 томахъ; рядомъ съ

много моложе. Съ мелкими чертами лица, съ неуклюжими, порывистыми движеніями, съ небольшими проницательными черными глазами, съ голосомъ слабымъ, нѣсколько пискливымъ,—онъ въ спокойные моменты не производитъ впечатлѣнія чего-либо значительнаго. Но эти незначительныя черты оживляются, и все лицо принимаетъ выраженіе фанатической восторженности во время рѣчи. Рѣчь эта—одно сплошное наступленіе; встаютъ величественные, но неопредѣленные въ своихъ контурахъ, лишенные пластики, образы, овладѣваютъ слушателемъ, оглушаютъ его. Они овладѣваютъ и самимъ ораторомъ: онъ становится раздражителенъ, запальчивъ, теряетъ чувство мѣры, впадаетъ въ крикливый, часто банальный тонъ.

нимъ должны быть поставлены работы его о привилегіяхъ на изобрѣтенія (Traité des brevêts d'inventions, Suppression des brevêts d'invention, Code général des brevêts d'invention — послѣднее въ сотрудничествѣ съ Эмилемъ Пикаромъ). Совмѣстно съ Larcier онъ издалъ громадный библіографическій трудъ: «Bibliographie générale et raisonnée du droit belge», содержащій указаніе на всѣ юридическія сочиненія, сборники, статьи и замѣтки, появившіеся съ 1814 по 1889 годъ; изданіе снабжено примѣчаніями и взаимными ссылками. Перу Пикара принадлежитъ далѣе цѣлый рядъ небольшихъ трактатовъ изъ области философіи права, гражданскаго и публичнаго права и спеціальные труды по вопросу объ адвокатурѣ: Traité de la profession d'avocat en Belgique и Manuel de la profession d'avocat,—изъ нихъ послѣдній (составленный въ сотрудничествѣ съ Duchaine'омъ) признается въ Бельгіи классическимъ руководствомъ. Но популярнѣе всѣхъ прочихъ трудовъ Пикара—его небольшія, очень живо изложенныя брошюры по вопросамъ общественной, и преимущественно адвокатской, жизни: Paradoxe sur l'avocat, Mon oncle le jurisconsulte и др.

Демагогъ въ истинномъ смыслѣ слова — прямая противоположность своему учителю, Le Jeune'у, этому изящному старцу съ благородною осанкою стараго вельможи, съ добродушною улыбкою миротворца, съ художественнымъ чутьемъ, которое сквозитъ въ каждомъ оборотѣ рѣчи, въ каждомъ повышеніи голоса,—Пикаръ не обладаетъ даромъ Le Jeune'а — даромъ всѣхъ великихъ художниковъ — всегда оставаться выше своего творенія, владѣть имъ такъ же, какъ и душою своихъ слушателей. Онъ — рабъ своего творенія, теряетъ слушателя почти съ первыхъ шаговъ и долженъ возвращать себѣ его вниманіе сильными, нѣсколько грубоватыми встряскими.

Раціоналистъ на сенсуалистической основѣ, Пикаръ любуется общностями и выводами изъ нихъ. Его увлекаетъ въ предметѣ художественная сторона, но образъ приковываетъ его вниманіе только величіемъ содержащейся въ немъ идеи. Изъ этихъ идей затѣмъ діалектическими путями выводится все сущее и должное. Универсализмъ эпохи какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ этой потребности его ума. Передъ нимъ носится искусственное политико-психологическое представленіе объ «âme belge»: замкнутая—какъ географическій треугольникъ, на которомъ она выросла — среди трехъ культуръ: германской, франкской и англо-саксонской, эта «бельгійская душа» представляется ему синтезомъ арійской расы, носительницей великихъ движеній

всѣхъ трехъ культуръ. Но и этотъ образъ-идея для него только предвкушеніе чего-то болѣе высокаго—реальнаго единенія *всего человѣчества*: человѣчесто едино, единъ его законъ; этотъ законъ—любовь, братство, справедливость...

Реальное содержаніе для всѣхъ этихъ общихъ идей о человѣчествѣ, равенствѣ, братствѣ и справедливости Пикаръ почерпаетъ, въ духѣ времени, главнымъ образомъ изъ сферы экономической, но важно отмѣтить, что для творчества его рѣшающее значеніе имѣетъ самая общность идей: она-то увлекаетъ его и оплодотворяетъ его работу.

Рядомъ съ раціоналистомъ-фантазеромъ живетъ въ Пикарѣ борецъ: онъ непримиримый протестантъ противъ всего застывшаго—даже противъ условностей внѣшней жизни. Онъ преклоняется передъ идеей эволюціи: въ ней есть и общность, и подвижность—два момента, отвѣчающіе двумъ основнымъ тенденціямъ его натуры; его прельщаетъ въ этой идеѣ ея «красота, логичность, постоянство и необходимость» [1]). И этотъ раціоналистъ—реалистъ, въ смыслѣ средневѣковой философіи,—вѣрующій въ реальное бытіе идеи братства, добра и права, ведущій борьбу противъ дѣйствительности, неадэкватной съ идеей, обращенъ одною стороною къ народному правосознанію—непосредственному выраженію идеи справедливости,

---

[1]) L'évolution historique du droit civil, par Edmond Picard, p. 85.

другою—къ будущей универсальной, всечеловѣческой системѣ права. Народная душа — источникъ права; греческое искусство, переставъ быть народнымъ, зачахло; право, созданное Римомъ, тоже зачахло, перейдя въ вѣдѣніе кабинетныхъ ученыхъ; необходимо изъять творчество изъ ихъ рукъ — необходимо возвратить право «народной душѣ»—«пусть оно сойдетъ на улицу, пусть будетъ вездѣ»... Однако вернется ли оно оттуда окрыленнымъ принципами братства, любви, всечеловѣчности?

Но въ сущности все это вышивается на канвѣ экономическихъ отношеній. Трудящіеся классы обездолены; попранные идеалы братства, любви и справедливости взываютъ о мщеніи. Только право (droit) можетъ ихъ возстановить,—то право, которое есть «натуральная сила, какъ силы химическія и физическія, какъ воздухъ, какъ притяженіе; могущественное, невидимое, всепроникающее, какъ онѣ». Оно упразднитъ абсолютную собственность, оно освятитъ трудовое начало. Но для этого надо его вернуть народу.

Вся эта теорія видитъ въ правѣ не регулятивную, а творческую силу; ему отводится мѣсто впереди другихъ факторовъ соціальнаго прогресса—экономическихъ и этическихъ,—между тѣмъ какъ по существу своему оно можетъ только слѣдовать за ними, кристаллизуя добытые ими результаты. Вся надежда на спасеніе возлагается на профес-

сіональныхъ борцовъ за право. Право животворящее, право вседвижущее становится предметомъ священнаго культа, а адвокатъ жрецомъ его. Какъ жрецы одного божества, они должны исполниться одними помыслами, одною вѣрою. Передъ лицомъ верховнаго божества исчезаетъ разница группъ, племенъ и нарѣчій. Всѣ адвокаты на всемъ пространствѣ страны, всѣ адвокаты міра составляютъ одинъ орденъ: остается имъ только сойтись, сознать свою миссію и торжественно произнести общій обѣтъ. Такъ объясняютъ Пикаръ и его единомышленники объединеніе всѣхъ адвокатовъ Бельгіи; такъ объясняютъ они идею международнаго конгресса.

Въ этомъ, «возвышающемъ душу» апоѳеозѣ общественной службы адвокатуры не все есть «обманъ»; но доля скрывающейся въ немъ истины заслонена слишкомъ величественными аналогіями. Несомнѣнно, что общественные органы, культивирующіе право, оперируя непосредственно надъ живымъ матеріаломъ, приводятъ его въ связь съ нарождающимися въ общественномъ сознаніи новыми принципами и способствуютъ кристаллизаціи этихъ принциповъ въ формѣ права. Адвокатъ работаетъ въ томъ же направленіи и, по психилогическимъ условіямъ своей профессіи, дѣйствуетъ болѣе напряженно, пользуясь болѣе свободно присущею закону эластичностью для торжества медленно внѣдряющихся въ общественное сознаніе воззрѣній.

Но горизонтъ, указываемый Пикаромъ, слишкомъ широкъ; проповѣдь слишкомъ абсолютна по своей формѣ. Праву и представителямъ его навязываются задачи непосильныя, выходящія далеко за предѣлы ихъ реальной компетенціи.

Изъ многосторонней дѣятельности Пикара заслуживаетъ особеннаго вниманія и для ближайшей нашей цѣли его дѣятельность въ качествѣ преподавателя. Ареною ея является Брюссельскій «Новый университетъ».

Самое возникновеніе этого университета, весь господствующій въ немъ режимъ, методы и предметы — есть выраженіе протеста противъ установившагося порядка университетскаго преподаванія, противъ классическихъ программъ и классическихъ воззрѣній. Всѣ протестанты въ наукѣ находятъ въ немъ убѣжище. Протестантъ по преимуществу, Пикаръ въ немъ господствуетъ. Онъ читаетъ три главныхъ предмета юридическаго факультета—энциклопедію права, гражданское право и исторію французскаго права; подъ его вліяніемъ (насколько можно судить по именамъ чтецовъ—ближайшихъ учениковъ Пикара) читается значительная часть остальныхъ курсовъ.

Курсы, читаемые Пикаромъ, принадлежатъ къ числу тѣхъ, на которыхъ легче всего провѣрить, какъ реализуется на дѣлѣ столь широко имъ поставленная реформаторская программа, исходящая изъ всеобъемлющаго значенія права и необходи-

мости возвратиться къ народному правосознанію. Къ сожалѣнію, печатаются не самые курсы, а только конспекты изъ нихъ, по системѣ, рекомендуемой «Новымъ университетомъ»; передать по нимъ мысль автора со всею точностью не всегда оказывается возможнымъ, — но для уразумѣнія основныхъ чертъ ихъ совершенно достаточно.

Система изложенія предмета, особенно энциклопедіи и гражданскаго права, обличаетъ въ Пикарѣ непреклоннаго діалектика; можно думать, что именно эта наклонность къ діалектикѣ вызываетъ и особенно страстную любовь Пикара къ гражданскому праву; сочетаніе соціалистскаго агитатора и влюбленнаго въ свой предметъ цивилиста—вообще явленіе еще довольно рѣдкое. Образчикомъ діалектическаго построенія мысли можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ введенія въ курсъ «Энциклопедіи права»: «Можно сказать, что энциклопедія вмѣщаетъ въ себѣ девять частей:

1) знаніе права, характерныя черты;

2) юридическій феноменъ: совокупность фактовъ, въ которыхъ онъ обнаруживается;

3) описаніе права: анатомія, эмбріологія, научное опредѣленіе;

4) его дѣленіе: классификація и группировка;

5) его функціи: динамика и статика права;

6) эволюція, преобразованіе права, разсматриваемаго въ его совокупности: исторія;

7) основаніе (идея) права: происхожденіе (первичная причина) и цѣль (конечная причина);

8) роль права въ человѣческомъ обществѣ: соціологія;

9) изученіе и преподаваніе права: методологія.

Эти девять частей составляютъ прогрессію, діалектическую серію одной и той же идеи. Онѣ взаимно сцѣпляются» [1]).

Та же наклонность къ чистой діалектикѣ выступаетъ и въ курсѣ гражданскаго права. Система раздѣленій и подраздѣленій, построеніе цѣлаго, такъ же какъ и разложеніе понятій, по опредѣленнымъ заранѣе логическимъ схемамъ—все это очень напоминаетъ ту самую «юридическую геометрію», отъ которой Пикаръ такъ отворачивается, и во всякомъ случаѣ очень далеко отъ изысканій въ области народнаго правосознанія; оно по существу своему анти-исторично.

По содержанію курсъ гражданскаго — вѣрнѣе, вещнаго — права ничего оригинальнаго не представляетъ. Новшества курса ограничиваются указаніемъ при раздѣленіи кодекса на книги, что къ тремъ книгамъ, на которыя онъ дѣлится, слѣдовало бы прибавить четвертую, «о правахъ интеллектуальныхъ» [2]),—упоминаніемъ при ученіи о спецификаціи, что «здѣсь оказывается конфликтъ

---

[1]) L'encyclopédie du droit, par Edm. Picard, Bruxelles, 1896, p. 5.
[2]) Le droit civil, par Edm. Picard, p. 5.

труда съ капиталомъ, о значеніи каковой проблемы кодексъ имѣетъ лишь «самое общее представленіе» [1]), — наконецъ постановкою по поводу права собственности вопроса о томъ: «существуетъ ли разумное основаніе собственности въ томъ видѣ, какъ понялъ ее Наполеоновъ кодексъ?» «Этотъ вопросъ—гласитъ отвѣтъ—входитъ въ философію права и освѣщается исторіею права. Доктрины и системы въ этомъ отношеніи весьма различны» [2]). Этимъ исчерпывается все.

Нѣсколько обстоятельнѣе слѣдуетъ остановиться на исторіи гражданскаго права или, какъ ее называетъ Пикаръ, на «исторической эволюціи гражданскаго права». Къ обычнымъ тремъ періодамъ, на которые дѣлится исторія французскаго права (до кодекса), Пикаръ прибавляетъ четвертый, современный намъ періодъ (послѣ кодекса), который кратко характеризуется тѣмъ, что «право, достигнувъ объединенія, работаетъ надъ самимъ собою съ замѣтною тенденціею въ сторону соціализаціи, т.-е. справедливости, равенства и братства». Въ слѣдующемъ затѣмъ изложеніи первыхъ трехъ періодовъ не замѣчается ничего оригинальнаго, если не считать разсѣянныхъ отдѣльныхъ мѣткихъ замѣчаній по частнымъ вопросамъ. Наиболѣе интереса долженъ представлять очевидно четвертый періодъ, въ игнорированіи котораго Пикаръ жестоко

[1]) Ibidem, p. 39.
[2]) Ibidem, p. 28.

обвиняетъ своихъ предшественниковъ: «Къ этому періоду, — говоритъ онъ,—относятся обыкновенно съ пренебреженіемъ; кончаютъ кодексомъ Наполеона. Ребячество (puérilité) и нелогичность такого изуродованія. Это значитъ кончать тамъ, гдѣ начинается самая интересная эпоха для живого поколѣнія. Мотивъ: опасеніе касаться современныхъ событій» [1]). Приступая затѣмъ къ изложенію этого періода, Пикаръ характеризуетъ его подробнѣе слѣдующимъ образомъ: «Въ новомъ періодѣ гражданское право, организованное прежде почти исключительно въ интересахъ благъ матеріальныхъ, въ интересахъ капитала, стремится къ организаціи въ интересахъ труда, въ двухъ его видахъ: физическаго и умственнаго. Отсюда незамѣтно возникновеніе «правъ интеллектуальныхъ» и «рабочаго законодательства». Эта двойная категорія правъ соотвѣтствуетъ отношеніямъ, извѣстнымъ подъ именемъ соціальнаго вопроса. Можно принять, какъ характерный терминъ для этой эпохи: «соціализація права». Феноменъ этотъ развертывался медленно и — странное явленіе — скорѣе внѣ области права, *при содѣйствіи экономистовъ, а не юристовъ*» (не выворачиваетъ ли это «странное явленіе» вверхъ дномъ всю теорію объ едино-спасающемъ дѣйствіи такъ называемой популяризаціи права?)

Послѣ этихъ общихъ вводныхъ опредѣленій

---

[1]) L'évolution historique du droit civil français, Bruxelles, 1896, p. 63.

ждешь естественно, во что они наконецъ воплотятся. Между тѣмъ глава о «соціализаціи права» разбивается еще на двѣ части, и $^4/_5$ ея посвящены исторіи экзегезы Наполеонова кодекса; много тутъ говорится о томъ, что не слѣдуетъ толковать законъ безжизненно, какъ то дѣлали французскіе комментаторы, а необходимо «приноровлять право, по мѣрѣ возможности, къ нравамъ и передовымъ идеямъ XIX вѣка»—но очевидно, что это требованіе, совершенно безспорное въ общей своей формѣ и примѣнимое одинаково повсюду и во всѣ времена, не стоитъ ни въ какой зависимости отъ спеціальныхъ тенденцій нашей эпохи, обнимаемыхъ терминомъ «соціализаціи права».

Такимъ образомъ вся надежда на разрѣшеніе проблемы отлагается до послѣдней, маленькой части главы о «соціализаціи» (всего 4—5 страницъ), озаглавленной: «Попытки къ соціализаціи права». Здѣсь прежде всего находимъ перечень довольно избитыхъ упрековъ буржуазному законодательству кодекса: съ одной стороны, «соціальное, матеріальное преобладаніе богатаго, обезпеченное законами о собственности, о наслѣдованіи и абсолютною свободою договора», съ другой — отсутствіе гарантій для трудоваго начала; и перечень этотъ заканчивается слѣдующимъ выводомъ: «Наполеоновъ кодексъ есть *кодексъ капитала*; его слѣдуетъ дополнить *кодексомъ труда*» (курсивъ въ подлинникѣ). Къ этому мѣсту прибавлены слѣдующія

весьма характерныя слова: «Отъ начала XIX вѣка начинается реформаторское движеніе, отнюдь *не исходящее отъ юристовъ, а отъ экономистовъ.* Развитіе промышленности и интеллектуальнаго труда указываетъ на недостаточность регулирующаго ихъ права. *Исторія вліянія въ XIX вѣкѣ политической экономіи на гражданское право*: изслѣдованіе, которое остается еще сдѣлать (oeuvre à faire»).

Затѣмъ указывается, что экономическія тенденціи вѣка имѣютъ двойную цѣль: «исправить кодексъ въ томъ, что онъ преподаетъ, и восполнить въ томъ, что имъ упущено». Каковы же, наконецъ, эти упущенія и исправленія? Всѣ упущенія — имъ приводится полный списокъ, — относятся къ правамъ труда. Сюда включены: литературная собственность, артистическая собственность, права на привилегіи, на этикеты и клейма, нормировка рабочаго дня и рабочей платы, страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ — все предметы, которые въ томъ или иномъ видѣ уже восприняты законодательствами всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Затѣмъ слѣдуетъ рубрика «исправленій», но въ ней никакихъ исправленій въ сущности не содержится, а указано лишь, что «противъ излишествъ кодекса (excès) въ вопросахъ собственности, свободы наслѣдованія и семейной власти направляется нынѣ критика, стремящаяся устранить господство богатыхъ надъ бѣдными,

сильныхъ надъ слабыми». И тутъ же прибавлено, какъ заключеніе главы—и съ тѣмъ вмѣстѣ всего курса: «*Все это дѣлается скорѣе помимо господъ юристовъ и науки права*, изсушенной позитивными воззрѣніями. Проекты реформъ группируются около *экономической* и соціалистической науки (science économique et socialiste)».

Короче говоря, дѣло, пока что, сводится въ сущности къ внесенію въ законъ опредѣленныхъ, созрѣвшихъ уже нормъ трудового права, съ одной стороны, и къ общему, неопредѣленному признанію необходимости реформъ въ распредѣленіи экономическихъ цѣнностей—съ другой. Но первое всѣми законодательствами въ принципѣ давно уже признано, и рѣчь можетъ идти только о подробностяхъ; второе — въ той общей формѣ, въ какой оно предложено Пикаромъ, до сихъ поръ еще лежитъ внѣ юридической области. Во всякомъ случаѣ и то и другое вызвано — а въ значительной мѣрѣ и до сихъ поръ регулируется—соображеніями экономическими, а не правовыми. Право пока еще еле-еле поспѣваетъ со своими регулятивными нормами за этими новыми, повсемѣстно раздающимися призывами. Въ эту сторону должны быть направлены всѣ заботы поборниковъ права, о творческой же роли права и говорить не приходится.

Только съ такими, весьма важными, оговорками можно принять обращенный къ адвокатурѣ возвы-

шенный призывъ къ служенію идеѣ права, раздававшійся изъ устъ Пикара между прочимъ въ рѣчахъ и статьяхъ его по поводу перваго международнаго конгресса адвокатовъ. На осуществленіе идеи этого конгресса онъ и его ближайшіе сотрудники положили очень много труда — побуждаемые представленіемъ о высокой священнической миссіи адвоката. Каковы бы ни были непосредственно-осязаемые практическіе результаты этого конгресса, во всякомъ случаѣ благотворное его вліяніе на массу адвокатовъ, окунувшихся послѣ своихъ будничныхъ дѣлъ въ атмосферу, пропитанную идеею общественнаго служенія, несомнѣнно. Приподнятость настроенія замѣтно чувствовалась во всѣхъ, а это собственно и есть лучшій изъ возможныхъ результатовъ всѣхъ международныхъ встрѣчъ, плодотворность которыхъ въ смыслѣ научныхъ результатовъ подлежитъ еще большому сомнѣнію.

V.

Интересъ международнаго адвокатскаго конгресса сосредоточился—какъ мы сказали уже—на столкновеніи между бельгійцами и французами. Выдвинутыя нами основныя черты двухъ, столь различныхъ по направленію своему, адвокатуръ должны были сдѣлать яснымъ неминуемость этого столкновенія.

Конгрессъ былъ созванъ федераціею бельгійскихъ адвокатовъ. Организаціею его занимался секретаріатъ федераціи, съ главнымъ секретаремъ, брюссельскимъ адвокатомъ Шенфельдомъ, во главѣ, и нельзя не отмѣтить, что задачу свою онъ исполнилъ образцово. Брошюры, составившія результатъ предварительной enquête, были разосланы членамъ конгресса еще до ихъ пріѣзда въ Брюссель. Ко дню открытія конгресса розданы были кромѣ того и весьма кропотливо составленныя на основаніи полученныхъ отвѣтовъ «синоптическія таблицы» по всѣмъ вопросамъ, предложеннымъ на обсужденіе конгресса. Изготовлены были также и розданы очень подробные конспекты по тремъ основнымъ оффиціальнымъ докладамъ. Все это значительно облегчало работу. Такъ какъ на конгрессѣ допускались, кромѣ французскаго, еще англійскій, нѣмецкій и фламандскій языки, то въ засѣданіяхъ присутствовали переводчики изъ молодыхъ адвокатовъ, тутъ же, по произнесеніи рѣчи на чужомъ языкѣ, воспроизводившіе ее по-французски. Переводы эти исполнялись съ такою точностью изложенія и съ такимъ мастерствомъ въ формѣ, что оригиналы часто блѣднѣли передъ копіями; сами авторы признавали это.

Парламентъ отказалъ въ назначеніи субсидіи на устройство конгресса, и потому увеселительная часть его занимала сравнительно мало мѣста, что̀, конечно, могло только выгодно отразиться на его

занятіяхъ. Изъ числа трехъ-четырехъ раутовъ, устроенныхъ городомъ, министрами и даже какимъ-то богатымъ брюссельскимъ меценатомъ, самыя пріятныя воспоминанія связываются съ вечеромъ, проведеннымъ въ скромномъ, расположенномъ вдали отъ центра города домѣ старика Лежена: простая обстановка, среди которой живетъ этотъ обаятельный человѣкъ, — кабинетъ, уставленный сверху до низу книгами,—простота и задушевность хозяевъ,—сами они, убѣленные сѣдинами, съ кротостью и добродушіемъ глядящіе на свѣтъ,—одно шло къ другому и создавало атмосферу, въ которой легко, привольно дышалось.

Первый пріемъ конгрессистовъ федераціею адвокатовъ состоялся 1 августа. Принимали почетные президенты Le Jeune и Guillery и дѣйствительный президентъ Пикаръ въ сопутствіи многочисленныхъ членовъ федераціи—всѣ въ торжественномъ облаченіи: въ тогахъ и беретахъ. Пріемъ, какъ и всѣ дальнѣйшія засѣданія, происходили въ одной изъ залъ «Дворца правосудія», этого чудища архитектуры XIX вѣка, грандіознаго, но неудачнаго плода художественнаго эклектизма, стремящагося сочетать несочетаемое — гармоническую простоту греческихъ линій, грузность египетско-вавилонскихъ громадъ и величіе христіанскихъ храмовъ.

Сборъ конгрессистовъ назначенъ былъ въ той самой мрачной уголовной залѣ, которую Леженъ считаетъ уже анахронизмомъ для нашихъ дней.

Тотчасъ послѣ встрѣчи послѣдовало представленіе конгресса брюссельскому совѣту, который въ полномъ облаченіи, съ предсѣдателемъ во главѣ, ожидалъ гостей въ помѣщеніи совѣта. Представляя конгрессъ совѣту и вручая при этомъ предсѣдателю его въ даръ сборникъ предварительныхъ трудовъ конгресса (отвѣты на enquête), «какъ букетъ цвѣтовъ, который несешь въ именинный день въ даръ дорогому сердцу»—Пикаръ, въ красивомъ, краткомъ спичѣ, указалъ на значеніе перваго съѣзда «поборниковъ права», какъ новаго симптома единенія всего культурнаго человѣчества, и высказалъ при этомъ надежду, что прекращеніе войнъ и замѣна ихъ мирною правовою расправою совершится только при содѣйствіи представителей закона, путемъ всемірныхъ ихъ съѣздовъ.

Послѣдовалъ любезный отвѣтъ со стороны предсѣдателя совѣта, Ландріена, а затѣмъ послѣ завтрака, предложеннаго совѣтомъ конгрессу въ помѣщеніи библіотеки, подробный осмотръ «Дворца правосудія». Этимъ собственно исчерпывалась программа перваго дня, если не считать зрѣлищъ: историческаго кортежа, на который конгрессистамъ предоставлялось глядѣть съ особо припасенныхъ для нихъ мѣстъ, и многолюднаго раута вечеромъ въ городской ратушѣ, на которомъ конгрессистамъ удѣлялось въ сущности очень мало вниманія: имъ приходилось выдерживать конкуренцію съ лондонскимъ лордомъ-меромъ, состав-

лявшимъ предметъ особеннаго любопытства всѣхъ брюссельцевъ.

Въ понедѣльникъ, 2 августа, въ 10 час. утра, послѣдовало торжественное открытіе занятій конгресса. Предсѣдательствовалъ почетный президентъ конгресса, министръ юстиціи Бежеремъ, произнесшій при открытіи приличную случаю рѣчь, послѣ чего послѣдовали привѣтственныя и благодарственныя рѣчи делегатовъ разныхъ странъ. Вся эта процедура закончилась выборомъ предсѣдателя конгресса (Леженъ), вице-предсѣдателя (Пикаръ), секретаря (Шенфельдъ) и бюро въ составѣ 10 человѣкъ изъ числа почетнѣйшихъ конгрессистовъ,—послѣ чего приступлено было къ занятіямъ.

На обсужденіе конгресса поставлены были собственно три вопроса, сообразно тремъ отдѣламъ предварительной enquête—первому, второму и четвертому. Третій отдѣлъ—«объ основныхъ принципахъ адвокатской профессіи»,—содержавшій вопросы самые интересные съ точки зрѣнія чисто-профессіональной (о регламентаціи, о двустепенной адвокатурѣ, о совмѣстительствѣ)—былъ совершенно исключенъ. Оставлены такимъ образомъ вопросы: изъ I отдѣла—о свободныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ адвокатской профессіи; изъ II отдѣла — объ университетскомъ преподаваніи и о стажѣ; изъ IV отдѣла — о созданіи организаціи, въ цѣляхъ международнаго единенія. Единственный строго профессіональный вопросъ, оставшійся въ

программѣ,—вопросъ о стажѣ—тоже интересовалъ бельгійцевъ мало: если не считать весьма краткой рѣчи докладчика и весьма длинной рѣчи одного сильно увлекающагося антверпенскаго адвоката, неимовѣрно горячо возставшаго противъ стажьерскаго экзамена, — то о стажѣ говорили одни иностранцы, не встрѣчая ни отклика, ни возраженія со стороны составлявшихъ значительное большинство на конгрессѣ бельгійскихъ членовъ его. Интересъ сосредоточился всецѣло на вопросахъ, имѣющихъ характеръ не строго-профессіональный, а общественный, и именно на тѣхъ, которые волновали спеціально бельгійскую адвокатуру. Самыя пренія по нимъ, поскольку они исходили отъ бельгійцевъ, держались въ предѣлахъ тѣхъ споровъ, которые происходили и до конгресса между мѣстными партіями.

Для перваго дня (2 августа) назначенъ былъ вопросъ объ учрежденіяхъ. Докладчикъ Дюбуа съ большимъ воодушевленіемъ изложилъ свой взглядъ на миссію адвоката. Адвокатъ — «жрецъ права» (prêtre du droit), символъ его—братство (fraternité); какъ жрецы одного культа сплачиваются въ одно цѣлое и имѣютъ общій лозунгъ, общее привѣтствіе, такъ и нынѣшній конгрессъ сплотилъ всѣхъ адвокатовъ міра въ одинъ союзъ подъ девизомъ братства. Затѣмъ слѣдовалъ перечень описанныхъ нами выше корпоративныхъ учрежденій бельгійской адвокатуры.

Пренія по этому, какъ и по слѣдующему докладу, были чрезвычайно блѣдны,—преній въ собственномъ смыслѣ слова даже и не было вовсе, а былъ довольно скучный пересказъ разными делегатами подробностей о существующихъ въ ихъ странахъ учрежденіяхъ — пересказъ, казалось бы, совершенно излишній послѣ подробной enquête, собранной и розданной всѣмъ членамъ конгресса. Среди ораторовъ выдѣлялись только: Пикаръ, горячо доказывавшій необходимось конференцій, при помощи которыхъ «организованная свободная критика молодыхъ освѣжаетъ умы старцевъ», и два представителя «конференціи Молодой адвокатуры» (президентъ Ninauve и директоръ André), сообщившіе много интересныхъ подробностей о ходѣ занятій въ конференціяхъ. На мигъ оживилъ скуку и Клюнэ язвительнымъ упрекомъ, брошеннымъ «Молодой адвокатурѣ» въ томъ, что она все еще «молода», хотя ей вотъ уже минуло 50 лѣтъ. Но это болѣе злое, чѣмъ остроумное, замѣчаніе утонуло въ массѣ напыщеннныхъ и скучныхъ диѳирамбовъ, воспѣтыхъ г. Клюнэ въ честь парижской конференціи.

Вялость преній вызывалась несомнѣнно неумѣлою постановкою вопроса, относительно котораго въ сущности никакихъ преній и быть не могло. Пикаръ попробовалъ все-же извлечь изъ этой негодной матеріи какой-нибудь вопросъ, о которомъ можно было бы разсуждать, и редактировалъ его

такъ: желательно ли насажденіе конференцій, федерацій и проч. учрежденій? Но и это дѣла не спасло. В. Д. Спасовичъ возбудилъ вопросъ о томъ, умѣстно ли говорить о распространеніи повсемѣстно федерацій, когда есть страны, въ которыхъ нѣтъ первыхъ ячеекъ для этой федераціи, нѣтъ совѣтовъ,— разумно ли начинать строить домъ съ крыши; но отклика ни откуда не послѣдовало: конгресъ слишкомъ былъ далекъ отъ конкретностей. Другой членъ конгресса, делегатъ германской федераціи адвокатовъ, возбудилъ вопросъ о желательности централизаціи адвокатскихъ кассъ взаимопомощи, но и этотъ вопросъ, какъ слишкомъ практическій, не обратилъ на себя ничьего вниманія. Пренія такъ и не оживились.

Голосованія на конгрессѣ не производилось; предсѣдатель подводилъ по каждому вопросу итоги преніямъ въ краткомъ резюмэ. Такъ какъ въ рѣчахъ ораторовъ по первому вопросу въ общемъ слышалось сочувствіе идеѣ корпоративнаго устройства адвокатуры, насажденія конференцій и федерацій, то предсѣдатель въ такой общей формѣ и резюмировалъ результатъ преній.

Второй докладчикъ, Жаспаръ, въ болѣе скромныхъ, чѣмъ его предшественникъ, выраженіяхъ, дѣловито и вмѣстѣ съ тѣмъ живо изобразилъ состояніе созданныхъ бельгійскою адвокатурою патронатскихъ учрежденій; онъ воспользовался случаемъ отразить и злобныя нападки Клюнэ, замѣ-

тивъ, что они въ Бельгіи считаютъ себя молодыми не по годамъ, а по степени жизненности, и что такія доказательства своей молодости они всегда готовы представить.

Пренія по второму вопросу совершенно отсутствовали; о немъ, очевидно, и двухъ мнѣній быть не могло. А. Н. Турчаниновымъ сообщены были нѣкоторыя подробности о русскихъ благотворительно - профессіональныхъ учрежденіяхъ, канадскимъ адвокатомъ — объ учрежденіяхъ въ Канадѣ,—послѣ чего Леженъ приступилъ къ резюмэ, которое на сей разъ оказалось большою, чрезвычайно талантливою рѣчью, выслушанною всѣми присутствовавшими съ напряженнымъ вниманіемъ. Рѣчь шла объ излюбленномъ дѣтищѣ Лежена, и тутъ-то онъ проповѣдывалъ необходимость «творить правосудіе» путемъ попеченія о несчастныхъ и указывалъ на несоотвѣтствіе размѣровъ «Дворца правосудія» даннымъ уголовной статистики. Этимъ закончились труды перваго дня.

Со второго дня пренія значительно оживились.

Докладчиками явились на этотъ разъ представители умѣренной партіи, не пикардисты. На очередь были поставлены вопросы объ университетскомъ преподаваніи и о стажѣ. Докладъ былъ сдѣланъ однимъ изъ докладчиковъ по обоимъ предметамъ заразъ; второй докладчикъ остался для репликъ. Пренія по обоимъ вопросамъ были внѣшнимъ образомъ отдѣлены, но въ сущности

шли въ свалку. Первый докладчикъ, Hanssens, главную часть своей рѣчи посвятилъ вопросу объ университетской реформѣ. Онъ стоитъ за исключеніе практическаго элемента изъ университетскаго курса, требуетъ освѣженія программъ соотвѣтственно современнымъ научнымъ требованіямъ, однако въ предѣлахъ чисто-юридическихъ дисциплинъ; отгораживаетъ юридическій факультетъ отъ переполненія общественными и политическими науками; рядомъ съ обязательными предметами рекомендуетъ учрежденіе спеціальныхъ, необязательныхъ курсовъ, куда можно отнести наряду съ естественными, и политическія, и общественныя науки.

По вопросу о стажѣ докладъ былъ очень краткокъ. Послѣ перечисленія дѣйствующихъ системъ стажа и указанія на желательность соединенія всѣхъ ихъ, докладчикъ быстро перешелъ къ наиболѣе его интересовавшему вопросу о профессіональномъ экзаменѣ по окончаніи стажа. Онъ разсмотрѣлъ существующія въ разныхъ странахъ по этому вопросу системы и, оцѣнивъ ихъ достоинства и недостатки, высказался за установленіе экзамена.

По окончаніи доклада, англичанинъ Crackenthorpe прочиталъ остроумную рѣчь о разныхъ недостаткахъ системъ преподаванія и профессіональнаго обученія; говорилъ и представитель французской провинціи, говорилъ другой англичанинъ.

Griffith (самый экстравагантный членъ конгресса по манерѣ и даже по костюму), говорилъ одинъ французскій представитель о профессіональной подготовкѣ въ Америкѣ; говорилъ пишущій эти строки о недостаткахъ личнаго патроната, вставилъ нѣсколько замѣчаній В. Д. Спасовичъ,—но все это шло спорадически, какъ будто «между дѣломъ», а настоящее дѣло составляли: пренія между бельгійцами цо вопросу объ университетскомъ преподаваніи и рѣчь Клюнэ какъ будто по поводу стажа, но въ сущности въ защиту древности и величія парижской адвокатуры.

Изъ числа бельгійцевъ выступили съ оппозиціей, какъ и можно было ожидать, профессора «Новаго университета», Dejongh и Picard. Обоимъ имъ дважды и оба раза чрезвычайно остроумно отвѣчалъ второй докладчикъ, Hymans, еще молодой человѣкъ, но несомнѣнно одинъ изъ лучшихъ ораторовъ на конгрессѣ. Оппоненты особенно подчеркивали необходимость единенія науки съ жизнью, съ природою, съ толпою и какъ на путь къ осуществленію этого единенія указывали не на измѣненіе самихъ методовъ научнаго изслѣдованія, а на введеніе чисто-практическихъ занятій въ курсъ университетскаго преподаванія. При этомъ неоднократно дѣлались ссылки на максиму: «ex facto jus oritur», которая вообще въ устахъ «пикардистовъ» повторяется довольно часто и служитъ для отраженія очень разнородныхъ по со-

держанію своему нападокъ. Очевидно, что, совершенно независимо отъ правильности ея по существу, она менѣе всего примѣнима къ вопросамъ преподаванія, гдѣ дѣло идетъ не о творчествѣ права, а о преподаваніи того, что̀ уже сотворено. Оппоненты коснулись затѣмъ и другихъ спорныхъ между двумя направленіями вопросовъ: Dejongh — вопроса о расширеніи курса общественныхъ наукъ, Picard—объ «устномъ» методѣ, сопровождаемомъ печатаніемъ конспектовъ.

Hymans съ большою живостью отражалъ всѣ эти доводы, указывая, что университетъ, не будучи въ состояніи воспитать «всевѣдущихъ (omniscients), долженъ давать солидное образованіе въ отдѣльныхъ областяхъ и очищать эти области отъ примѣсей, тѣсно съ ними не связанныхъ: къ числу такихъ примѣсей на юридическомъ факультетѣ принадлежатъ соціологія, политическая экономія и политика. Относительно методовъ преподаванія споры вообще праздны; все тутъ зависитъ отъ личности профессора: «хорошій методъ—есть лишь методъ хорошаго профессора».

Медленными, важными шагами, съ дурно скрытымъ волненіемъ, вступилъ затѣмъ на каѳедру M-re Clunet. Онъ пріурочилъ формально свою рѣчь къ нашимъ указаніямъ на обветшалость и непригодность системы личнаго патроната, — но скоро выплылъ изъ этого скромнаго уголка на широкое море разсужденій объ обветшалости вообще, о

древности истины, морали и красоты, о вѣкахъ, прошедшихъ длинною чередою надъ устоями парижской адвокатуры, и проч. и проч. Излагать подробнѣе содержаніе этой рѣчи не стоитъ,—да оно и невозможно: всѣ усилія возстановить связь мыслей оказывались тщетными тогда—тотчасъ по выслушаніи—а тѣмъ болѣе теперь. Въ смыслѣ риторскаго краснорѣчія это было, пожалуй, верхомъ совершенства, и съ этой стороны, какъ нѣчто законченное въ своемъ родѣ, она представляла для наблюдателя нѣкоторый интересъ,—но слушатели остались всѣ подъ впечатлѣніемъ холодности, вычурности и пустоты. Отрадно было видѣть, какъ этотъ родъ повсемѣстно уже пріѣлся.

Резюмэ этого дня, въ виду большаго разногласія въ мнѣніяхъ, оказалось чрезвычайно затруднительнымъ; его почти и не было.

На программу третьяго дня поставленъ былъ вопросъ объ организаціи международнаго единенія. Докладчиками выступили опять представители «новаго курса», молодые адвокаты Энбикъ и Жансонъ-младшій. Роли между ними распредѣлились такъ же, какъ между докладчиками предыдущаго дня: одинъ (Энбикъ) докладывалъ, другой (Жансонъ) взялъ на себя реплику. Дѣло шло о реализаціи очень широкой идеи — всемірнаго единенія адвокатовъ, и задача оказалась непомѣрно трудною: легче было провозгласить идею, чѣмъ воплотить ее въ опредѣленное учрежденіе. Докладчики

придумали болѣе, чѣмъ скромную, форму единенія — какое-то международное бюро справокъ о дѣйствующихъ законодательствахъ, организованное не то на благотворительныхъ, не то на коммерческихъ началахъ,—но чувствовалось, что форма эта, слишкомъ ужъ далекая отъ всеобъединяющей идеи служенія праву, пришлась имъ не по плечу: негдѣ было здѣсь развернуться. Потому, вѣроятно, второй докладчикъ совершенно оставилъ эту реальную оболочку всемірнаго общенія и говорилъ о самой идеѣ его, находя, и не безъ основанія, что идея эта лучше всего осуществилась самымъ созывомъ международнаго конгресса: «съ этого момента нѣтъ болѣе адвокатуръ отдѣльныхъ странъ, а есть одна всемірная адвокатура». Очутившись на должной высотѣ, ораторъ говорилъ хорошо, увлекательно, съ неподдѣльнымъ юношескимъ жаромъ. Идея международнаго бюро пришлась зато по плечу болѣе трезвымъ членамъ конгресса. Представитель берлинскаго общества адвокатовъ, Гольдшмидтъ, представилъ очень подробный и обстоятельный планъ организаціи, а бельгійскій адвокатъ Браунъ, бывшій bâtonnier, человѣкъ конкретнаго склада ума, пользующійся крупнымъ успѣхомъ въ качествѣ дѣлового адвоката, очень убѣжденно его поддерживалъ. Но на сцену явился Пулье, присутствовавшій только одинъ этотъ день на конгрессѣ, и смелъ даже этотъ невинный слѣдъ адвокатскаго единенія. Онъ находилъ.

бюро справокъ—еще слишкомъ смѣлый шагъ на пути къ сокрушенію преградъ, отдѣляющихъ старыя вѣковыя корпораціи (разумѣй: парижскую) отъ совершенно незнакомыхъ ему, Пулье, новичковъ,—что надо времени дать сдѣлать свое дѣло,—что и онъ, Пулье, какъ бывшій bâtonnier, клялся и клянется нынѣ охранять священныя традиціи своего сословія, во имя которыхъ онъ и взываетъ о предоставленіи всего теченію времени. Онъ выразилъ однако и сочувствіе идеѣ международнаго конгресса (иначе зачѣмъ же было и являться?), но къ чему собственно это сочувствіе относилось и почему созывъ конгресса не слѣдовало также предоставить теченію времени — уразумѣть оказалось невозможнымъ.

Послѣ этой рѣчи г. Браунъ «въ виду несогласія знаменитаго парижскаго коллеги», счелъ нужнымъ отказаться отъ своего проекта, и вопросъ такимъ образомъ самъ собою упразднился.

Остался на очереди отодвинутый въ глухой уголъ доклада вопросъ о послѣдней возможной организаціи единенія—о будущемъ конгрессѣ. По этому поводу не было и не могло быть основныхъ разнорѣчій, и вопросъ шелъ только о томъ, гдѣ устроить ближайшій конгрессъ. Пикару пришла въ голову «фантастическая» мысль созвать конгрессъ въ Парижѣ. «Не зовутъ насъ,—сами пріѣдемъ; сядемъ у ихъ стѣнъ, пускай удивленные глядятъ на насъ». Онъ изложилъ свой планъ съ большою жи-

востью, съ ѣдкимъ сарказмомъ и вызвалъ шумное одобреніе всего собранія. Пулье съ довольно смущенной миной, но стараясь сохранить солидность и хладнокровіе, со всею серьезностью отвѣтилъ, что онъ считаетъ этотъ проектъ преждевременнымъ и предлагаетъ собрать конгрессъ — въ Италіи; Клюнэ къ нему присоединился и съ своей стороны предложилъ—Англію. Но итальянца не оказалось въ собраніи, а англичанинъ отвѣтилъ уклончиво. Предлагался затѣмъ Бернъ, Амстердамъ: делегаты выражали полную готовность, но сомнѣвались въ томъ, удастся ли имъ, при слабости ихъ силъ и недостаточности мѣстной организаціи, двинуть такую машину. Положеніе становилось наконецъ неловкимъ, делегаты неопредѣленно поглядывали другъ на друга, хозяева-бельгійцы были видимо смущены, пока наконецъ одинъ веселый французъ не вывелъ всѣхъ изъ затрудненія, шутливо заявивъ, что онъ совершенно превосходно чувствуетъ себя въ Брюсселѣ, а потому не видитъ достаточной причины, почему бы слѣдующему конгрессу не собраться опять въ Брюсселѣ. Пикаръ тогда добродушно успокоилъ собраніе, сказавъ, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду серьезно предлагать перемѣщеніе въ Парижъ, что съ радостью вторично насъ примутъ въ Брюсселѣ, что хотѣлось ему только испытать силу «великихъ, но весьма особливыхъ идей» (grandes, mais très particulières idées) представителей парижской адвокатуры.

Окончательное рѣшеніе вопроса о мѣстѣ ближайшаго конгресса поручено бюро, на которое возложена и вся его организація. Этимъ закончилось третье засѣданіе и вмѣстѣ съ тѣмъ вся дѣловая часть занятій конгресса.

Четвертый день (5 августа) предназначался для торжественнаго закрытія. Засѣданіе открылось чтеніемъ привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ (въ числѣ послѣднихъ былъ и очень тепло редактированный привѣтъ отъ имени Московскаго юридическаго общества, за подписью С. А. Муромцева), послѣ чего на каѳедру вступилъ Пикаръ, на сей разъ опять въ адвокатской формѣ (тогѣ и беретѣ). Рѣчь его, длившаяся слишкомъ часъ, резюмировала занятія конгресса, излагала profession de foi автора, страстно нападала на проповѣдь ветхости и отсталости, подчеркивала результаты, достигнутые молодой бельгійской корпораціею, руководимой единственно живымъ стремленіемъ къ прогрессу, вырисовывала крупными штрихами отдаленные горизонты невѣдомаго будущаго и съ искреннимъ паѳосомъ призывала адвокатуру всего міра къ возвышенному служенію идеѣ «вульгаризаціи права». Какъ результатъ конгресса, онъ указывалъ упрочившееся сознаніе въ единствѣ адвокатуры всего міра,—для этого новаго понятія не существуетъ даже еще слова во французскомъ языкѣ, обнаруживающемъ вообще со временъ Malesherbe'а необычайную отсталость роста; это слово надо по-

заимствовать, оно есть у нѣмцевъ: Advokatur. «Avocature» народилась, она должна быть съ этого момента и въ языкѣ. Реальнымъ результатомъ сознаннаго единства является пока рѣшеніе созвать ближайшій конгрессъ и связанное съ нимъ печатаніе повременнаго «Бюллетеня конгресса»; изданіемъ этого «Бюллетеня» осуществится, по словамъ Пикара, и сдѣланное конгрессу однимъ изъ русскихъ представителей предложеніе объ изданіи «Международнаго Журнала Адвокатуры».

Послѣ рѣчи Пикара слѣдовали прощальныя благодарственныя рѣчи делегатовъ всѣхъ странъ. Рѣзкимъ диссонансомъ врѣзалась въ ихъ среду, вся проникнутая злобою и высокомѣріемъ, рѣчь Клюнэ. Онъ метался и ревѣлъ, взывалъ о мщеніи и за обиженный французскій языкъ, и за поруганную честь французской молодежи, издѣвался надъ этими «никогда не старѣющимися старцами» и грозно поднималъ руки, вызывая на бой всѣхъ за честь Франціи. И все это было до того мишурно, неискренно и, главное, до того дико и безтактно, что возмущенная публика провожала окончившаго рѣчь и изнемогавшаго отъ неимовѣрныхъ физическихъ усилій оратора — сострадательнымъ молчаніемъ.

Наступилъ наконецъ самый торжественный моментъ конгресса—заключительное слово предсѣдателя Le Jeune'a. Всѣ съ благоговѣйнымъ трепетомъ напрягли вниманіе. Рѣчь его долго не изг

дится изъ души тѣхъ, кому пришлось ее слышать. Это былъ chef d'oeuvre вкуса, ораторскаго таланта и глубины чувства. Каждый оборотъ ея, каждое слово, движеніе были плѣнительны. Дрожь истиннаго художественнаго восторга охватывала душу. Говорилъ онъ о вещи, для которой даже не могъ найти словъ—и всѣ безъ словъ его поняли. Онъ каялся, что свою задачу исполнялъ все время неумѣло, что былъ туманенъ въ выводахъ; теперь, въ этотъ заключительный моментъ, на которомъ сосредоточено вниманіе всѣхъ, онъ долженъ быть ясенъ, онъ долженъ резюмировать все, что́ происходило, точной и опредѣленной фразою. И онъ знаетъ эту фразу, — она есть у него, — есть въ сердцѣ, только нѣтъ для нея еще словъ.

Взрывъ горячихъ аплодисментовъ прервалъ оратора—у всѣхъ въ сердцѣ была та же фраза—и, когда смолкли аплодисменты, ораторъ попросилъ разрѣшенія резюмировать свою рѣчь этой «фразой безъ словъ».

Энтузіазмъ публики не поддается описанію, такъ же какъ не поддается описанію и самая рѣчь.

Вечеромъ въ тотъ же день былъ банкетъ, устроенный конгрессу бельгійскими адвокатами. Присутствовали на немъ: министръ юстиціи, сказавшій сердечный тостъ въ честь иностранцевъ отъ имени бельгійскаго правительства, и представитель города, радушно приглашавшій гостей втотчно въ Брюссель. Произнесено было затѣмъ

много рѣчей; изъ числа ихъ обратила на себя особенное вниманіе, по неожиданности, рѣчь Клюнэ, который провозгласилъ тостъ за Пикара, — «человѣка, съ которымъ онъ не соглашается въ подробностяхъ, но считалъ бы большимъ для себя несчастіемъ не соглашаться въ большихъ линіяхъ». Всѣ присутствовавшіе удивленно глядѣли на оратора и другъ на друга — и выпили за здоровье Пикара.

Два послѣднихъ дня недѣли (по закрытіи занятій конгресса) посвящены были товарищескимъ экскурсіямъ. 6-го августа была экскурсія въ Брюгге; мѣстная адвокатура принимала конгрессъ in corpore и устроила спеціально въ честь конгресса концертъ на славящихся во всей странѣ колоколахъ древней башни. 7-го августа конгрессъ плылъ между покрытыми нѣжною зеленью берегами Шельды въ Антверпенъ, гдѣ городъ чествовалъ гостей иллюминаціею, факельцугами и звономъ колоколовъ.

Такъ закончились эти аркадскіе дни.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I. Основные принципы 1
Роль политическаго элемента. . . . . —
Правотворческая дѣятельность 7
Независимость и сословная организація. 12
Отношеніе общества къ адвокатурѣ 26
Что такое сословіе? Комплектъ и обязательная адвокатура 36
Профессіональная подготовка 40
II. Адвокатская школа 47
Стажъ въ Зап. Европѣ. . . . . —
Стажъ у насъ по судебнымъ уставамъ 61
Развитіе нашего помощничества 64
Опытъ сословнаго патроната 76
III. Личный патронатъ 86
IV. Старыя и новыя вѣянія въ европейской адвокатурѣ . . . 96
Прошлое и настоящее французской адвокатуры. Отсталость въ профессіональной жизни и въ общественной дѣятельности адвокатовъ. Основная тенденція французской адвокатуры. Представители Франціи на международномъ конгрессѣ адвокатовъ въ Брюсселѣ 102
Бельгійская адвокатура до послѣднихъ десятилѣтій; Исторія ея.—Учрежденія: а) конференція Молодой адвокатуры, ея исторія, задачи и возникшія по ея почину новыя учрежденія; б) федерація бельгійскихъ адвокатовъ.—Проекты реформъ: а) о сословной организаціи; б) о до-

СТРАН.

пущеніи женщинъ; в) о присягѣ; г) о дисциплинарномъ производствѣ; д) о стажѣ и юридическомъ образованіи. 125

Участіе адвокатовъ въ общественной жизни. Новѣйшее направленіе въ бельгійской адвокатурѣ 177

Эдмонъ Пикаръ. Личность и воззрѣнія. Соціальное значеніе популяризаціи права. Взглядъ на роль адвокатуры. 183

Цѣль и послѣдовательный ходъ занятій перваго международнаго конгресса; его результаты 197

11 МАР. 1941

ARL UNGER, Dorpat.
BUCHBINDEREI u.